

Снегирёв

РУССКІЕ ПРОСТОНАРОДНЫЕ

Снегирёв, И. М.

ПРАЗДНИКИ

и

СУЕВѢРНЫЕ ОБРЯДЫ.

ВЫПУСКЪ I.

На нашей улицѣ праздникъ.

Русская поговорка.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1837.

DK32

56.6

V.1-2

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по напечапаніи представлены
были въ Ценсурный Комитетъ шри экземпляра.
Москва. Февраля 20 го дня 1837 года.

Ценсоръ А. Нарезошниковъ.

ЕГО ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

**Господину Министру Народнаго Просвѣщенія,
Государственнаго Совѣта Члену и
разныхъ орденовъ Кавалеру.**

СЕРГІЮ СЕМЕНОВИЧУ

УВАРОВУ

съ досподолжнымъ высокопочтеніемъ

посвящаетъ

сія воспоминація опечесивенной народности

Сочинитель.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Рускіе праздники проспонародныя и соединенныя съ ними древнія повѣрья, со-спавляя завѣщанія спихіи народности, входящъ во внушреннюю Исторію Ру-скаго народа и его Древности. О важ-ности и необходимости изслѣдованія сего предмета говорили Шлёцеръ, Карамзинъ и Мишрополішъ Кіевскій Евгений. Пред-спавлено было нѣсколько опышовъ, до-спойныхъ вниманія, Гг. Глаголевымъ, Ма-каровымъ и И. Сахаровымъ. Почтенный Сочинишель книги: *о великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ, Кіевъ, 1835* г., при нѣкошорыхъ изъ нихъ приводитъ *народные обычаи*. Послѣ ешого, наконецъ и я опшваживаюсь предспавишь свой опышь *Руской Еортологіи*, въ коемъ излагаешся общій и часпный обзоръ проспонародныхъ праздниковъ съ обрядами и опносящимися къ нимъ пѣснями. Сколько можно, мною обращено вниманіе на время и мѣспо, гдѣ и когда возникали и продолжающся сіи праздники. Самое происхождение, содер-жаніе и цѣль оныхъ рѣшишельно опдѣ-ляешъ ихъ опъ церковныхъ св. празднеспвъ.

II

Я не ограничивался извѣстными и дослупными мнѣ источниками письменными (*). Какъ старинные обычаи живупъ болѣе въ народѣ, чѣмъ въ книгахъ; по я собиралъ мѣстные объ ешомъ свѣдѣнія и живыя преданія посредствомъ переписки или путешествій по Россіи. Не могу умолчать искренней моей благодарности нѣмъ почтеннымъ особамъ, кои содѣйствовали мнѣ въ трудѣ моемъ со-вѣтами, указаніями и доставленіемъ ма-теріяловъ: Гг. Профессорамъ О. А. Голубинскому, П. М. Терновскому, И. И. Давыдову, М. П. Погдину, О. Л. Морошкину, С. П. Шевыреву, Г. Магистру М. С. Гасшеву и достойнѣйшимъ сочленамъ по Обществу Исторіи и Др. Рос. А. О. Вельшману, Н. А. Полевому и Князю М. А. Оболенскому. Гг. Директоры Гимназій, Костромской Ю. Н. Баршеневъ и Тверской И. И. Лажечниковъ радушно сообщали мнѣ свѣдѣнія, собранныя ими по учебному округу чрезъ Гг. Смолришелей и Учишелей. Профессоръ И. Н. Лобой-

(*) Жалю, что я не могъ пользоваться Ключемъ къ Карамзину, сост. П. М. Спроевымъ, изданіями Археографической Экспедиціи, новыми сочиненіями о Мифологіи и Древностяхъ Гримма, Шеллинга и Шаффарика.

III

ко въ Вильнѣ, для меня опобравъ опъ своихъ спуденшовъ, уроженцевъ изъ малой, бѣлой, красной и черной Руси, записки о мѣспныхъ обычаяхъ и повѣрьяхъ, обогатилъ мое собраніе. Почтенный сочленъ по Обществу Испоріи и Древностей Росс., нашъ ревностный изыскатель отечественной старины, М. Я. Діевъ дополнял мои изслѣдованія своими наблюденіями въ Коспромской, Ярославской и частию во Владимірской Губерніяхъ. Касательно Славянскихъ Древностей я пользовался совѣтами и маперіалами Гг. Ю. И. Венелпа и I. М. Бодянскаго; а въ Липовскихъ и Польскихъ руководителями моими были Гг. В. Г. Анаспасевичъ и И. Н. Лобойко. Самъ постигая всю важность и обширность избраннаго мною предмета, объемлющаго внушрнюю жизнь Рускаго народа въ разныхъ ея эпохахъ, нахожу, что онъ пребуесть бѣльшихъ и разнообразнѣйшихъ познаній и средствъ, постояннѣйшихъ наблюдений и изслѣдований, нежели какія я имѣлъ. Чѣмъ далѣе иппи по етому поприщу, чѣмъ глубже вникаеть въ епощъ предметъ, повидимому, столь обыкновенный и знакомый, но по сущности многосложный и разносторонній, тѣмъ болѣе опкроееть новыхъ свѣдѣній и сообра-

IV

женій, важныхъ для Исторіи, Филологіи и Философіи. Какъ во время печашанія книги попадались мнѣ неизвѣстные матеріалы: но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были неизбѣжными повторы и опущенія; въ чемъ я прошу извиненія у строгихъ требователей порядка.

Кажется, мой опытъ уже сдѣлается лишнимъ, если послужитъ матеріаломъ для будущихъ изыскателей Руской Древности въ живыхъ ея источникахъ, кои время отъ времени изсякаютъ въ народѣ; а трудъ мой будетъ награжденъ, если вызоветъ новыхъ изслѣдователей (*) и если заслужитъ вниманіе благонамѣренныхъ соотечественниковъ, и пусть самымъ поощритъ меня къ продолженію сего изданія, въ комъ помѣстится самое описаніе просло-народныхъ праздниковъ въ древнія и новыя времена.

И. Снегиревъ.

1837 г.

Февраля 3.

(*) Я готовъ съ благодарностію помѣщать въ слѣдующихъ книжкахъ дѣльныя замѣчанія благонамѣренныхъ наблюдателей для того, чтобы въ одномъ сочиненіи соединилось то, что къ нему относится.

РУСКИЕ

ПРОСТОНАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

ОБЩИЙ ОБЗОРЪ.

ВВЕДЕНИЕ.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ средствъ къ сближенію людей и народовъ и однимъ изъ обильнѣйшихъ источниковъ къ познанію внѣшней и внутрѣнной жизни каждаго народа служатъ его праздники съ относящимися къ нимъ суевѣрными обрядами, хороводами, пѣснями и играми. Въсплъ съ первыми вѣрованіями возникши въ колыбели человѣчества, по опкровенію самой природы, при образованіи перваго общесства, они выражаютъ въ себѣ древній бытъ народа, климатъ той страны, гдѣ онъ жилъ, его понятія объ Астрономіи, Естествовѣдѣніи, Правспвенности — его Вѣрованіе, Исторію и Поэзію. Какъ Вѣрованіе проникаетъ цѣлую жизнь народа: по и гражданскія пошановленія и сѣмейные обычаи связуются пѣснѣйшимъ союзомъ съ его мѣтами и повѣрьями, съ его преданіями и сказаніями, съ колыбельными пѣснями его младенчесства, къ коему сердцу невольно обращается во всѣхъ возрастахъ человека. Народные праздники шоржественно и радостно обнаруживая нравспвенныя и религіозныя чувствованія, доставляютъ участникамъ въ оныхъ льготу и наслажденіе. Нигдѣ съ такою полно-

шой и свободою не раскрывается личность народная, какъ въ праздникахъ; нигдѣ сполько, какъ въ нихъ, не сближаются люди душою и сердцемъ. Тамъ укрѣпляется старое и заводится новое знакомство, тамъ обмѣниваются мыслями и чувствованіями, тамъ частное дѣлается общимъ, прошедшее и будущее обращается въ сладостное настоящее: тамъ любимый просторъ уму и разгулъ душѣ.

Большая часть праздниковъ народныхъ родилась въ древнемъ Язычествѣ, гдѣ съ богослужебными обрядами соединяемо было судопроизводство и промышленность; отъ сего гдѣ быть торгъ, тамъ судъ и расправа. Имѣя тѣсную связь съ вѣшнею природою и съ внутреннею жизнью народа, праздники ведутъ свое начало отъ его глубокой Древности, входя въ составъ его Исторіи, живописуютъ его духъ и характеръ, намѣкаютъ на коренный бытъ и на основныя его идеи. Учрежденные по естественнымъ эпохамъ года, они объясняются и освящаются мифами народными, кои содержатъ въ себѣ повѣрья о божествѣ, человѣчествѣ и природѣ. Какъ поэзія жизни народной, они сливаются съ символами и иносказаніями, пѣснью и пляскою — языкомъ души и сердца для всѣхъ понятнымъ.

Всѣ народы имѣютъ природную склонность выражать торжественно радость и печаль. Самъ Богъ учредилъ и освятилъ праздники въ народѣ Еврейскомъ для воспоминанія Своихъ къ нему благодарностей, для возбужденія въ немъ благоговѣйныхъ чувствованій и для обвеселенія сердець въ дни покоя и свободы (1). »Первые праздники у Грековъ, говоритъ Аристопель, ознаменованы были радостію и благодареніемъ. По собраніи плодовъ земныхъ, народъ сходился въ избранныя мѣста для жертвоприношеній и для веселія, ощущаемаго имъ при изобиліи благъ земныхъ.» (2)

Хотя праздники у всѣхъ народовъ древняго и новаго міра имѣютъ общія начала, какъ бы прирожденные человечеству; однако естественныя и нравственныя причины различія людей оплечаютъ оныя по цѣли и по выраженію: оны сего происходятъ различіе въ праздникахъ у воинственныхъ и мирныхъ племенъ, у земледѣльческихъ и паспущескихъ, у дикихъ и просвѣщенныхъ, у языческихъ и Хрістіанскихъ, у жителей горъ и

(1) Dictionnaire historique, critique etc. de la Bible, par A. Calmet, t. III. à Toulouse, 1783. 8.

(2) Aristot. polit. 2, 7. — Strabo Geogr. IX. Βαφὶς μὲτ' ἑὸς Ἑλληνιστῆς Ἀρχαιολογίας. X. I. Halle, 1826. 8.

долинъ, у восточныхъ и сѣверныхъ народовъ. Въспѣтъ съ переселеніемъ и смѣшаніемъ племень переселяюща и смѣшивающа съ другими ихъ повѣрья и обычаи; оны сего въ Римскихъ праздникахъ находимъ слѣды Греческихъ, въ Славянскихъ вліяніе ихъ и другихъ, съ примѣсю Скандинавскихъ, Германскихъ, Финнскихъ и Восточныхъ.

Болѣе или менѣе явственныя оспанки Славяно-Рускаго богоученія въ Язычествѣ замѣтны въ повѣрьяхъ, обрядахъ и праздникахъ народныхъ, какіе сохранились преданіями и донынѣ существующи въ Россіи и въ ихъ странахъ Европы, гдѣ только прокладывало себѣ слѣдъ Славянское племя и гдѣ звучало его слово. Священныя шоржества у ешаго племени, подобно какъ и у другихъ сѣверныхъ народовъ, сопровождались мольбами, обѣдами и жертвоприношеніями, гаданіемъ, пѣніемъ и плясками, или играми, обществеными пиршествами и взаимными дарами: оны служили къ утверженію союза и братства, свойственнаго паспушескимъ и земледѣльческимъ племенамъ. Сіи дни общаго веселія, приурочиваясь къ временамъ года, бывали у нихъ днями судовъ народныхъ и шорговъ, сроками работъ и полюбовныхъ сдѣлокъ. У Поляковъ gody

значить народный увеселительный праздник, пиршество, которое у других Славянских племен называется Swatki (Свяпки) и Lato. Русское слово *торжество* происходит от *торга*, сродного с Сео-Готским *torg*. Самое слово *праздникъ* выражаетъ упрядненіе, свободу отъ буднишнихъ трудовъ, соединенную съ веселіемъ и радостью. *Праздникъ* есть свободное время, освященное богопочтениемъ, *обрядъ* — знаменательное дѣйствіе, принятый способъ совершенія поржеспвенныхъ дѣйствій; послѣдній содержился въ первомъ.

Рускіе народные праздники, по ближайшему отношенію къ мифамъ и повѣрьямъ, къ внутренней Испоріи и Древностиамъ народа, составляютъ часть Археологіи — Еортологію (*ѳортѣ* праздникъ и *лѳоуос* ученіе), или ученіе о праздникахъ, входящихъ въ составъ народнаго календаря. Различествуя по цѣли и сущности своей отъ церковныхъ, хрїстіанскихъ празднествъ, древніе праздники народа остались отъ древняго его быта, какъ опечеспвенные обычаи, обратившіеся въ игру его жизни (3).

(3) Die Feste der alten Christen, von D. J. Augusti, I — IV. Leipzig. 1817. 8. — Religions de l'Antiquité,

Испочникомъ проспонародныхъ празд-
 несвъ и обрядовъ сущъ вѣрованія и обычаи,
 кои даюшъ имъ особенную форму и характеръ
 сообразно съ мѣстностию. Опъ различія въ
 духѣ шѣхъ и другихъ происходитъ разли-
 чіе въ самыхъ праздникахъ, какое видимъ
 въ Россіи, по количесву великой и малой,
 по качесву бѣлой, черной и красной.
 Древній лѣтописецъ изобразилъ намъ несход-
 ство нравовъ и обычаевъ у спарожилговъ и
 заморскихъ пришлецовъ въ Рускомъ мірѣ (4),
 у копорыхъ были свои вѣрованія и обряды,
 пакъ какъ у племень, въ послѣдствіи насе-
 лившихъ южную и сѣверовоспочную Россію.
 Хопя у епихъ племень, и попомковъ и преем-
 никовъ ихъ, опкрываепся нѣкопорое сходство
 въ повѣрьяхъ и обычаяхъ; однако еспъ многія
 мѣстныя особенностпи, о коихъ гласишъ и
 пословица: *Что городъ, то норевъ; что деревня,
 то обычай; что подворье, то повѣрье.*

Съ перемѣною образа жизни и правле-
 нія, вѣры и нравовъ, перемѣнялись въ суще-

ouvrage du F. Creuzer, trad. par I. Guignaut, t.
 I—III. à Paris. 1825. 8. — Antisymbolik von I.
 F. Voss, Stuttg. 1824. 8.

(4) Лѣтопись Несторова по Лаврент. сп. М.
 1824, въ 4.

спѣвъ и видѣ своемъ, или совершенно уничтожились древніе мѣны и праздники въ Рускомъ мѣрѣ, замѣняясь священными, хрістіанскими, или обычаями благочестивыми, кои противоположны были языческому. Ревностнѣ паспѣвирѣй Церкви испребляла капища и кумиры опечесивенныхъ боговъ, снрого запрещаа суевѣрїя, кои называли они въ посламїяхъ своихъ *Еллинскими, Латинскими, блсовскими, дясольскими* (5). О подробностяхъ языческой религіи умалчиваюпъ благочестивые глѣпописцы наши, вѣрояпно по тому, чпобъ самымъ напомниманїемъ не подасть поводъ къ соблазну едопчичамъ, еще неушвердившимся въ православїи, Оуждая внѣшніе языческіе обряци, обряды и повѣрїя, какъ противоположныя чистотѣ вѣры Хрістіанской, первые ея проповѣдники въ Россїи — Греки не говорили о чуждыхъ себѣ божествахъ, въ честь коихъ по привычкѣ совершались оныя, и даже послѣ введенїя Хрістіанской вѣры, еще удерживались въ народѣ древнїя суевѣрїя, съ коими оны сроднились и не легко могъ оны нхъ опсѣвать; подѣ видѣмъ обычной игры и попѣхъ оны уклонялся въ дремучїя дубравы или въ кѣлпи совер-

(5) *Antichità Romantiche. d'Italia; sulle feste. Milano. 1829. 8.*

знавъ найкомъ завѣщныя обряды. Въ двухвѣковое владычество Татаръ надъ Россією священныя успавы Церкви, по выраженію Царя Іоанна IV, *погашивались*, и возобновились суетвѣрные обряды, *поганскіе обычаи*, игры, *ноби бѣсовскія*, *Радунцы*, *Русальи* обѣ Ивановѣ дни и кудеси, конъ запрещаюныя Снопглавомъ и о конхъ въ послѣдствіи предложеныя объясненіе. Изъ лѣтописи видимъ, что Новгородцы 1358 г. „упвердились мажду собою крестнымъ цѣлованіемъ игранія бѣсовскаго не любипи и бочекъ не биши (6)“. Кормчая, Номоканонъ, Снопглавъ, Духовный Регламентъ и паспырскія посланія Священнейшей Россійскихъ упоминають о разныхъ повѣрьяхъ Языческаго, кои изъ городовъ переселялись въ села и деревни, оупъ высшаго сословія народа переходили къ низшему. Сколь ни выпѣнялись и ни изкоренялись опасныя народныя обычаи въ вѣкъ Петра I; однако они пробивались въ разныхъ мѣстахъ и при разныхъ случаяхъ. Что испреблялось въ одномъ мѣстѣ, то удерживалось въ другомъ. Нерѣдко оупъ древняго языческаго богослуженія оспавались въ народѣ одніи принад-

(6) Софійскій временникъ, или Руская лѣтопись съ 862 по 1534 г. М. 2 ч. 1820. 4.

лежності онаго — игра, хороводъ, пѣсня, пиршество, заповѣдное дерево, камень, испочникъ, городище, мѣстѣ прежнихъ *требищъ, тризницъ, торжищъ*, или сборовъ праздничныхъ (7). Но какъ самородныя, коренныя мысли народа и признаки древняго его быта и вѣрованія открываются и въ ешихъ немногихъ оспашкахъ: по изъ нихъ мы постараемся вывести черпы его Миеологіи, какъ основанія праздниковъ народныхъ.

Дунайскіе Славяне, извѣстные Византійскому Исторіку Прокопію, VI вѣка по Р. Х., по свидѣтельству его, „признавали единымъ Богомъ и владыкою міра, Творца молніи; сверхъ того, почитали рѣки, нимфы и другихъ духовъ (8).“ Но когда сіи Славяне расселились и раздробились по сѣверо-восточнымъ частямъ Европы: по и релігіозныя понятія и смѣшались съ понятіями ихъ народовъ, съ которыми они сближались; отъ сего и различіе въ Миеологіи Славянъ юго-западныхъ и сѣверо-восточныхъ, у которыхъ единство мысли о божествѣ, произшедшее отъ первобытнаго единства вѣрованія, распалося на частни и образы.

(7) Прикѣчанія на Исторію Леклерка, соч. Болтина, 2 ч. С.П. 1788. 4. (8) de bello gothico, III, 14. *Helmoldi Chron. Slavorum*, I, с. 84.

Въроятно, что и религія заморскихъ пришле-
цевъ слилась съ религіею Финновъ и Славянъ; по-
тому что тѣ и другіе находили сходство въ бо-
жествахъ своихъ. Скандинавскій *Фіоргунъ* (Fírgun),
жизнодапель, нечуждымъ показался Сла-
вянскому *Перуну* (*пѣръ* огонь, *ріогун* молнія), опло-
дотворяющему землю, а *Волось* послѣднихъ *Вал-*
ассу (Vali-áss, Val-áss) первыхъ, какъ божества,
покровительствующія земледѣлію и снопо-
водству. Скандинавскій *Бель*, или *Баль*, бо-
жество огня и свѣта, сходное съ Азіатскимъ
Баломъ, и *Торъ* громоносный, съ мѣломъ въ
рукѣ (*Mjölner* молнія?) перешли въ *Бѣлбога* и
Чернобога, означающихъ двойственность Славян-
ской религіи, отъ коей Германская различает-
ся своею происхожденіемъ; Скандинавскій
Одинъ или *Водниъ* вѣроятно преобразился въ
Водянаго.

В. К. Владиміръ I въ язычествѣ своемъ,
вмѣстѣ съ соединеніемъ разныхъ народцевъ,
населявшихъ тогдашнюю Русь, соединилъ въ
спольномъ градѣ своемъ Кіевѣ и семь ихъ глав-
ныхъ Божествъ, именно: *Перуна*, *Волоса*, *Даждь-*
бога, *Стрибога*, *Хорса*, *Семаргла* и *Мокоша*. Ку-
миръ первенствующаго изъ нихъ, Перуна, обо-

(9) *Wassermann*, *Edda Saemund.* т. III. *Harinae*, 1828.

4. *Волось* (Val-áss) соотнош. изъ словъ: *волъ*,
пуръ и *ассъ*, *азъ* (Скандин. *ás*, *áss*) богъ.

жаемъ былъ и на Днѣпръ и на Волховъ , первый низринупъ былъ по введеніи Хрістіанства (10). Въ Чепьѣ Миней Св. Димитрія описываюціяся слѣдующія, пославленные въ Кіевъ Владиміромъ божества: „Начальнѣйшій *Перунъ*, его же въроваху быши бога грома и молніямъ и облакомъ дождевымъ ; впорый *Волосъ* , мнимый быши богъ скошовъ ; претій *Позвиздъ* или *Вихоръ* , богъ воздуха ; чепвертый *Ладо* , богъ веселія ; пятый *Купало* , богъ плодовъ земныхъ ; шестый *Колдѣ* , богъ празднованія , въ зимъ бывающаго, и иніи меньши боги, не почію въ Кіевъ , но и по всѣмъ Россійскія державы спранамъ“ (11). Въ большой Макарьевской Миней упоминаюціяся полько испребленные В. К. Владиміромъ идолы: *Перунъ*, *Хорсъ*, *Дажбъ*, *Мокошь*, *Волосъ*.

Подъ вліяніемъ Хрістіанства, народъ, забывая наконецъ своихъ главныхъ боговъ, припоминалъ полько впороспепенныхъ и особенно миѡы физическіе , кои имѣюшъ предметомъ олицепворенныя явленія и силы естества , или сумволы жишейскихъ потребностей ,

(10) Крашкое обозрѣніе Миѡологіи Славянъ Росс. П. Строева. М. 1815. 8. — *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von Dr. Lfanz. 2 Th. Znaim, 1827. 8.

(11) *Четьи Миней*, Іюля 15, жишіе В. К. Владиміра.

каковы: *Ярило*, *Купало*, *Ладъ*, *Чуръ*, *Авсень*, или *Таусень*, *Зничъ*, *Веснянки*, *Осенянки* и *Зимнянки*, *Водяны*, или *Водяныя*, *Моряны*, *Огняны*, извѣспныя и *Карпатороссамъ*, *Вѣтрыны*, также *Русалки* (12), *Кикиморы*, *Карачуны*, *Яга-баба* и *Влдъмы*. По мнѣнію народа, въ лѣсахъ владычествовалъ *Лышей*, въ поляхъ *Полевой*, въ домахъ *дѣдушка Домовой*, копорый бывалъ и *Постенемъ*, а въ подпольяхъ *Лизуномъ*. Всѣ сіи существва мистическія болѣе или менѣе входящъ въ семейный бытъ проспаго народа, содѣйствуютъ или пропиводѣйствуютъ ему въ жизни, ублажающся жертвами или изгоняющся заклинаніями и особенными обрядами (13), изъ коихъ многіе недавно испребились. Только 1765 г. уничтожень Тихономъ I въ Воронежъ, 1771 г. въ Коспромъ Симономъ, а въ Твери Меѳодіемъ 1805 г. праздникъ въ честь *Ярила*, нашего Ероша и Лингама (14), копорый, по словамъ Терарха, въ шѣхъ спрахахъ почишаемъ былъ за

(12) По свидѣтельствву Татищева, Св. Димитрій Рост. написалъ о *Русалкахъ* пространное сочиненіе, копорое онъ у него самъ видѣлъ. И. Р. кн. I, г. 2.

(13) Опытъ повѣствованія о древностяхъ Рускихъ, Г. *Успенскаго*, 2 ч. Харьков. 1818. въ 8.

(14) Описаніе жизни и подвиговъ Преосв. Тихона. изд. 2. М. 1820. 8.

бога до введенія Хрістіанской вѣры: Ярилу предспавлялъ избранный опъ міра чело-вѣкъ, копорого, предъ заговѣньемъ Пешрова поста, обвязывали всякими цвѣшпами, лен-пами и колокольчиками, и надѣвъ на голову высокій колпакъ съ ленпами, водили съ плясками по площади. Такоежъ почти празд-неспво бывало въ селеніяхъ Рязанской и Тамбовской Губерній. — Хопя *Лады*, Нарушевичъ не находипъ ни въ Липовской Ми-еологіи, ни у Германскихъ Славянь, но у однихъ Рускихъ, у копорыхъ Ладо вспоми-нается въ слѣд. пословицѣ: *Не недобно и кладъ, коли у мужа съ женою ладъ* (15); однако въ экземплярѣ Кромеровой Испоріи, хранящем-ся въ Рижской публ. библіотекѣ, написано спариннымъ почеркомъ слѣдующее: „И въ „наше время Липовцы, равно какъ Лешпы „и Кури призываюшъ Ледо или Ладо около „Иванова дня. Тогда, по спаринному суевѣ-„рію, украшаюшъ они цвѣшпами и древесными „лиспьями испочники, и собираюшъ правы, „кои почипаюшъ полезными опъ всякой бо-„лѣзни.“ Ладъ у Карпашо-Россовъ празднуеш-ся въ день Купалы. Нашъ *Ладъ* и *Ладо*, какъ

(15) Извѣстный припѣвъ: ай *дидо ладо*, не со-стоишъ ли изъ Греческаго слова *δέιδω* *дидо*, боюсь и *ладо*—мужа? чшѣ подтверждается смысломъ пѣсни.

купа, сходны съ Римскими Яномъ и Яною, (Deiva Jana), богомъ солнца и богинею луны, воспѣваемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ. Хотя Карамзинъ и говоритъ, будто не извѣстно ни одной старинной пѣсни, гдѣ бы воспѣвалось имя *Купала* (16); но мы предположимъ довольно такихъ пѣсней. *Купало* и *Купальница*, какъ увидимъ, извѣстны почти во всей Россіи.

Сколько въ Россіи есть урочищъ, запечатлѣнныхъ именемъ языческихъ боговъ и служащихъ мѣстомъ для игрищъ! *Перунъ* есть урочище въ Новгородской Губерніи въ Устюженскомъ уѣздѣ; *Перунина пустыня* въ Весьегонскомъ уѣздѣ на ручьѣ Задворевскомъ; *Перуново* или *Ладовичино* въ Ржевскомъ уѣздѣ; *Перуновъ* въ Полоцкомъ повѣтѣ; *Перунова рѣчь* въ Кіевѣ. Воспоминаніе о Волосѣ сохранилось въ *Волосовой улицѣ* или *Волосовѣ* въ Новгородѣ и въ суевѣрныхъ обрядахъ *Опахиванья*, или *Коровьей смерти*. *Туръ* часто повпоряется въ названіяхъ рѣкъ, горъ, селеній *Туровыхъ*, *Туровскихъ*. По Троицкой дорогѣ близъ Воздвиженскаго есть городецъ *Бѣлые боги*, нынѣ *Бѣльскій станъ*, или *Бѣлухинская роца* (коршомá), гдѣ, по старому преданію, на высокомъ холмѣ спояла дубрава

(16) Карамз. И. Г. Р. I. прим. 208. Сходство есть съ Лат. sorula, союзъ, купа.

заповѣдная, а въ ней было капище. Яриломъ слыветъ ярма вѣ Орежбургской Г., а *Купальницею* — въ Переславѣ Залѣскомъ, гдѣ, подобно какъ въ Ростновѣ въ XII в., при Царѣ Василѣ Шуйскомъ существовалъ камень (Волось вѣрояшно), въ честь коего совершалось празднество 19 Юня (16). Подобно древнимъ народамъ міра, у Славянъ огромные камни были предметами обожанія: слѣды сего донынѣ сохранились суевѣріемъ. Недалеко отъ Москвы близъ села Архангельскаго въ лѣсу находилъсѣ яма, копорую почипають мѣспомъ идола *Тучева*, вѣрояшно, аеролипа, упавшаго изъ пучи. Въ описаніи древнихъ городовъ Рускихъ дальнихъ и ближнихъ упоминаетсѣ *Короюновъ камень* (17). Въ Тульской Губерніи въ Одоевскомъ у. у просполоудиновѣ находилъсѣ въ великомъ уваженіи два большіе камня, *Баиш* и *Башиха*, подобно Черемисскому Чембулашкѣ; на Ладожскомъ озерѣ, на оспровѣ Коневцѣ лежилъ въ лѣсу *Коня камень*, коему въ XV вѣкѣ ежегодно приносили въ жерпву коня (18), а въ Ефремовскомъ у. на берегу Красивой Мечи вокругъ *Коня камня* совершаетсѣ

(16) рукоп. житіе Преп. Ирнарха Росиовскаго.

(17) *Карамз.* И. Г. Р. IV, прим. 387.

(18) Исторія Росс. Іерархіи, ч. IV, М. 1812. стр. 627.

Опакнванье во время смогскаго падежа. Доселъ еще не истребилось въ прошломъ народѣ особенное почтеніе къ нѣкоторымъ колодезямъ или оупуденцамъ и озерамъ, коимъ, по свидѣтельству лѣтописей нашихъ, онѣ приносили шребы и шамъ совершалъ гаданія и омовенія, также древнимъ дупловатымъ деревьямъ, особенно дубамъ, кои и въ Сѣверной Германіи почитались священными даже по водвореніи Хрістіанства.

Вообще все, что сохранилось въ народѣ преданіемъ отъ древняго богоученія, больше и больше принимало форму проспаго суевѣрія и перья коренное свое значеніе, присоединялось къ хрістіанскимъ праздникамъ и обрядамъ въ видѣ спараго обычая и повѣрья; нерѣдко невѣжесиво и закоснѣлая привычка смѣшивали давно знакомыя имъ принадлежности языческихъ божесивъ съ хрістіанскими святыми, съ шоржесивами церкви обряды капищъ идольскихъ; на мѣстѣ коихъ, большею часпію, сооружены первыя церкви или часовни, какія находящя въ Кіевѣ, Новгородѣ и ш. д. Не возможно было искоренить однимъ разомъ то, съ чѣмъ свыклась душа и что поддерживало самобытность народа, копорый спарался удержатъ празнесива и повѣрья своей древности пошому еще,

475377

чно они соединены были съ различными играми и увеселеніями. Константинъ Великій, уже по введеніи Христіанской вѣры въ Имперію, не запретилъ продолжанія древніе обычаевъ, въ постановленіи своемъ касательно оныхъ. В. К. Владиміръ I, уже просвѣщенный Евангелиемъ, допускалъ нѣкоторыя обычаи старинныя — *жилише по устроению дядю и отцу* (19). Изъ снисхожденія къ закосяцѣлымъ суевѣріямъ и проспогъ ума народа, проповѣдники Христіанской вѣры, желая ослабить языческія суевѣрія, перепѣли ихъ между самими Христіанами (20), у которыхъ унижались оныя превращеніемъ въ пошѣхи и увеселенія; они переводили имена опечеспвленныхъ боговъ народа на имена свящыхъ, и чѣмъ прежде въ его быту завѣдывали первые, тѣмъ въ послѣдствіи спали завѣдывать другіе: опъ сего вѣроятно произошли прозванія свящыхъ, заиспивованныхъ опъ спихій, климата, времянь года, оныхъ предметовъ домашняго быта и сельскихъ шрудовъ, напр: *Борисъ и Глѣбъ*, въ Бѣлорусіи черныи и бѣлыи хлѣбъ, по всей Россіи *Илья Пророкъ*, представившеть грома, заступившій мѣсто

(19) Обзоръне книги Коричей, объясн. *Барона Розенкампа*. М. 1829. 8.

(20) Вѣстникъ Европы, 1826, No 4.

Перуна (21), *Св. Геремія зарыццельнык*, *Св. Феодо-сія колосляница*, *Св. Агриппина купальница* и н. д. *Св. Власій заманель низверженнаго Волоса*, бога скопця, о маторомъ дѣлнхъ напоминаетъ праздниць *Валь-оксъ*, онпправляемый Мордвою, попомжамъ Ростовской Мери; *Богданъ замѣстилъ Давидъ-бога*. И наборотъ, иногда Христіанскимъ свѣдѣннмъ невѣжество черни придавало видъ думировъ своего Язычества: пакъ *Св. Крестнищеля Іоанна* ово обращило въ *Купялу*; *Св. Виша* на островѣ Рюгенѣ, по свѣдѣннхъ Гельмогда, въ *Свѣшовида* на бѣдомѣ конѣ, или свѣшнаго выпляза, котораго смѣшивали съ *Св. Георгіемъ* (22), даже св. иконы называли *богамъ* и св. церкви *божницами*. Поморане, въ 1124 г., изъявляли желаніе поклоняться и старымъ божкамъ своимъ и вмѣстѣ *Иисусу Христу*; въ старинныхъ пѣсняхъ Рускихъ *Троица* и *Богородица* воспѣваются вмѣстѣ съ *Ладомъ*. Попомъ, собснвенныя имена боговъ переходили въ нарицательныя, подобно какъ онѣ прежде изъ нарицательныхъ сдѣлались собснвенными, отличая предметы чувсвенныя, ихъ дѣйствія и

(21) Рускіе въ своихъ пословицахъ. И. С. кн. 4, 1834. 13.

(22) Pommerische Kirchenchronik, d. D. Grametim. zu alt. Stettin, an, 1803. 4.

своѣства , напр : *Перунъ* , *Погода* , *Ладъ* , *Чуръ* и ш. д. Возбужденное благоговѣніемъ къ Хр. вѣрѣ омерзѣніе къ древнему идолопоклонству превращало имена боговъ въ ругательства— *Тора* въ *чѣрта* , въ Нѣмецкаго *Эфос* болвана , дурака, сходнаго съ Черемисскимъ *чортомъ*, *Буга* или *Бука* въ пугалища , кумиры боговъ въ *болваны* и *чурбаны* (23) , шакже самыхъ божичей , не упоминая ихъ насполиція имена, просто называли *бѣсами*.

Чесновать предметы своего благоговѣнія праздниками сродно челоуѣку , для котораго вѣрованіе заключаешъ въ себѣ прошекшее и будущее, божество и міръ духовный, природу и его самого. Въ его праздникахъ выражаюпся его обѣщанія, надежды и воспоминаніе собственнаго прошедшаго , которое для него становилпся кумиромъ. Съ истребленіемъ внѣшняго идолослуженія при введеніи вѣры Хрїстіанской въ Россію, понятія тогда преобладаващаго Языческаго, внѣдрясь въ духъ и бытъ народа , проявлялись въ древнихъ праздникахъ его и повѣрьяхъ, даже Хрїстіанскія шоржества Церкви получали названія языческихъ, какъ напр: *Русальская недѣля* , *Купало* , *Ра-*

(23) У Исландцевъ *Ruki*, у Шведовъ *Ruke*, у Англичанъ *Ruck* , встрѣчающійся у Шекспира.

дуница. Но праздники церковные и народные по духу и цѣли своей различны, хотя суевѣріе и невѣжество примѣшиваются одни къ другимъ. Церковные праздники, кои свидѣтельствуютъ объ истинѣ событій, составляющихъ сущность Вѣры Хрістіанской, представляютъ разительную противоположность съ древними языческими, проспонародными; ибо одни, какъ живые уроки объ истинахъ Евангельскихъ, введены Церковію для возбужденія въ насъ благоговѣнія и благодарности къ Богу (24), а другіе, созданные свободною фантазіей народа во шмѣ Язычества, имѣютъ отношеніе и приложеніе къ древнему его быту, жизни, и какъ поэтическое выраженіе оныхъ. У первыхъ предметомъ духовность, у другихъ болѣе чувственность: одни возбуждаютъ благоговѣныя и высокія ощущенія, а другіе обращаются въ веселіе и забаву, какимъ предается народъ по естественному влеченію поврежденнаго человѣчества и по укоренившейся привычкѣ. Хотя послѣдніе иногда совпадаютъ въ дни первыхъ; но мы будемъ различать ошдѣльно проспонародные праздники Рускихъ Славянъ, какъ

(24) О великихъ Господскихъ и Богородичныхъ праздникахъ. Кіевъ. 1835. 12.

оспашки языческихъ, опъ хрістіанскихъ поржесствъ, подчиція первые, сколько возможно, условіямъ времени и мѣста.

§ 1. Въ первомъ отношеніи они древніе и новые: одни образованные въ Язычествѣ и удержавшіеся въ Хрістіанствѣ до XVIII, а другіе съ XVIII вѣка до нашихъ временъ.

Не извѣстно, какъ Славяне жили въ дикомъ и грубомъ сословіи — сперва родами, потомъ и племенами; праздники ихъ климата и духа, вѣроятно начинающія вмѣстѣ съ удовлетвореніемъ главныхъ потребностей жизни, вытекающія изъ общежительства. Глубокая древность есть причина, что мы не знаемъ съ хронологическою точностію успановленія религиозныхъ поржесствъ, кои древнѣе житейскихъ; праздники, происходящіе опъ разныхъ занятій въ году, у Славянъ Рускихъ появились позднѣе, чѣмъ у Славянъ западныхъ; ибо въ Руской землѣ, по суровому климату и мѣстности, жили единообразно; начало ихъ праздниковъ съ вѣроятностію отнесши можно не далѣе, какъ къ VII или VIII вѣку по Р. Х.

Праздники съ жертвоприношеніями были главною принадлежностію древняго богослуженія у Славянъ, пакъ какъ у наро-

довъ древняго міра; жрецы, которые вѣдали лѣтосчисленіе и времена праздниковъ въ честь разныхъ божествъ, назначали мѣсяціемъ жребіа шоржесшва и жершвопринишениа, на кои спекались мужи и жены съ дѣшми (25). У народцевъ, населявшихъ Сѣверъ нашъ, въ самой Древности существовали *игрища между селу*, на коихъ они брали себѣ женъ, и *Тризна* надъ мершвецемъ; опечесшвенные писашели наши, упоминая о сходбищахъ на игрища, на плясанье, пѣніе, на борьбы и битвы дреколіемъ, кои бывали въ божественные праздники, умалчиваютъ о томъ, въ честь какихъ божествъ совершались сіи позорища. Съ точностію нельзя сказать, чтобы существовали на нашемъ Сѣверѣ храмы и капища боговъ и божницы, изъ коихъ упоминается въ лѣтописи одна *Турова божница* (26). Въ роашнѣе, что мѣсяцаи богослуженій были городищи, камни жершвенные, берега рѣкъ и озеръ, мосшы, горы и дубравы священныя, кои у Германскихъ племенъ были шакже мѣсяцаи суда и расправы, а жрецы ихъ судьями.

(25) *A. Crantz Saxonia. Francof. 1611, f.*

(26) *Карамз. И. Г. Р. ч. I.*

Въ приписаніомъ В. К. Владиміру Уставѣ, въпрочемъ важномъ для насъ по своей древности, упоминающагося обряды и повѣрья Лычеспва, какъ-нио: „о моленъ подь овиномъ и роцею, „или у воды, чародѣліи, волхвованіи“ и п. д. Преп. Неспоръ, близкій ко временамъ Лычеспва въ Россіи, свидѣтельствуесть, что еще при немъ „схожахуся на игрица, и на „пласанье и на вса бѣсовская игрица. Видимъ „бо игрица ушлоченна и людіи много множе- „спво, яко упихаша начнушь другъ друга, позо- „рица дѣюще опъ бѣса замѣшленнаго дѣла.“ Сходное съ епимъ упоминаесть въ Кормчей кн. гл. 17. Рускій переводчикъ Св. Григоріа Богослова въ XI вѣкѣ вспавилъ опъ себя въ нексъ слѣдующее замѣчаніе, касающееся суевѣрій его опечеспва: „Овъ прѣбу спво „ри на сподуенци дѣжда иски опъ ніего, „забывъ яко Богъ съ небесе дѣждъ даесть. Овъ „несущимъ богомъ жреть и Бога спворъ- „шаго небо и землю раздражаесть. Овъ рѣку „богню нарицаесть и звѣрь живіющъ въ ней „яко Бога нарицаа, прѣбу пворипъ“ и п. д. (27). Въ Номоканонѣ, напечатанномъ ю Львовѣ 1648 г., пишеться слѣдующес: „О

(27) Библиографическіе листы П. Кеппена, С. П. 1825, Но 7. стр. 88. 4.

„вѣрныхъ, послѣдующихъ Еллинскимъ обыча-
 „ямъ и плясаніемъ на брацѣхъ, и на опюгну
 „шворящихъ, или русалкомъ, или гласовомъ
 „пшичимъ вѣрующихъ, или новомѣсячію, или
 „оуспрѣщеніемъ, или исплзаніемъ внимаю-
 „щихъ, или огня паленія на спюгнахъ, яже
 „шворяху Еллини древе. А нынѣ яко же
 „видимъ хрістіанскія дѣши сія шворяшъ (ку-
 „нда), въ навечеріи праздничныхъ по нѣко-
 „му обычаю древнему: или въ одежду жен-
 „скую мужіе облачаша и жены въ муже-
 „скую: или налчички, яко же въ спраняхъ
 „Лашинскихъ злѣ обыкши шворяшъ.“ Мипро-
 „полішь Рускій Кириллъ, въ XIII в., въ пра-
 „вилѣ своемъ замѣчаетъ: „Паки же увѣдохомъ
 „бѣсовская еще дѣржаще обычая шрекдѣпныхъ
 „Еллинъ, въ божеспвенныхъ праздники позоръ,
 „нѣкакы бѣсовскыя швориши, съ свиспаниемъ
 „и съ кличемъ и въплемъ съзывающе нѣкы
 „скарѣдныя пѣнида, и бѣющеса дрьколѣемъ
 „до самыя смерщи и възимающе оп убивае-
 „мыхъ поршы. На укоризну се бываецъ Бо-
 „жинъ праздникомъ и на досаженіе Божи-
 „имъ церквамъ. Паче о семъ досажашъ на-
 „шему Спасу и Заспуцу, иже насъ избави
 „Шп проказы смершныя и Шп шуги дѣво-
 „ля и Шбъвеселивый сердца наша святыми
 „чеспными праздники“ и ш. д. Изъ древ-

нихъ письменныхъ памятниковъ видно, что съ самаго пріятія Хрістіанской вѣры по XVIII столѣтію было много язычниковъ въ обласняхъ Россіи и древнихъ суевѣрій, къ коимъ относились и встрѣча съ монахомъ, какъ предвѣстіе несчастія, обливаніе водою въ праздники и на свадьбахъ и волшебства, прошивъ коихъ возспавали Іерархи Россійскіе. Даже въ XVII вѣкѣ Митрополитъ Бѣлогородскій и Оболенскій Мисаилъ въ грамотѣ своей въ Курскъ упоминаетъ, что шамъ „въ Воскресные, Господскіе и Богородичныя дни умножилось великое пьянство и бѣсовское „глумленіе и скоморошество со всякими бѣсовскими играми: сходились по вечерамъ и во „всенощныхъ позорищахъ по улицамъ и на „поляхъ, слушашъ богомерзкихъ пѣсней и „всякихъ бѣсовскихъ игръ; а о Рождествѣ Хр. „и до Богоявленьяго дни собирались по вечерамъ и въ ноци на бѣсовскія игры“ и ш. д. (29).

Какъ у Римлянъ гладіаторскія игры (*ludi funebres*), такъ у Славянъ *Тризна*, соотвѣтствующая Скиео - Гуннской *Strava*, Чехской *Strova*, учреждены были въ память усопшихъ. „Уже поздно, говоритъ Тершуліанъ,

(29) Рускія достопамятности. ч. I. М. 1815. — Руская Вивлюевка, изд. Н. Полеваго. ч. I. М. 1834. 8.

„игры перешли отъ чествованія боговъ и „усопшихъ къ чествованію живыхъ.“ Пиршество въ честь мертвыхъ, или *Страва*, по свидѣтельству Византійскихъ историковъ, было причиною великаго бѣдствія Славянъ въ VI вѣкѣ, тогда побитыхъ Греками (30). У Сѣверныхъ народовъ, по мнѣнію Вормія, de rebus Danicis, *Страва* было пиршество въ память и честь усопшихъ, на ихъ могилахъ; объ немъ упоминаетъ и Карлъ Великій въ Капитул. VI, с. 194. В. К. Ольга, въ Язычествѣ совершившая по своему мужу призму, соединенную съ убійствами, въ Христіанствѣ своемъ, по сказанію нашихъ лѣтописателей, запретила сыну своему дѣлать въ память себя призму по обычаю языческому (31). Какъ лѣтописи ясно говорятъ, что Кривичи, Сѣверяне, Вяпичи и Радимичи, подобно Римлянамъ, сожигали мертвыхъ: что заведеніе это на Сѣверѣ, особливо въ Скандинавіи общее, пере-

(30) *Jornandes de reb. Geticis, c. 49, de Attila: Postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commensatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes, luctum funereum mixto gaudio explicabant, noctuque secreto cadaver ejus terrae reconditum.*

(31) *Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie, à S. P. 1795. 8.*

несено Варяго - Руссами въ Россію, и недавно повперялось при борьбѣ Греціи съ Турціей: тогда Паргинопсы, проданныя Али-пашѣ, покидая свою родину, сожгли коспи своихъ предковъ. Самое слово *Тризна*, сходное съ Богемскимъ *trizneni*, умерщвление, *терзаніе*, объясняется въ Словарѣ Памвы Берынды по единкомъ, ширмъ р е ш в о м ъ (32). Посему очевидно, что она сопровождалась единоборствами, убійствами и *терзаніями* себѣ лица и груди, на могилѣ покойника, какъ благоутодными шѣни его жертвами, и пиршесствомъ, на коемъ поминались дѣла его съ похвалами. Къ признакамъ опнеспи можно *Родительскія* (*Parentalia*; *Obia*) и наши *Радуницы*, о коихъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ.

Во многихъ Германскихъ и Славянскихъ земляхъ доселѣ сохранились слѣды праздниковъ въ честь мершвыхъ: въ Саксоніи, Лаузицѣ, Богеміи, Силезіи и Польшѣ народъ хаживалъ 1 го Марша, въ часъ разсвѣта, съ факелами на кладбища, и шамъ приносилъ жертвы усопшимъ. На кладбищахъ, кои въ Псковской и Тверской губерніяхъ называются *бул-*

(32) Лѣтопись Несторова по Лаврент. сп. М. 1826.

4. Исторія Княжества Псковскаго, соч. М. *Ergeuln*. Кіевъ. 1831. ч. I — 4. 12.

ми и *буйвицами*, донинѣ въ Святницѣ дѣлають гаданія. Празднованіе Семика приходилось въ поспѣ самый день, когда, по древнему обычаю, погребали и поминали убогихъ на скудельницахъ, или убогихъ домахъ. Въ Троицкую субботу, какъ видно изъ Спотоглава, „сходились мужи и жены на жальники, ш. е. на кладбища, и плакали на могилахъ съ великимъ кричаніемъ, и когда шамъ спануть, играють скоторохи и гудошники: шо они перестануть плакать и начнуть скакать, плясать и въ ладоши бить на шѣхъ жальникахъ.“ Съ исключеніемъ послѣдняго, подобный обрядъ наблюдается и донинѣ въ Смоленской губерніи. Олай великій и другіе описываютъ сшаринные обряды предъ наступленіемъ великаго Поста въ мерпвое воскресенье (Zobsonntag), изгнанія зимы, или смерши, кои вспрѣчаются у Славянскихъ и Германскихъ племень, а въ Польшѣ извѣстень подъ именемъ *Маржаны*. Въ эпо же время Франки совершали подобное поржесство въ память усопшихъ, соединенное съ мимическими представленіями и пѣснопѣніями.

Къ древнимъ праздникамъ Языческава принадлежашъ *Русалии*, кои совершались на Русальной недѣлѣ, ш. е. недѣлѣ Св. Опіецъ.

Вальсамонъ называетъ епопъ праздникъ *древнимъ*, *чужестраннымъ*, о коемъ упомянемъ особенно. При Другошѣ въ XV. в. у Поляковъ повторялось въ Пятидесятницу языческое празднество *Стадо*, сходное съ Сибирскою и Московскою *Тюлою*, или *Семикомъ* (33).

Иностранцы путешественники въ Россію XVII вѣка описываютъ древній народный *праздникъ*, приходившійся въ *Петровъ день*; тогда жены и дѣвицы, до полночи сидѣвшія въ заперши дома, наряженныя выходили на луга и шамъ качались на качеляхъ и скакали на доскахъ, пѣли пѣсни въ веселыхъ хороводахъ съ рукоплесканіями (34). Въ Сподлавѣ упоминается о *наливкахъ*, на кои хаживать народъ въ первый понедѣльникъ ПЕТРОВА ПОСТА. Торжество сіе вѣроятно совершалось въ честь Ярилы, котораго и нынѣ около есаго времени воспоминается въ разныхъ губерніяхъ Россіи, особливо сѣверныхъ и южныхъ. Въ Тульской Г. на ПЕТРОВЪ ДЕНЬ за часъ до разсвѣта крестьяне и крестьянки въ праздничныхъ нарядахъ собираются на холмъ *караулить*

(33) *I. Dlugossi historiae Polonicae libri XII, ed. G. Groddeckii. Lipsiae, 1711. f.*

(34) *Status et ritus ecclesiae graecae, graece descr. a Chr. Angelo, latine a G. Phelavio. Francof. 1655, 12.*

солнце (35), которое, по ихъ мнѣнію, согласному съ мнѣніемъ Исландцевъ (36), на своемъ восходѣ *играетъ*, такъ какъ и въ свѣтлое Воскресенье. Ладо воспѣвается въ *праздникъ солнца* и въ *Семикъ*, прообразующій въ себѣ символическій союзъ неба съ землею и плодотворную любовь между обоими полами.

Изъ явленій въ природѣ, столь ощутительныхъ для человека, повороты солнца, раздѣляющіе годъ на двѣ равныя части, были сильнымъ поводомъ къ учрежденію среди племенъ Славяно - Рускихъ *праздниковъ Коледы* и *Купалы*, столь важныхъ своимъ отношеніемъ къ нуждамъ человека, столь же древнимъ и по своему происхожденію. Они не только существовали у Славянъ, но и у многихъ народовъ Европы и Азіи подъ разными только именами, имѣя символами своими въ одномъ воду, въ другомъ огонь. Въ нихъ замѣтно среднее человеку стремленіе къ сближенію съ духовнымъ міромъ, и поклоненіе первенствующимъ стихіямъ міра, которое, вѣроятно, есть остатокъ Славянскаго богослуженія; ибо на сѣверѣ

(35) Путешествіе отъ Триеста до С.-Петербурга В. Броневскаго. 2 ч. Москва. 1828. 8.

(36) Edda Saemundina, t. III.

Россіи доселѣ простой народъ величаетъ огонь и воду *Царемъ* и *Царицею*. Относящіяся къ тому и другому празднику мнѣны болѣе физическіе, чѣмъ историческіе. Византійскіе историки упоминають о принадлежностяхъ праздника Коледы (рожденіе непобѣдимаго Солнца, *natalis Solis invicti*, у Римлянъ), извѣстнаго у Скандинавовъ подъ именемъ *Jol*, у Англо-Саксовъ подъ именемъ Машеринской но́чи (*Moedre-nicht*) (37).

У земледѣльческихъ племенъ древнѣйшіе и важнѣйшіе праздники были послѣ жатвы, кои только одни упоминаются у Гомера въ *Одиссеи* и *Иліадѣ* (38). Какъ Славяне были земледѣльческимъ народомъ, который имѣя свою систему земледѣлія, сообщилъ оную и другимъ сосѣдственнымъ племенамъ: по они опрѣвляли при началѣ и концѣ сельскихъ работъ разные праздники, конхъ слѣды и донинѣ сохраняются въ *дожинкахъ*, *обжинкахъ*, *застѣкахъ*, *достѣкахъ*, *толокахъ*.

Даншчанинъ Саксонъ въ XII в. повѣствуетъ о праздникѣ, совершавшемся къ Арконѣ, по со-

(37) *Homeri* II. I, 530. Od. XXI, 258.

(38) *Edda rhythmica*, s. antiquior, *Saemundina*, p. III. *Havniae*. 1828. 4. v. *Lexicon mythol.*

брании хлѣба, въ честь Свѣшова, которому приносился медовый пирогъ (пряникъ) въ роспѣ человеческой. Самый Бѣль - богъ, какъ виновникъ хорошей жашвы (39), назывался богомъ мухъ вѣроятно попому, что въ концѣ лѣта бываетъ множество мухъ. Славяне посвящая земледѣльческіе пруды свои и плоды оныхъ разнымъ божествамъ, учреждали въ честь ихъ празднества, сходныя съ Иудейскимъ праздникомъ жистъ первородныхъ. Обычай энопъ перенесли они въ свое Хрістіанство, и донелъ во многихъ странахъ Россіи послѣ жашвы приносятъ въ церковь для освященія первые снопы и хлѣбъ изъ первыхъ зеренъ, а послѣ выемки сопокъ изъ ульевъ, первые сопы меда. Родившіеся опъ нуждъ и отношеній общественныхъ праздники *житейскіе* на Югъ и Сѣверъ Россіи получали различную фizioномію какъ опъ климата, почвы и давности занятія земли, такъ равно и опъ нравовъ и образа жизни жителей; чѣмъ дальше къ Сѣверу, тѣмъ ихъ было меньше.

Какъ религіозные языческіе, такъ и житейскіе праздники, по своей внѣшности, влупи-

(39) Въ Палестинѣ былъ идолъ Аккаронскій *Велзевулъ* (Beelzebub), начальникъ надъ жистницами, который ошгонялъ мухъ и также почитался хранителемъ навоза. 4 Царствъ. I, 2. Матѣ. X, 25. Луки XI, 15,

ревности и знаменованію измѣнялись въ разные эпохи, въ кои они пропекали, именно: въ *Языческую*, или дохрїстіанскую, *Греческую* до Ташарь, въ *Восточно-Европейскую* опъ вліянія Ташарь, *Липвы*, *Польвы*, и въ *Западно-Европейскую* опъ Пепра I до нашихъ временъ.

Не останавливаясь болѣе здѣсь на Язычеспвѣ Славяно-Рускомъ, о коемъ выше сказано, перейдемъ къ Греческой Хрїстіанской эпохѣ, въ коей являлись слѣды онаго; тогда коренныя идеи у народа облекались въ разные новые образы и проникали чуждыя ему мысли: нерѣдко выходила *старая погудка на новый ладъ*.

Въ разныхъ обласпяхъ Россіи еще оспавались древнія повѣрья и обряды долго послѣ введенія Вѣры Хрїстіанской въ Кіевъ и Новгородъ.

При Неспорѣ льпописцѣ, въ праздники церковные св. храмы стояли пуспы и народъ сходился на игрища *дпять позоры* и, по его выраженію: *Хрїстіане суще, а жили по поганскимъ обычаямъ*. Являлись кудесники, или волхвы, какъ предспавишели древняго Язычеспва, и нерѣдко возмущали просподушныхъ жипелей Россіи, еще не пвердыхъ въ Хрїстіанспвѣ, копорые колебались между старымъ вѣрованіемъ и вновь приняпою ими вѣрою, между заблужденіемъ и испиною. При Новгородскомъ Епископѣ Теодорѣ весь народъ

принять сторону такого кудесника и хотѣлъ убитъ своего Архипасшыря; на сторонѣжь Епископа осмался одинъ съ боярами Князь Глѣбъ, который поразилъ попоромъ проповѣдника Язычества и пѣмъ кончилъ мяшежь (40). Въ XII вѣкъ Св. Авраамій, сокрушившій чудесно кумирь Велеса, или Волоса, крестилъ въ Росшовѣ многихъ язычниковъ тогда, какъ епошь городъ былъ Владимірскою областью (41); въ XIII вѣкъ Муромъ наполненъ былъ язычниками, какъ видно изъ житія Благовѣрнаго Князя Константина (42).

Въ эту эпоху вспрѣчаются языческія имена и прозвища, какія давались Хрістіанамъ, напр: *Волосы*, *Водовики*, *Русалки* (43), двойственныя имена языческія и Хрістіанскія.

Когда Татары изневоливали Россію, когда ея Великіе Князья хаживали въ Орду съ выходомъ въ печеніе болѣе нежели двухъ вѣковъ; тогда свободнѣе продолжались различныя языческія суевѣрія между жителями разобщен-

(40) Софійскій Временникъ. I. стр. 167.

(41) Карамз. И. Г. Р. III, прим. 153.

(42) Карамз. И. Г. Р. II, прим. 463. Въ Прологъ и Минеѣ (Октября 29) сказано: въ XI вѣкъ.

(43) Исторія Росс. Иерархіи. ч. 2, и Соф. Временникъ, 2 ч. М. 1820. 4. Карамз. И. Г. Р. III. пр. 331.

ныхъ обласпей Россіи, закостѣвшими въ оныхъ. Хопя при Монголо - Ташарахъ , съ XIV вѣка Магомешанъ , самыя Князья и вельможи Рускіе принуждены были проходитьъ сквозь огонь, *покланяться кусту и идоламъ* ; но какъ народъ гнушался *поганскими обычаями* : по они и не могли въ немъ укоренишься. Если и было вліяніе Ташаръ на Россію : по болѣе вѣшнее , чѣмъ внушренное (44).

Хопя съ освобожденіемъ Россіи опть Ташарской неволи и съ посшепеннымъ уничпоженіемъ Удѣльной системы испреблялись или измѣнялись древніе обычаи и повѣрья Язычества ; однако при переселеніи жипелей изъ Новгорода, Пскова и другихъ обласпей, переносились съ пепелищъ на новоселья , гнѣздясь по въ дремучихъ лѣсахъ , по на горахъ , по на погоспахъ и жальникахъ , по на берегахъ рѣкъ и озеръ. — Послѣ родспвеннаго союза Іоанна III съ домомъ Палеологовъ, на Московщинѣ, какъ средопочин Россіи, изъ Греціи и Рима перешли нѣкопорые памощніе обычаи и преданія : погда, по выраженію лѣшпописца, *земля наша замѣшалася и ста-*

(44) Собраніе путешествій къ Ташарамъ въ XIII, XIV и XV вѣкахъ. С. П. 1825. 4.

рые обычаи переставились (45). Но какъ обычай, по старой пословицѣ, не кляпка, не переставились: по многіе изъ нихъ оспавались у проспата народа въ своей силѣ даже и тогда, когда между высшимъ сословіемъ замѣнялись новыми, иноземными.

Грамошы Новгородскихъ Архіепископовъ, Макарія въ Водскую пяшину 1534 г. и Θεодосія 1548 г. и посланіе Игумена Памфила, 1505 г., въ Псковъ, свидѣтельствують о существованіи памъ языческихъ шребищъ и обрядовъ (46). Въ Спюглавъ упоминаются совершавшіяся дошоль Русалы объ Ивановѣ дни, сходбища въ навечеріе Рождества Хрїстова и Богоявленія на ноцное плещеваніе, безчинный говоръ, бѣсовскія пѣсни и пляски, кои оканчивались на упренней зарѣ омовеніемъ въ рѣкахъ, и *Кликаніе мертвыхъ* въ Великій Четвергъ, въ который упромъ жгли солому, *Оклички* въ первый день Пасхи, *Вьюнецъ* на Радоницы, *Наливки* въ понедѣльникъ Пешрова посша. Тамъ же запрещается присущствіе кудесниковъ и ворожей при судебныхъ поединкахъ и скомороховъ на жальникахъ въ Троицкую суббшпу, въ которую памъ на могилахъ за воплями и плачемъ слѣдовали скоморошскія игры съ

(45) Карамз. И. Г. Р. VI.

(46) Библиографическіе листы II, Кеттена, 1825, No 19.

пѣніемъ, плясками и рукоплесканіемъ и ш. д. Но и самъ предсѣдатель Синоглаваго собора, Царь Іоаннъ Васильевичъ, съ опричниками надѣвалъ на себя личины о Свяшкахъ и Масляницѣ (47). Въ Рускихъ соборахъ XVI и XVII вѣковъ, въ грамахъ, паспырскихъ посланіяхъ и житіяхъ Святыхъ въ Россіи упоминаются древнія языческія суевѣрія и обычаи, кои иногда входили въ составъ расколовъ и ересей, погда возникавшихъ. — По сближеніи Россіи съ Европейскимъ Западомъ черезъ Липву и Польшу и по присоединеніи малой Россіи къ великой, перешли на Сѣверъ нашъ нѣкоторыя западныя суевѣрія и обычаи. Въ судебныхъ актахъ того времени часто встрѣчаются слѣдствія о колдовствѣ и чародѣйствѣ, составляющихъ также народное вѣрованіе, и о другихъ дѣйствіяхъ Магій, коимъ вѣрили во всей Европѣ.

Въ 1684 г. Папріархъ Іоакимъ указомъ своимъ запрещилъ бывшія на Москвѣ «скверная и бѣсовская дѣйства и игрища въ навечеріи Рождества Хрістова. Тогда — пишеть онъ — наказанніи мужескаго полу и женскаго собрався многимъ числомъ, отъ «шарыхъ и молодыхъ, мужи съ женами и «дѣвки ходящъ по улицамъ и переулкамъ къ «бѣсованнымъ и бѣсовскимъ пѣснямъ, сло-

(47) Карамъ. И. Г. Р. VIII.

ажеными ими, многія сквернословія присо-
вокупають, и плясаніе пворятъ, на раз-
женіе блудныхъ нечислютъ и прочихъ грѣхо-
паденій, и преображающеся въ неподобная опъ
»Бога созданія, образъ человѣческой премѣня-
юще, бѣсовское и кумирское личашъ, косма-
шые, и иными бѣсовскими ухищренными со-
дѣянные образы надѣвающе, плясанными и
»прочими ухищренными православныхъ Хрісті-
анъ прельщають; шакожь и по Рождествѣ
»Хрістовѣ во 12 днѣхъ до Крещенія Господа
»нашего І. Хріста таковая жъ бѣсовская игра-
мища и позорища содѣвають.» Такъ какъ
Кормчая запрещаетъ *Хрістіаномъ играти и на
позорища ходити*: то Патріархъ Адріанъ 1697
г. въ инспрукціи своей спаростамъ попов-
скимъ предписываетъ »не хоронитъ ни на
»кладбищѣ, ни на убогомъ дому, а на полѣ
»и въ лѣсу шѣхъ, кошорые играя упонутъ
»или съ качели убьющся.»

Въ эпоху преобразованія Россіи Пешромъ
І. личностъ народная сильно измѣнилась опъ
вліанія Европейскаго образованія; многіе спа-
рые обычаи въ городахъ выпѣснились но-
выми, иноземными, или запрещались Цар-
скими указами; самая одежда, жилища, об-
разъ жизни испытали перемѣны, кои не-
охотно припимали не только просвію люди-

ны, но и высшее сословіе народа. Изъ духовнаго Регламенша, Розыска Св. Димитрія Туппалы, проповѣдей и указовъ того времени видно, что въ печеніи 40 лѣтъ борьбы спарины съ новизною, не вездѣ и не совсѣмъ испребились прежнія суевѣрія Язычества, являясь въ разныхъ мѣстахъ Россіи, какъ-то: благоговѣніе къ спарымъ деревьямъ въ лѣсахъ, олицетвореніе Пяпницы и п. п. Самъ преобразователь иногда невольно обращался опять чужеземныхъ забавъ къ Рускимъ попѣхамъ, давая просторъ Рускому уму: въ Святые вечера онъ съ любимцами своими священичалъ переряженный, славилъ Хріста по домамъ (48) и совершалъ другіе спаринные обряды, вѣроятно, для того, чтобы сдѣлать оныя смѣшными и ешимъ средствомъ уничиженія. Указомъ 1722 г. Сентября 27, позволены въ храмовые праздники при монастыряхъ и значныхъ приходахъ, по совершеніи литургіи и крестнаго хожденія, народныя забавы для народнаго полірованія, а не для какого безобразія.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ 1721 Апр. 17 приказали объявить нарочно: »Понеже въ Правительствующемъ Духовномъ Синодѣ вѣдомо учинилось, что въ Россійскомъ

(48) Дѣнія Петра I. т. I—XX. см. Донесеніе Пошкова въ Руск. Доспоц. М. 1815. 8.

»Государствѣ какъ въ городахъ, шакъ и въ ве-
 »сяхъ происходить ошъ невѣждѣ нѣкошорое
 »непошребство, а именно, во всю Свѣшлую
 »седмицу Пасхи, ежели кто не бываетъ у
 »ушпрени, шаковаго, аки бы штрафуя, обли-
 »вающъ водою и въ рѣкахъ и въ прудахъ ку-
 »пающъ; и хотя сіе прошый народъ дѣлаещъ
 »себѣ будшо за забаву праздничную, однако
 »ошъ шой суешной забавы дѣшся не шокмо
 »здравый, но и живошу челошеческому, шще-
 »ща; ибо онымъ ошъ невѣждѣ купаніемъ въ
 »глубинахъ, иногда людей пошощающъ или
 »разбивающъ, а сонныхъ и хмѣльныхъ, внезап-
 »нымъ обліаніемъ, ума лишающъ; къ шому жъ
 »будшо бы воспоминающъ *мерзкихъ идоловъ*,
 »въ нихъ же былъ нѣкій идолъ *Купало*, ему же
 »на Великъ день пришосили жертву онымъ ку-
 »паніемъ; о чемъ пространно зрится въ лето-
 »писцѣ *Кіевскомъ*. Но понеже во оныя вре-
 »мена Россійскій народъ еще не совершенно
 »воспріялъ свяшую православную Вѣру и въ
 »ней не крѣпко ушвердился, а нынѣ уже ми-
 »лосердіемъ Божиимъ оный во благочестіи сі-
 »яещъ, а помянушаго обычая невѣжды оспа-
 »вишъ не могушъ; шого ради оный богопро-
 »швиный и живошъ челошеческій вредящій
 »обычай весьма ишпребилъ, и впредъ шого въ
 »Россійскомъ Государствѣ ошнюдь не было бѣ.»

Послѣ Бироновскихъ ужасовъ, спѣсившихъ Рускую душу, Рускіе, въ царствованіе Елисаветы Пепровны, спали свободнѣе дышати, какъ говоришя: *жить прильваючи*. Тогда народъ увидѣлъ самую Государыню, въ спаринномъ Рускомъ платьѣ, слышала ея голосъ въ своихъ пѣсняхъ среди веселыхъ хороводовъ на игрищахъ; при самомъ Дворѣ бывали и свяпочныя игры и оперы Италіанскія и маскарады. Въ епо время пробудилась народность въ своихъ праздникахъ и попѣхахъ, опкликнулась въ пѣсняхъ и прибаушкахъ, сказкахъ и загадкахъ: не боялись о Масляницѣ капапся, въ Свяжки ходили наряженные по улицамъ гурьбами, спрашивали имена у встрѣчныхъ и поперечныхъ, подслушивали подъ окнами, на перекресткахъ гадали, свободно носили по улицамъ въ городахъ и селахъ березку въ Семикъ съ пѣснями. Епо продолжалось и при Екашеринѣ II, которая любила Рускія игры и одежды, сама сочиняла сказки въ Рускомъ вкусѣ, собирала пословицы народныя и писала Исторію Рускаго Государства.

Съ опкрѣпленіемъ Намѣстничества въ Россіи послѣдовала большая перемѣна какъ въ нравахъ и обычаяхъ народныхъ, такъ въ общественныхъ празднествахъ, попѣхахъ и играхъ, кои сдѣлались скромнѣе и пристойнѣе; постепен-

но оставляемы были буйства и безчинства, коими сопровождались оныя. Вдали отъ столицы, въ разныхъ областяхъ Россіи старинные праздники и повѣрья язычества сохранялись одни въ бѣльшей, другіе въ меньшей силѣ; дни оныхъ праздновались гуляньями или увеселеніями на прежнихъ мѣстахъ, нерѣдко самыя ихъ названія или преданы забвенію, или получили другое значеніе, опдаленное отъ древняго, до коего трудно и добраться. Наслѣдственные преданія у народа нерѣдко согласуются съ лѣтописями, или дополняются ими, самыя игрища и гульбища своими названіями напоминаютъ о древнемъ бытѣ, подтверждаясь повѣрьями и обычаями, пѣснями и сказаніями, пословицами и сказками: изъ нихъ слагается, хотя и въ неясныхъ чертахъ, картина древняго вѣрованія народа, самородное произведеніе его почвы, совокупность его изконныхъ праздниковъ, а въ нихъ проявляется его духъ, его жизнь внутренняя. Преслѣдуя сіи остатки древняго вѣрованія и быта народа въ разныхъ эпохахъ его жизни, видимъ, что языческія поржества сперва удерживались какъ опеческіе благоговѣйные обряды, а потомъ превратились въ игры и увеселенія, сдѣлавшіяся какою-то жишпейскою

необходимостью. Хотя древнее иногда успу-
пало мѣсно новому; однако оно часпо кляю
свою печать на послѣднее (49).

Къ новымъ праздникамъ относится *Перво-
майское гулянье* (Meue-tag), или *Нѣмецкіе ста-
ны* въ Москвѣ, которое, по преданію, заведено
при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ Нѣмцами,
имъ вызванными. Какъ у Европейскихъ на-
родовъ прежде годъ начинался Маіемъ: по
Вальпургіева ночь, на 1е Маія, и относящі-
я къ ней суевѣрія оспаюся еще при пе-
ремѣнѣ времени года. Забавный обычай обма-
нывать *перваго Апрѣля* перенесенъ на Русь
Нѣмцами, которые въ 1700 г. сдѣлали изъ
эшаго первое предшавленіе въ Москвѣ. *Новый
годъ* съ XV вѣка въ Россіи празднованъ съ Сен-
тября по церковному чиноположенію, въ день
Сумеона *льтопроводца*, въ который Государи
Россійскіе назначали срокъ личнаго суда своимъ
подданнымъ; съ 1700 г. новолѣтіе начинается
Январемъ мѣсяцемъ, который Пётръ I озна-
меновалъ поржеспвомъ въ Европейскомъ вкусѣ
съ невиданными дошолѣ на Руси церемоніями
и обрядами. Вѣроятно, съ шого времени оца-
рый Сентябрьскій годъ прослылъ *бабымъ ль-*

(49) Карамз. И. Г. Р. XI, прим. 68.

томъ (50), которое Г. Шишковъ правдоподобно производилъ отъ созвѣдія *Бабы* (семь звѣздъ, упичье гнѣздо, Плеяды), появляющагося съ половины Августа до половины Сентября (51). Но сіе названіе найдемъ у Нѣмцевъ, Поляковъ и Сербовъ. По примѣру Европейскихъ Государствъ, Пётръ I давалъ всенародные праздники по случаю знаменитыхъ побѣдъ и заключенія мира, полезнаго или славнаго для отечества, завелъ ассамблеи; въ его царствованіе блистательны были праздники Князя Меншикова, такъ какъ при Елизаветинѣ II Князя Попова. Кому не извѣстенъ достопамятный етнографическій маскарадъ, бывшій при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, рыцарскій карусель и другіе великолѣпнѣйшіе праздники при Елизаветинѣ II, достойные особеннаго описанія (52); ибо въ нихъ выражается духъ того времени и память великихъ событій.

§ 3. Какъ сама природа имѣетъ свои праздники, на кои приглашаетъ человека; — по и онъ, торжественно и благоговѣнно встрѣчая и провожая каждое время года, заимствуетъ

(50) Библиотека для чтенія, Январь, 1836.

(51) Но сіе созвѣдіе видимо во всю зиму. Сочиненія А. Шишкова, т. V, стр. 48.

(52) Haigold's Beylagen. II, 54.

опть природы бѣлые или черныя краски, радоспные или увылые звуки, дѣлпть съ нею веселье и горе; оощуая жизнь въ природѣ, самъ въ ней живепть и все собою олицепворяепть. Видимыя періодическія перемѣны въ природѣ, раздѣляющія продолженіе времени на равныя часпн, подали поводъ ознаменовашъ каждое время года сперва религіозными, попомъ жппейскими праздниками, кои оощносящя къ земледѣльческимъ прудамъ и хозяйспвеннымъ заняпіямъ; въ нпхъ впадающъ сроки и сдѣлки, шорги и сходы мірскіе, какъ пю: въ Юрьевъ и Семень дни, въ Пятницы и ш. д.

Подобно Англо-Саксамъ, Славяне раздѣляли годъ свой на зиму и лѣтпо, или на зимнее и лѣпнее солнцеспояніе, Коледу и Купало, копхъ сымволами было колесо (коло), емблема солнечнаго повороша, а самыя праздники на зимніе и лѣтніе, сообразно своему климату и мѣспности. У древнпхъ Нѣмцевъ годъ раздѣлялся на три часпн: зиму, весну и лѣтпо; первая почпшалась священнѣйшею порой, когда поржеспновались главныя праздники въ честь боговъ (53). При распроспраненіи Славяно - Рускпхъ племень по черной, черной и бѣлой, малой и великой Рос-

(53) Menzel's Geschichte der Deutschen bis auf die neuesten Tage. I Th. Stuttgart u. Tübingen. 1834. 8.

сія, въ послѣдствіи праздники ихъ религіозныя и житейскіе, съ умноженіемъ нужды и отношеній, съ развитіемъ ихъ народности и гражданственности, умножались и могли уже дѣлиться на *весенніе* и *лѣтніе*, *осенніе* и *зимніе*.

Съ красною весною празднуется союзъ (ладъ) двухъ началъ одушевленнаго человѣкомъ міра, который представляешь небомъ и землею оба пола; расшенія, живошныя, люди суть плоды ешого лада (54). Въ древности у Рускихъ *пролѣтѣмъ* назывались при весенніе мѣсяца, съ коихъ начинающся обновленіе природы, новолѣтіе и праздники народные, какими встрѣчается весна при появленіи первой хлѣбной пшеницы, грача, и весенней пшашки, жаворонка: по ихъ прилетанію народъ дѣлаешь свои авгурии объ урожаѣ хлѣба и печешь изъ шѣсна изображенія сихъ перелетныхъ пшашекъ. Первый пролѣтній мѣсяць, или Березозоль, Марпъ, коему самъ Богъ даровалъ первенство (55), у Славянскихъ и Скандинавскихъ племень, шакъ какъ у Пер-

(54) Religions de l'Antiquité, par F. Creuzer, refondu et developpé par J. D. Guignaut. t I, et 2 partie, à Paris. 1825. 8.

(55) Исхода XII, 18.

совъ , сопровождается разными торжествами и играми въ честь усопшихъ ; Богемцы, опчасти Германцы епопъ день почитающъ первымъ весеннимъ (56); въ Россіи у простолюдиновъ погда празднуешя *Авсень, Овсень*, или *Таусень*, копорый перенесенъ на новый годъ съ Января и заключаешъ въ себя другіе праздники, шакъ какъ *Васильевы вечера*, или *Святки* предъ Январемъ и послѣ онаго (57). Но какъ , по различію климаша, въ разныхъ полосахъ Россіи праздники сіи переходяшъ въ разные дни мѣсяцевъ , кои посему имѣющъ названія народныя, кромѣ книжныхъ (58); по пастушескія и земледѣльческія празднества въ средней и сѣверной полюсь Россіи начинающся позднѣе , чѣмъ въ южной , занимшвуя опъ мѣспносши и опъ нравовъ жишелей особенное выраженіе. Такимъ образомъ собспвенно *красная весна* и *Красная горка*, начинающаяся *Закликаніемъ весны* и *Радунцею*, празд-

(56) Edda Saemundina , t. III.

(57) М. Н. Макаровъ полагаетъ, основываясь на преданіяхъ , что прежде преполовение Свяшокъ было въ день С. Василія, 28 Февраля, а потомъ перенесено къ 1 Января. см. *Дамскій Журналъ*, № 34, 1832 г.

(58) *Карамз.* И. Г. Р. V, прим. 254, подъ 1409 г.

нуется или въ *Воминь понедѣльникъ*, или въ *Егорьевъ день*, въ срокъ хозяйственныхъ условій и время выгона скота въ поле съ пѣснями объ охраненіи спады и съ ночными хожденіями: чпо и донынѣ бываетъ около Буя, Солдгалича и въ другихъ спранахъ Россіи. Олицешворя *Пятницу*, народъ особенно празднуетъ ей, въ обптные пятницы не работаетъ, во временныя послѣ Пасхи по разнымъ мѣстамъ собирается на ярмарки или торги, на кои, по преданію, вывозили изображение св. Параскеви, обвѣшенное плапками и леншами. Въ Духовномъ Регламентѣ замѣчено, чпо «въ малой Россіи, въ полку Спародубскомъ, въ пяпокъ «водяпъ жонку простовласу, подъ именемъ «Пятницы, и водяпъ въ ходѣ церковномъ и «при церкви честь оной опдаетъ народъ съ «дары и со упованіемъ нѣкія пользы.» Самыя часовни съ образомъ св. Параскеви Пятницы, спояція обыкновенно на перекресткахъ, слывупъ между простолюдьемъ *Пятницами*. Переходомъ опъ весеннихъ праздниковъ къ лѣпнымъ служипъ *Первомайское гулянье*.

Изъ лѣпныхъ праздниковъ извѣспны въ Россіи: *Семикъ*, или *Тюльпа*, *Ярило*, *Девятая пятница*, *Купало* и *Купальница*, *Русалии*, о коихъ подробно скажемъ въ своемъ мѣспѣ.

Изъ осеннихъ: *Обжинки*, *Сложинки*, *осиные* *имянины*, *Бабе лето*, или *Семень день*, или *Льтопроводца*, *Аспосовъ день*, или *Госпожка въ Минской Губерніи 8 Септ.*, *Осенины*, *Дмитріевская суббота*, соопвѣщивующая *Дѣдинамъ* и *Задушному дню въ Липвѣ* и *Польшѣ* (*Dziady*, *Dzien zaduszny*), а въ *Коспромской губ.* называемая *вселенскою*, *поминальною*, *Юрьевъ день* или *Егорій осеній* и пр.

Къ зимнимъ относяся: *Каледа*, или *Святки*, извѣстные у *Карпатпороссовъ* и другихъ *Славянскихъ племень*, подъ именемъ *Корочуна*, *Васильевъ вечеръ*, *Масляница* съ предшесивующею ей *родительскою*, которая приходится въ *Февраль*, бывшемъ у *Гимлянъ* последнимъ мѣсяцемъ года, когда у нихъ отправлялись *Fe-galia* и когда въ *Германіи* на сѣверъ и югъ и у *Славянъ* совершались пиршества и игрища, съ коими соединялось драматическое представленіе — *изгнаніе зимы*, или *смерти*, какъ бы предпразднество обновленія года съ наступленіемъ весны и символическое представленіе борьбы смерти съ жизнью въ природѣ (59). Какъ весна въ *Малороссіи* встрѣчается *закликаньемъ*, или *веснянкою*, сходною съ *Грече-*

(59) Edda Saemund. t. III. Lex. Mythol. *Карамъ. И.*
Г. Р. I. стр. 287 и пр.

скимъ *хлѣбѣнѣма*, такъ равно *проводается* весна и зима съ разными обрядами, особенно ношеніемъ соломенной куклы, одѣтой въ сарафанъ кумачный и въ кокошникъ, и украшенной лентами и цвѣтами: чинѣ донынѣ бываетъ въ Саратовской Губерніи не только при проводахъ весны и зимы, но и въ Госпожинки по уборкѣ хлѣба. Въ другихъ праздникахъ представляешь главное дѣйствующее лице, вѣроятно, какое либо божество, избранный опъ міра человѣкъ, иногда юноша, иногда спарикъ, иногда дѣвица, напр: въ Ярилу, въ Семикъ, въ Всесвяшское заговѣнье водаяшь избраннаго человѣка, украшеннаго цвѣтами и лентами; обѣ Масляницѣ возаяшь на колесѣ, укрѣпленномъ на сполбѣ, въ большихъ саняхъ наряженнаго мужика, копорый напоминаешь собою древняго Крода, и п. д.

Кромѣ сихъ народныхъ праздниковъ, бываютъ въ печеніи чепырехъ времянь года *братчины, сыпчины, холки, посидѣлки, бпсѣды, Никольщины, приходскіе праздники* и п. д., на кои сборомъ со всего міра гошовишся кушанье и варипся пиво.

§ 4. По отношенію къ годовымъ времянамъ и къ самымъ церковнымъ празднесшвамъ, въ кои япадаюшъ народные праздники, однм

изъ нихъ предшеспвуютъ Пасхъ , другіе послѣдуютъ за оною (60); одни изъ нихъ приходится въ разныя числа мѣсяцевъ , по ранѣе , по позже , и называются *подвижными* , напр : *Радунница* , *Семикъ* , *Масляница* ; а постоянно случающіеся въ одинакія числа мѣсяцевъ именуются *неподвижными* , какъ-то : *Семизъ день* , или *Бабье лѣто* , *Купало* и *Купальница* , *Святки* . Въ разныхъ полосахъ Россіи нѣкоторыя изъ сихъ праздниковъ , особливо примѣненные къ годовымъ временамъ по климату , споль разнообразному , опсправляются по ранѣе , по позднѣе , напр : *Авсень* , *Ярило* , *Красная горка* , *Госпожинки* и пр .

Нѣкоторыя изъ праздниковъ и обрядовъ бывають *чрезвычайныя* , или *обѣтныя* , какіе опсправляются по особеннымъ случаямъ , напр : во время мора , скопскаго падежа и другихъ напасей , какъ-то : *Пятницы* , *изгнаніе коровей смерти* или *опахиванье* и пр .

Какъ народныя , такъ и семейныя праздники продолжаются обыкновенно три дни , а иногда и цѣлую недѣлю . Какъ у Скандинавовъ Юлійскія игры , такъ у Рускихъ Свяшки

(60) Руководство къ Паскаліи соч. *А. Тажелова* , изд. 2. М. 1830. 8.

продолжались двѣнадцать супокъ (die zwölff Nächte) , см. выше стр. 38.

Большая часть праздниковъ народныхъ отпраздляется днемъ , а нѣкоторыя изъ нихъ ночью , какъ увидимъ въ частномъ описаніи оныхъ : одни изъ нихъ цѣлый день съ утра до ночи , другіе послѣ полудня вечеромъ и даже ночью , особливо соединенные съ гаданіями. Въ Тверской и Новгородской Г. съ Петрова дни дѣвушки цѣлый мѣсяцъ гуляють по ночамъ. Навечерія и кануны нѣкоторыхъ праздниковъ церковныхъ посвящались проснымъ народомъ на празднества и обряды языческаго происхожденія : что самое подтверждается Номоканономъ , Споглавомъ и Прологами. Такое навечеріе описывается въ Споглавѣ слѣд. словами : »На канунѣ , на вечеріи »праздниковъ Рождества Христова , Богоявленія и Ивана Предпечи сходились мужи , »жены и дѣвицы на nocturnое плещованіе , безъчинный говоръ , на бѣсовскія пѣсни и скаканіе до самаго разсвѣта до заупрень , когда »они , умывшись въ рѣкѣ водою , расходились по домамъ.« Сходно съ Споглавомъ свидѣтельствуетъ Кранцъ въ описаніи Саксоніи , въ XVII в. , что »въ Галбершпадской деревнѣ Шолбекѣ на канунѣ Рождества Христова »ночью , на погостѣ Св. Магна , юноши и му-

жи съ дѣвицами провожали всю ночь въ пьян-
стве и безчинныхъ пляскахъ, коими пре-
рывали ушреннее богослуженіе (61).

§ 5. Естественнo, народныя повѣрья и
праздники должны дѣлились на *отечествен-*
ныя и *заимствованныя* отъ чуждыхъ племенъ,
съ коими сближались Славяне въ предъисториче-
скія и историческія времена. Но весь объемъ
тѣхъ и другихъ указавъ и съ точностію раз-
граничивъ едва ли возможно, такъ какъ опи-
савъ ихъ начало, измѣненіе, переходы, развитіе,
распространеніе и заимствование; посему дол-
жно ограничиться только главными чертами.

Судя по степени образованности Рускихъ
Славянъ, какъ намъ описываютъ ихъ западные
и восточные историки, между ними возникли
немногіе праздники, испекшіе изъ мѣстности,
быта и духа, кои положили на оныя
свою печать. Сколь время ни изглаживало
ее; однако описки ея проглядываютъ на
почвѣ родной, какъ черпы древней живописи
изъ подъ новыхъ красокъ, на нее наложенныхъ.

У южныхъ Славянъ, жившихъ на щедрой
землѣ и подъ яснымъ небомъ, на привольѣ лу-

(61) *A. Grantz Saxonia. Francof. MDCXXI. p.*
109—110.

говъ и лѣсовъ, могли скорѣе родиться праздники, чѣмъ у сѣверныхъ, у копорыхъ была продолжительнѣйшая зима, обширныя болота и скудныя средства для жишья-бышья. Когда спала развивающаяся жизнь народная въ обществѣхъ и городахъ у жишелей Рускаго сѣвера и когда они вошли въ сношенія съ другими племенами: тогда у нихъ съ торгами появились праздники, кои носящъ на себѣ знаменіе любимыхъ ихъ занятій скоповодствомъ и земледѣіемъ, оппечапокъ качествъ ихъ климаша, мѣспности и нравовъ. Какъ годовое время дѣлилось у нихъ на зиму и лето: по и весь кругъ ихъ трудовъ и религіозныхъ и жишейскихъ празднествъ заключался зимнимъ и лѣпнымъ солнцеспояніями, или Коledoю и Купалою, о коихъ сказано выше. Въ эпоху кругъ внѣшней и внутренней ихъ жизни входили всѣ торжественныя проявленія народности и вѣрованія. Хопя въ Славянскомъ переводѣ Кормчей въ 62 пр. пропущены *Русалии*, о коихъ упоминается въ Споглавѣ; но Папріархъ Вальсамонъ и Дмипрій Хомашинъ въ толкованіяхъ на Кормчую приводятъ *Русалии*, кои ошъ нихъ вошли и въ Споглавъ. Они называютъ сей праздникъ происходящимъ въ чужихъ земляхъ (*ἐν ταῖς ἕξω χωραῖς γενόμενα*). Такъ какъ Греки употребляли сіе выраженіе, говоря о спранахъ сѣверныхъ въ отношеніи къ

себѣ; по замѣчанію одного изъ схолиасповъ на *Basīlica* (62): то и отнесиися оно къ Болгарскимъ Славянамъ, у коихъ существовали Русаліи, извѣстные и у Рускихъ Славянъ на югъ: любимый свой цвѣтъ красный или русый клеверъ. они на близкіе къ нимъ предметы: на времена года, на спихи, на спрану, на горы, на лѣса и на жипо, отсюда: красная весна, красное лѣто, красное солнце, красная (червоная) Русь; красная горка, красный холмъ, красный лѣсъ, красный хлѣбъ и ш. д. Какъ бѣлый цвѣтъ былъ символомъ воды и воли, такъ красный — огня и войны, а черный — неволи и смерти. Кромѣ Русалій, праздника духовъ, коимъ присвоивались и свадьбы на водахъ, тризна принадлежала Славянорусомъ и родительскія, совершавшіяся съ языческими обрядами. Поклоненіе *Перуну*, главному божеству Руссовъ, Поляковъ, Прусовъ, Вендовъ, Чеховъ и Моравовъ, сопровождалось празднествами, такъ какъ служеніе богу скоповодства, *Волосу* и другимъ, болѣе или менѣе извѣстнымъ кумирамъ Славяно-рускаго міра. Особенное благоговѣніе

(62) Pandectae canonum Beveregit, can. LXII. Ea, quae dicuntur *Rusalia*, quae post sanctum Pascha ex mala consuetudine fiunt in externis regionibus. — Въ Пошребникъ, напеч. въ Москвѣ 1639 г. въ листъ, упоминающя между Еллинскими обычаями *Русалии*.

къ силамъ мировымъ и планетнымъ огню и водѣ, какое видимъ въ *Купаль* и *Купальницѣ*, безъ сомнѣнiя, есть остатокъ древняго Славянскаго богослуженiя, общаго съ Воспючвыми племенами и принесеннаго на югъ и сѣверъ Россiи изъ общей ихъ колыбели. По свидѣтельству Византiйскихъ и опечеснвенныхъ писателей, Славяно-рускiя племена чтили *рѣки* и *колодези*, или *кладенцы*, *студенцы* (63), поклонялись дубамъ, подобно Германцамъ, и приносили имъ и другимъ жершвы, по коимъ дѣлали гаданiя, кидали жребiи. (64). На островѣ Рюгенѣ въ древнемъ мѣстѣ находилось святое озеро *Студенецъ*, предъ коимъ благоговѣли Славяне. Слѣды этого благоговѣнiя къ водѣ, остались въ нѣкоторыхъ областяхъ Россiи: между прочимъ въ Буѣ, уѣздномъ городѣ Коспромской Губернiи, доселѣ дѣвки въ великiй Четвертокъ

(63) *Procopius de bello Gothico*, III, 14. — *Constantini porphir. de administratione*. 44. — Исследования, служащiя къ объясненiю древней Руской Исторiи, А. Х. Лерберга. С. П. 1819. 4.

(64) Имена *рѣкъ*, по замѣчанiю Г. Глаголева, на сѣверѣ имѣють родъ и окончанiе одинакiе съ городами на *a* женск. р.; а на югѣ, ш. е. въ областяхъ древнихъ Рускихъ и вообще Славянскихъ (въ Новгород. области также) есть *рѣки* женскаго и мужскаго рода. см. Журналъ Д. М. вн. д. Января, 1835.

кликають весну и, ежели раскрылась вода, входящъ въ рѣку и, одна съ другою схватясь за руки, припѣвають: весна, весна красна, приди весна, съ милостію, съ милостію, съ великою благодію!

Особенное вниманіе заслуживаютъ обряды, совершаемые при свадьбахъ, погребеніяхъ, на сельскихъ праздникахъ и въ хороводныхъ играхъ. Многіе изъ нихъ споль древни, что напоминаютъ намъ объ изконномъ сродствѣ нашемъ съ Греками и Римлянами, или, по крайней мѣрѣ, объ одинакомъ съ ними происхожденіи изъ древняго уголка Азіи — расадника всѣхъ Европейскихъ народовъ и всего земнаго населенія. (65).

Если по сходству обычаевъ и языка одного народа съ другимъ можно заключать о сродствѣ оныхъ: то и о сродствѣ Славянъ и Руссовъ съ Воспочными, Германскими племенами, Греко-Римлянами и другими народами можно судить по сходству нѣкоторыхъ ихъ повѣрій, религіозныхъ обрядовъ и многихъ словъ въ языкахъ. Время и мѣсто такого сродства между сими народами скрывается во мракѣ предъисторическихъ временъ, объясняюща опчаспи соображеніями, внѣшними и

(65) Журналъ Министерства вн. дѣлъ. С. П. 1835. Июнь.

внутренними признаками: къ нимъ относятся бытъ и духъ народа съ его повѣрьями, обычаями и праздниками, изъ коихъ обыкновенно заимствуетъ одинъ народъ у другаго болѣе сообразныя съ мѣстностью своей и съ естественными и нравственными потребностями. Кроме сего, сходство можетъ быть въ символахъ, почерпаемыхъ изъ одного общаго источника — природы, по врожденному челоуѣку побужденію. Поклоненіе первенствующимъ стихіямъ огню и водѣ, благоговѣніе къ рѣкамъ, напр: Бугу, Дунаю, Дону, прославляемымъ въ пѣсняхъ народныхъ, частыя омовенія и купанье, сожиганіе мертвыхъ, общи у жипелей Воспока съ Славяно-Руссами въ ихъ Язычествѣ. О перескакиваніи черезъ огонь для очищенія, о почтеніи къ священнымъ дубравамъ и горамъ упоминается въ Ветхомъ Завѣтѣ, какъ о памятникахъ древняго идолопоклонства, заимствованныхъ Евреями отъ Суріянъ и Финикіанъ (66). Гебры и Парсы въ Оспындіи исповѣдуютъ Сабейзмъ и признавая единство Бога подѣ именемъ Yerd, почишаютъ солнце и огонь его символами. У Халдеевъ небесное божество называлось Nebo, по Санскрипски Nabu, Nibu, по Арабски neba — наше небо.

(66) IV. Царствъ, XVII. Archaeologia biblica, in epitomen redacta a J. Jahn. Viennae, 1814. 8.

въ богоученіи восточныхъ Индѣйцевъ встрѣчается Славянскій *Перунъ*, въ честь котораго совершается въ Январѣ, во время зимняго солнцеспоянія, праздникъ *Перунъ - Понголь*, или великій *Понголь*, сопровождаемый гаданіями — *Угадами* (*Ougahdy*): оный продолжается при дня, въ кои приносятся жертвы землѣ и огню: первый день называется *радостью*, другой днемъ *солнца*, прерпій двумъ *быковъ и коровъ*. Предсавивтели огнепоклоненія у Персовъ именовались *Пирами* и *Магами*. Кто не узнаетъ въ Индѣйскомъ *Копалъ*, покаянникъ, нашего *Купалу*? Самая обитель усопшихъ предковъ, темное мѣсто, *Индра*, у Индѣйцевъ именуется *Ямою* (*Yama*), священныя игры 1 Апрѣля — *Гулями* (*Houli, Nuli, Holasa*), *гулочками*? и т. д. (67). Знаюки при дальнѣйшемъ изслѣдованіи Восточныхъ писателей и обычаевъ найдушь болѣе сходнаго Восточныхъ съ Славяно-Русскими.

(67) Voyage aux Indes orientales et à la Chine, par Sonnerat. à Paris, 1807. t. I, p. 240. 8. — *Карамзина И. Г. Р. т. VIII.* — Moeurs, institutions et cérémonies des peuples de l'Inde, par I. A. Dubois, à Paris, 1825, t. I, 8. — Edda Saemundina, t. III. — Religions de l'Antiquité par F. Creuzer. t. I — III. — Ueber die Sprache u. Weisheit der Indier. Ein Beitrag zur Begründung der Alterthumskunde, von J. Schlegel. Heidelberg. 1805. 8.

По сходству Греческихъ мѣровъ и обрядовъ съ Индѣйскими многіе ученые заключали, что они вмѣстѣ съ Славянскими почерпнушы изъ одного источника въ предъиспорическія времена. Послѣ переселенія народовъ, возобновилась связь Славянъ съ Греками — первые проникли въ самую Грецію и шамъ въ Пелопоннесѣ запечатали слѣды свои въ наименованіи разныхъ урочищъ. Въ послѣдствіи войны, мирные и торговые договоры, путешествія Славяно-Русовъ въ Грецію, наконецъ принятіе ими Христіанской вѣры опъ Грековъ, служили проводниками въ Рускій міръ Греческихъ обычаевъ, повѣрьевъ и рѣченій, изъ коихъ многія еще могли бытъ общими у Славянъ съ Греками въ тѣ предъиспорическія времена, когда сіи народы, по всему вѣроятію, составляли одно племя: посему сходство въ словахъ и повѣрьяхъ того и другаго было не случайное, а существенное, основанное на происхожденіи сихъ племенъ древняго міра опъ одного корня. Какъ Византійцы называли язычниковъ *Еллинами* для ошличія опъ правовѣрныхъ — Грековъ (68), а языческіе

(68) *Antiquités grecques*, trad. de l'Anglais de *Robinson*.
2 v. à Paris, 1822. 8.

обряды *Еллинскими*: то и Рускіе именovali свои древніе, дохрістіанскіе обычаи *Еллинскими*. Безъ сомнѣнія, опъ Грековъ заимствованы, кромѣ церковныхъ праздниковъ, и жипейскіе, вмѣстѣ съ ихъ обычаями и уставами, кои больше дѣйствовали на высшія сословія народа, чѣмъ на просполоудиновъ, отверженныхъ къ древнимъ обычаямъ и повѣрьямъ своихъ предковъ. Гомеровскій еписетъ Ареса (Марса) *Ἐῶρος* ярый, споль сходный съ Арабскимъ шавромъ, съ Скандинавскимъ Туромъ и Епрусскимъ Туган, находится и въ Игоревой пѣсни Буй-Туръ, такъ равно еписетъ Вулкана *παλίκοτος* паки-гнѣвающійся, близокъ съ прозваніемъ С. Бориса въ Бѣлоруссіи, который слыветъ *паликотомъ* или *паликопомъ*, попому что, подобно древнему Вулкану, на нечпущихъ памяти его низводитъ перуны! Въ самомъ словѣ *Перунъ* опзывается Греческое *πῦρ* огонь. Наша мать земля близка съ *Γῆ μήτηρ*, или *Δᾶ μάτηρ* земля машь, или Церера, кормилица рода человеческого. Въ древноспяхъ Еллинскихъ встрѣчаются сходныя съ Славянскими *родительскія* (*Γενέσια*, "Обія), птицеволхование (*οἰωνομαντεία*), литье воска въ воду (*κηρομαντεία*), гаданіе или колдованье (*κλήδονες*, пологреч. *κλήδονα*), при космѣ и донынѣ кладуть не только женщины,

но и мущины въ сосудъ перстень или монету, копорую вынимали подъ пѣсни (69). У Грековъ также извѣстенъ былъ божескій судъ — испытаніе желѣзомъ (*μύδρος*) (70). Нашъ Семикъ имѣеть сходство съ Адонисовымъ праздникомъ, при окончаніи коего Греки бросали въ море или рѣку вѣнки, цвѣты и древесные листья (71), или съ упоминаемымъ въ Θεοδοσίεωμъ Уложеніи *Λευδοφορία* — ношеніемъ вѣпвей древесныхъ по городу въ честь одного божества; Руская игра *живъ, живъ* (*Ζῆ, ἔΖη?*) *курылка*, похожа на поржесвенное въ честь Прометея бѣганье со свѣчочами (*λαμπάδοφορία, λαμποδοῦχος αἰών*) (72). Гндичъ объясняетъ праздникъ и пѣсни Коляды Греческимъ словомъ *χολάδης*, ш. е. внутренности, кишки, по сходству съ Малороссійскимъ обычаемъ при коледованіи просить въ награду *кольцо колбасы* (73). У Гомера въ *Илиадѣ*

(69) *I. Sauberti de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709. 12. Wachsmuth's Hellen. Alterthumsk. II. 2.*

(70) *Sophocl. Antig. 264.*

(71) Умозрительныя и опычныя основанія Словесности, въ IV част. сочин. Г. *Глаголева*. С. П. 1834. 8.

(72) *Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie. à S. P. 1795. 8.*

(73) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. Н. *Гндичемъ*. С. П. 1825. 8.

надъ друиномъ Гектора дѣлающа *причитаніе* (*ιάλσμος*), какія сохранились въ летописяхъ нашихъ и какія употребительны у проснолюдиновъ. Самое слово *игра* однородно съ Греческимъ *ἔγγρα*, кои были хороводы при павинсвахъ Цереры (74), даже нашъ *хороводъ*, или *короводъ*, у другихъ Славянскихъ племенъ извѣстный подъ именемъ *коло* (75), Еллинскаго происхожденія, отъ *χορός χορῆ*, якъ поющихъ и пляшущихъ, и *ἄγω веду*, какъ бы *посолонъ*, или отъ *χοροβάτω* спущаю въ хоръ; ибо собственно хороводъ прообразовалъ печеніе соляца. Многие изъ праздниковъ Еллинскихъ, также какъ у Рускихъ, продолжались *три дня* (*τριήμερα*); самое слово *сорокоустъ* есть позднее Греческое *Σαρανόντα* и *Σάραντα* сорокъ дней. Ф. Грефъ доказываетъ изъ Иліады VII п. стп. 171, что нашъ проспой народъ также мешаеъ жребіи, какъ мешали Греки на поляхъ Троянскихъ (76).

(74) P. Köppen's die dreigest. Befate. Wien, 1823. 8.

Horat. IV, od. 7: choros ducere вести хоры, лики.

(75) Впрочемъ можно производить и отъ *коло*: тогда выдешъ *коловодъ*, выражая также понятіе круга, какъ и на Греческомъ.

(76) Antiquitatis Graecae et Romanae loca quaedam e Rossorum lingua et usibus illustrata, auct. F. Graefio. part. I. Petropoli. 1827. см. Библиогр. листы, 1825. No 22.

Нынѣшніе Греки удержали у себя многіе обычаи и повѣрья древнихъ предковъ своихъ : у нихъ есць родники, криницы (*κρήναι*), почищаемыя священными, пакъ какъ у насъ, куда они приносящъ больныхъ для исцѣленія (77). *Перваго Мая (Πρωτομαΐα)* у нихъ двери всѣхъ домовъ, какъ у насъ въ Семикъ, украшающія цвѣтами и вѣтвями древесными и вся Греція вспрѣчаешъ начѣло лѣта увеселеніями народными. Грекамъ, вѣроятно, Славяне Рускіе подражали въ замѣненіи боговъ Языческаго Святыми Хрістіанства. Какъ все прекрасное и благое происходитъ отъ Бога чрезъ посредство Ангеловъ и Святыхъ, копорые у Грековъ заступили мѣсто полубоговъ и геніевъ : поему у нихъ пакже Сорокъ Мучениковъ приводящъ весну и соловьевъ, С. Николай Чудотворецъ упишаешъ бури, а С. Георгій, весьма уважаемый самими Турками, покровишельствуешъ земледѣлію и скоповодству, и памъ его днемъ шоржесшвенно опкрываешся годъ паспущескій и празднуешся семейнымъ пиршесшвомъ, на коемъ съѣдающъ первенца спадъ (78).

(77) Въспнякъ Европы, 1821, No 14.

(78) Voyage dans la Grèce par F. C. Pouqueville, à Paris, 1820. 5 v. 8.

Опъ древняго сродства , въ предъиспо-
 рическія времена , Славянь съ Римлянами ,
 копорые сами хвалились происхожденіемъ сво-
 имъ опъ Венешовъ , Славянскаго племени ,
 попомъ опъ сосѣдства Лапидскихъ колоній
 съ Славянскими народами по Дунаю и наконецъ ,
 опъ вліянія Греко-Римлянъ въ средіе вѣка на
 Россію, вошло въ Рускій міръ много повѣрій и
 обычаевъ , а въ языкъ много словъ Римскихъ.
 Древній Римскій языкъ, по мнѣнію Арендпа и Г.
 Мейдингера, ближе съ Славянскимъ, чѣмъ съ Нѣ-
 мецкимъ (79). Скольکو Римскаго доселѣ оспа-
 лось въ общихъ черпахъ Рускаго народа, въ его
 быту, въ законахъ, въ календарѣ и п. п.! Выше за-
 мѣшили мы о сходствѣ нѣкопорыхъ народныхъ
 суевѣрій и религіозныхъ обрядовъ у Римлянъ съ
 Славяно-Руссами, къ копорымъ могли перейти
 оные посредствомъ Нѣмцевъ и Липовцевъ. Геній
 хранигель, *постель*, (*incubus, succubus, épiál-*
тис), *домовой* (*domiducus, sa*), *родительскія*
(parentalia), *девятины* (*novemdialia*) и пр. ,
 возводящъ насъ къ религіямъ Пеласгійскимъ ,
 споль сходнымъ съ древне-Ипалійскими. Если
 ближе сличимъ происхождение и знаменованіе
 нѣкопорыхъ боговъ Римскихъ : то они, мо-

(79) E. v. Arndt über den Urspr. u. die Verwandtschaft
 der europ. Spr. Jrf. 1827. 8. — H. Meidinger die
 deutschen Volksstämme. Jrf. am W. 1833. 8.

жестъ спашься, найдутся нечужими Славянскимъ. Скандинавская Freya, вѣроятно, родственница съ Римскою Frulis-Seja, или Seiana, и Славянскою Сьваною, происходящею еще сплнн, какъ Vertampus богъ садовъ и плодовъ опъ верта, сада (80). Древнн Рускн слова дивъ и дива близки съ Латинскими divus, diva, или съ упоминаемыми въ Салійскихъ пѣсняхъ Deivos sauos и Deiva saua, божество солнца и луны, сходныхъ съ нашими Ладо и Ладюю. см. стр. 14. Неопредѣленность пола божества ясно выражается въ самыхъ молитвахъ Квириповъ: sive deus, sive dea (81). Благочестнн къ аеролишамъ и камнямъ одинакое почпи было у Славянъ Русскихъ съ Римлянами и Греками, копорые имѣли у себя ombria, lapides sacri, baetyli, κεραυνιας и Jupiter lapis, копорымъ они клялись.

У Латинъ хожденн вокругъ полей предъ посьвомъ и послѣ посьва Ambarvalia, Sementinae похожи на подобные Рускн обряды, кои и донынѣ сущесвующъ между простымъ народомъ. Упомянутые въ Сноглавѣ гудцы и прегудницы, игравшн со скоморохами на моги-

(80) Edda Saemundina, t. III. L. M. — Die Etrusser, IV B. von H. O. Müller. Breslau, 1828. 8.

(81) Religions de l'antiquité par F. Creuzer, trad. par D. J. Guignant. t. II, 1 p. à Paris, 1829. 8.

лахъ покойниковъ, близки съ Латинскими *titicines* и *fidicines*, а *плакуши* съ *praeficae*. Подобно древнимъ Римлянамъ, народцы, населявшие Русь, сожигали своихъ умершихъ для того, чтобы пыльные оспашки охранить отъ поруганія и душу очистишь отъ скверны пьюши. У Рускихъ и доньяъ, по Успаву церковному, бросаютъ землю на мертваго, какъ бывало у жипелей Лаційскихъ (82), по совершеніи же похоронныхъ обрядовъ, даютъ обѣдъ въ память усопшихъ — Латинскій *silicernium*, *charistia*. Какъ у Римлянъ дѣлались возліянія (*libationes, manibus parentabatur*) на жершвенникъ, сооруженный предъ гробницею (83), такъ досель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи, напр. въ Галичѣ, въ родительскія, прешины, девяпины и сорочины льютъ панихиду (канунъ) на могилы покойниковъ. Изъ Луціана и Ювенала видимъ, что Греки и Римляне клали на гробницы яицы, какъ очистишельныя жершвы: что доньяъ наблюдаенся въ Радуницу между проспымъ народомъ въ Россіи. Упоминаемая въ Кормчей *Каманды Январскія*, неизвѣспныя Елли-

(82) *Ciceronis de legibus*, (ed. Goerenz, Lipsiae, 1809.

8.) с. 22: *in os injecta gleba est*. См. о двусмыслии слова *os* кость и лице, Гёренцовъ экскурсъ: *de gleba post crematum corpus, ad complendam sepulturam, in os mortui injecta*.

(83) *J. Sauberti de sacrificiis veterum*. Lugd. Bat. 1709. 12.

намъ, во многомъ сходны съ играми святочныхъ, такъ какъ и старинныя слова *скураты* и *ларвы*, или личины, хари, встрѣчающіяся въ опеческихъ книгахъ, въ свойствѣ съ Лаптинскими *scugga* и *lagva*; даже въ Номоканонѣ Аѳонской горы, напеч. въ Кіевѣ 1624 г. говорится, что „нынѣ въ одежду женскую мужіе облачашся, и жены въ мужескую, или наличники, якоже въ спражахъ *Латинскихъ* (Христіанъ Запад. Церкви) злѣобыкоша, пворяшъ.“ Впрочемъ можетъ быть и по, какъ замѣчаетъ Р. Тимковскій, что «наряды въ маски и разныя спранныя одѣянія, какія и теперь бывающъ во время Масляницы, заранѣе перешли къ предкамъ нашимъ отъ Скандинавовъ и Грековъ (84).“ Римляне во время *Палиій*, праздника основанія Рима, какъ у насъ въ Купалу, *палиц* сухое дерево и хворощъ, и черезъ епоощъ огонь проекрапно перескакивали. Канне въ Мифологіи своей вмѣстѣ съ издапелями *Edda Saemundina* находимъ очевидное сходство Лаптинской *Палесы Pales* съ Азіатскимъ *Bal, Baal*, Скандинавскимъ *Bål* огонь, пламя, и Рускимъ *палити* жечь и *палило*. *Палиемъ* въ Малороссіи прозывается Св. Панпелеймонъ попому, что онъ *палитъ* копны сѣна и скирды хлѣба у пѣхъ, кпо работаешъ въ его праздникъ. ср. стр. 61.

(84) Рускія достопамятности, ч. I, М. 1815. 8.

Въ Маѣ мѣсяцъ совершался въ Римѣ при Оспін праздникъ (Maïus), во время коего мущины обливали другъ друга водою (85), какъ бывало на Руси во время всей Свѣтлой седмицы, см. выше спр. 40. Въ Римѣ, въ идахъ Мая, поржественно кидали съ священнаго моста въ Тибръ ХХХ просинниковыхъ болвановъ (simulacra scirrea): Нѣмецкіе Славяне и жипели нѣкопорохъ обласпей Россіи доселѣ бросають въ рѣки съ различными обрядами соломенныхъ чучелы весной и лѣпомъ. Какъ у Римлянъ, такъ и у Рускихъ, Маѣ мѣсяцъ почитался неблагопріятнымъ для супружескихъ; у первыхъ была пословица: Mense Maio nubunt malè, сходная съ примѣною послѣднихъ: *Кто въ Маѣ женится, тотъ будетъ маяться* и съ Французскою: Noces de Mai, nocces mortelles (86). Въ свадебныхъ обрядахъ Римлянъ и Рускихъ находится много сходнаго: самое слово *свадьба*, спар. *сватба*, одного корня съ Лапинскимъ *suada*, ш. е. привлекательная, прозваніе Венеры, такъ равно и свадебный *коровай* съ Лапинскимъ древнимъ обрядомъ бракосочетанія *сопфарreatio*, при коемъ, по свидѣтельству Т.

(85) J. Sauberti de sacrificiis veterum. Lugd. Bat. 1709, 12. — Вѣстникъ Европы, 1811, No 20.

(86) Ovidii Fast. V. v. 489, 90. Hac quoque de causa, si te proverbia tangunt, Mense malas Maio nubere vulgus ait.

Варрона, въ древности у Римлянъ на порогъ ставились огонь и вода — первый знаменовалъ мужа, а вторая — жену: ибо огонь оплодотворяетъ, а вода производитъ.

Кто не узнаетъ въ приводимомъ церковными книгами *вороноградъ*, *птицезолхвованіи* и въ сохранившихся доселѣ между проспымъ народомъ гаданіяхъ по клеванію, пѣнію и полету пшницъ Египтско - Римскія *auguria* и *auspicia*? Сколько было примѣтъ у нихъ сходныхъ съ нашими! Чиханіе (*sternutatio*), при коемъ они говорили, также какъ и мы, *здравстуй* (*salve*) (87), *звонъ въ ушахъ* (*tinnitus aurium*) (88), *чесотка зубовъ* (*pruritus dentium*) (89), *посыпаніе соли* на сполѣ и ш. д.

У Римлянъ, върившихъ также *призору очей* или *изурочиванію*, было и божество *Fascinus*, предохранявшее отъ ешаго и младенцевъ (*custos infantium*); они оговари-

(87) *Ovidii* ep. ad H. L. v. 151. Sternuit, et vobis prospera signa dedit. Въ хараш. спискахъ Нестора о современныхъ ему суевѣріяхъ находятся слѣд: „На-
„рицающеса хрестьяне, а погански живуще — дру-
„зи же и зачиханью върующъ, еже бывающъ на
„здравіе главъ.“ *Карамз. И. Г. Р. ш. II, прим. 113.*

(88) *Plinii* H. N. 28, 2, 5. Absentes tinnitu aurium praesentire sermones.

(89) *Plauti Amph. I. 1, 139.* Perii! dentes pruriant.
Theocr. Id. III, v. 37.

вались и оплевывались, когда кто хвалилъ ихъ дородство или красоту, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ Петронія sat. p. 805: Hoc peracto carmine, tæ exuere jussit. У нихъ были, также какъ у насъ, черные или злые дни (dies atrî), въ кои они ничего не начинали. Мъспами жертвоприношеній и совершенія другихъ св. обрядовъ, подобно Славянамъ и Нѣмцамъ, были у Римлянъ священныя дубравы (luci) и источники (fontes); ибо, по словамъ Липсія, древнее существовало повѣрье, что „источники и рѣки почитались меньшими богами и геніями.“ Епю сходно съ словами, включенными въ Слав. рукопись XI в., о коей выше приведено: „Овъ рѣку „богиню нарицаешъ и звѣрь живуць въ ней люо „бога нарицаа, гребу шворитъ.“ Римляне также приносили богамъ своимъ цвѣтныя, ладанъ (90), свѣчи (91), медъ, кромѣ обыкновенныхъ жертвъ живошными, дѣлали изъ металловъ по обычаю притѣски изображеній больныхъ частей шѣла (e voto), очищали луспральною водою людей, оскверненныхъ пресупленіями, поля, дома и города (lustratio ordinaria et extraordinaria) (92). „Весну, по свидѣпельспву I,

(90) Thurea dona. *Virgil. Aen. VI, v, 223.*

(91) *Senecae ep. 95.*

(92) *Virgil. Aen. VI, v. 229. Plutarch. Quaest. IV. Cic.*

Лавренція Лудійскаго, называли они *зеленою*, присвоивая сей цвѣтъ землѣ, а льно *краснымъ*, посвящая красный цвѣтъ огню и Марсу (93).“ Праздники у Римлянъ продолжались, по большей части, три дни, такъ какъ у Рускихъ (94).

Западные писатели о Славянской Мифологii, по цѣлѣному обычаю Грековъ и Римлянъ, часто сравнивали Славянскія божества съ Римскими, сославили новыя, небывалыя (95).

Выше замѣтили мы о сходствѣ Славянской Мифологii во многихъ чертахъ съ Скандинавскою, нашли въ ней *Перуна*, *Волоса* своего, и другіе мнены; шже сходство найдется и во многихъ обрядахъ и праздникахъ народныхъ. Скандинавы, или Варяги, раздѣляли также годъ на два равноденствія, кои знаменовались праздниками — зимнее Юльскимъ (*Juhl, Joel*), который отправлялся въ Норвегii болѣе въ честь Тора, а въ Данii посвящался Одину для испрошенія благословенной яшвы и скората возвращенія солнца: оный соопвѣществуешь нашимъ Святкамъ, кои у Дапчанъ

(93) J. Laurentii Lydi de mensibus. Lipsiae, 1794. 8.

(94) Ferias indicere in triduum. Liv. III, 5. Cic. de legg. II, 2.

(95) Моск. Вѣстникъ, 1828, No 2.

называющагося Juul; онъ прежде сопровождался переряживаніемъ (96) людей въ козловъ, лошадей и быковъ. Извѣстный въ святочныхъ нашихъ играхъ суженой ряженой почти одинакую роль играетъ съ Скандинавскимъ Julevetten, кошорый внезапно является въ дома. При Византійскомъ дворѣ Варанги (Варяги) и Готы, сославлявшіе Царскую дружину, по свидѣтельству Константина порфир. и Котина (97), объ Рождествѣ Хрисповъ являлись въ личинахъ и шубахъ, вывороченныхъ на изнанку, вершались, ударяли жезлами въ щипы и пѣли пѣсни подь музыку. Сии святочные игры слыли въ Царьградѣ готическими и продолжались до самаго разрушенія Византійской Имперіи (98). Въ лѣтнее равноденствіе (Midsommersnat, или Sankt Hans Aften) у Дашчанъ, вездѣ на сѣверѣ зажигались костры, нѣкогда посвящавшіеся Балдеру и называемые въ Россіи купальскимъ огнемъ; память, подобно какъ у насъ, въ епохѣ день купающагося для здоровья и собираемая шравы (Sank

(96) Мейнихенъ въ своей *Съверной Мивологіи*, изд. на Дашскомъ языкѣ въ Коппенгагенѣ, говоритъ, что Juul происходитъ отъ слова Hjul колесо; ибо годъ тогда поворачивается колесомъ.

(97) *Constantini porph. de cerem. aulae Byzantinae. Lipsiae. 1754 f.*

(98) *Edda Saemundina, t. Ц. L. M.*

Нанс Урт) почищаются цѣлишительными огнемъ порчей и недуговъ.

День Торовъ или Туровъ, четвергъ, слы-
вущій у Далчанъ въ проспонародіи зеленымъ
и легкимъ для дѣтъ, изъ языческаго праздни-
ка 692 г. по Р. Х. превращенъ въ Хрістіан-
ское торжество Римско-каполоической Цер-
кви подъ именемъ *dies viridium*, на осно-
ваніи псалма XXIII, 2., въ коемъ слово *viridis*
выражено на Слав. *злачный*. Издревле въ Ислан-
діи, при началѣ весны, праздновали въ чет-
вергъ Тору и донинѣ празднуютъ, такъ
какъ въ Россіи *Семичкій четвергъ*. Тогда, по
мнѣнію Скандинавовъ, Торъ, побѣдивъ Ти-
асса, змѣяго гиганта, воспринималъ полное
владычество въ природѣ. Исландскому назва-
нію соотвѣтствуютъ Нѣмецкое: *der grüne, der*
hohe Donnerstag, Англійское *holy Thursday*,
т. е. священный Туровъ день, и Шведское *Helig*
Thorsdag (99), въ который проспонародины
въ Германіи имѣли обыкновеніе ѣсть зе-
лень. Вѣроятно, что къ міру Славяно-
Рускаго Язычества относится народная

(99) Въ Edda Saemundina. t. III: Specimen Calendarii
Borealium cum superiore ac recentissimo nostratium an-
nui spatii computo, variis cognatarum gentium festis
vel ceremoniis collatum.

поговорка о чемъ либо несбыточномъ: *По-
слъ дождичка въ четвергъ*. Майскій праздни-
къ, по-Тевтонски *Meue-tag*, былъ радосп-
нѣйшимъ у Шведовъ, Данчанъ, Германцевъ,
Англовъ: онъ отправлялся и въ Герма-
ніи и Даніи, въ извѣстное время года, съ
пѣснями и хороводами вокругъ Майскаго де-
рева. Какъ у насъ въ Семикъ, такъ у нихъ
въ эпоху Майскій праздникъ поселяне уве-
личиваютъ себя цвѣтами и носятъ въ рукахъ
зеленяя древесныя вѣтви. Майскій праздникъ
при Олаѣ великомъ поржескивенно совер-
шался въ Швеціи самимъ Королемъ и его дво-
ромъ, копорый вмѣшивался въ веселыя по-
пы народа. То же бывало и въ Даніи. Какъ
Персіане въ новый свой годъ, при возвраще-
ніи весны, имѣютъ обыкновеніе дарить друзей
своихъ раскрашенными лицами, такъ Скандина-
вы и Рускіе въ продолженіи Пасхи хрѣспосую-
тся и мѣняются красными лицами. *Первое*
Апрѣля обманываютъ другъ друга не толь-
ко на Руси, но и въ Даніи, Швеціи и Норвегіи,
гдѣ также празднуется 23 Апрѣля *Егорьевъ*
день (*Iörgen* на Датск., *Gögan* на Швед.),
когда въ Исландіи и Финляндіи порже-
спвуется насмупленіе весны, или лѣт-
ней поры, съ различными языческими обра-
ми. Св. Георгію суевѣріе жителей Скандинав-

скихъ придавало почти такія же качества и дѣла, какія Тору или Одину. Крещенные Варяги прежде вѣровали въ Славяно-Русскаго Перуна и въ Тора. Между именами Руссовъ, заключившихъ договоръ, находилсѣ Туръбидъ и Туръбернъ, которые повидимому соопвѣсшуютъ Скандинавскимъ Thorfrid, Thorfid и Thorberg (100). Въ Коспромской губерніи доселѣ поютъ пѣсню въ честь Тура :

Ой Туръ молодець удалой!
 Туръ изъ города большаго,
 Вызывалъ красну дѣвицу
 Съ нимъ на правѣ побороться,
 Ой Дидъ Ладо, побороться и пр.

Когда, по низверженіи въ Скандинавіи кумировъ Тура, одержавшаго, по народному преданію, побѣду надъ дракономъ, поставленъ былъ ликъ С. Михаила Архангела, низринувшаго сашану: суевѣріе народа спало смѣшивавшъ лица и дѣйствія того и другаго; день Архангела (Mihiltag) празднуется, особенно въ Даніи, веселыми пиршесствами, кои называются *осенними*, *жатвенными* (Höst-Gilde), а въ Борнголтѣ *Михайловскими*; изображеніе его оспалось въ древнихъ храмахъ Скандинавіи.

(100) Карамъ. И. Г. Р. I.—Также Турвуди, Турдовъ. см. Ляцонисъ Несшорова по Лавренцъ, сн. М. 1824. 4.

Въ міръ Скандинавскомъ пакъ же, какъ и въ Славянскомъ, еспь обрядъ *изгнанія зимы и встрѣча лѣта*; въ Васильевъ вечеръ на Ноуѣй годъ памь дѣлаюцца гаданія о будущемъ, замѣчаюцца разныя примѣпы. У Исландцевъ пюгда просполюдины полшами ходяпть ночью по улицамъ съ пѣснями и крикомъ, бьютъ горшки у дверей домовъ; пакже наряжаюцца муцины женщинами, а женщины муцинами, надѣваютъ на себя разныя личимы, и п. д.

При ближайшемъ сравненіи проспонародныхъ Мѣсяцослововъ Скандинавскихъ, вѣроятно, откроецца еще бѣльшее сходство древняго ихъ богоученія и богослуженія съ Славяно-Рускимъ. Чшо жъ касаеця до Германской Миеологіи, шо она занимаецъ средину между Цельпическою и Сѣверною. Древнѣйшее сосѣдство и смѣшеніе Славянскихъ племенъ съ Нѣмцами, копорыхъ они называли и *Фрягами*, разумѣя вообще подъ симъ именемъ западныхъ Европейцевъ (101), особливо въ сѣверной и воспочной Германіи, сильно подѣйсствовало на языкъ пѣхъ и другихъ, въ коемъ находипся множесство сходныхъ словъ, выражающихъ потребноспи жипшейскія; памь число Славянскія названія

(101) Въ Пошребникѣ, изд. въ Москвѣ 1639 г. въ л. сказано: о Франзѣхъ: „Логтоварди и Фрязи, шже и Германи нарицаюцца.“

многихъ городовъ, оленій, горъ, долинъ, рѣкъ, лѣсовъ поширились и въ сѣверо-восточной, части Россіи, куда могла переселиться Балтійская Русь съ береговъ Ельбы, Одера, Вислы. Изъ сего можно заключить, что они заимствовали одни отъ другихъ слова, заимствовали и многія повѣрья, обычаи и праздники, какъ выраженіе ихъ мѣстности, быта и духа; Русь заморская перенесла въ міръ Славянскій нѣкоторые преданія, поговорки и пословицы, кои у насъ обрусѣли. Какъ богоученіе, такъ и богослуженіе западныхъ Славянъ, жившихъ среди Нѣмцевъ, во многомъ было различно отъ сѣверо-восточныхъ. Когда первые отъ единобожія перешли къ многобожію; то у нихъ расплодились божества, неизвѣстные послѣднимъ и общія съ Нѣмцами и даже сходныя съ Римскими, копорые оставили намъ слѣды свои колоніями и станами. Хотя Славяне, подобно Германцамъ, предпочтительно поклонялись своимъ божествамъ на горахъ и въ священныхъ дубравахъ (*Heiden*), отъ коихъ и получили свое названіе язычники, такъ какъ *поганые* (*pagani*) отъ *pagi* селы, гдѣ они укрывались; однако имѣли храмы, куда спекались въ праздники на богослуженіе съ женами и дѣтьми. Столицею Славянскаго Язычества и торговли были *Рюгенъ*, приютивъ *Руси*, смѣшавшейся съ

Славянскими племенами (102), кои иногда выдавались за Англо-Саксовъ. Нѣкопорья божества у ней были общія съ Поруссами, или Пруссами, напр. Перунъ, копорый у нихъ назывался *Perkun* и обожаемъ былъ вмѣстѣ съ Попримпомъ юношею и Пиколомъ спарцемъ; символомъ перваго былъ огонь, другаго—змѣя, прешяго—мершваля голюва человѣческая. *Sema*, или *Semina*, была богиня земли. Венды Люнебургскіе, долго спуспя по дряняши Хрістіанства, приносили у священнаго дерева въ жершву пѣшуха, копорый у Скандинавовъ былъ символомъ огня, чюдъ дало поводъ къ Датской поговоркѣ о пожарѣ: *der röde Nane galer over Taget*, п. е. „красный пѣшухъ поешъ на кровль.“ Въ Германіи говорящъ просполюдины: *den rotzen Saft aufstecken*, вмѣсто: зажечь. Въ Самаріи пѣшухъ былъ символомъ бога огня (103). Какъ въ Германіи на Брокенѣ горѣ въ Валпургіеву ночь собирались колдуньи, шакъ и въ Киевѣ слешались на Ивановъ день вѣдьмы на Лысую гору: къ шакому суевѣрному мнѣнію вѣроятню дали поводъ древнія сходбища язычниковъ, ихъ

(102) Опытъ Исторія Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, соч. Профессора *А. Рейца*, изд. Профессора *Ф. Морошкина*, М. 1836. 8.

(103) *Edda Saemundina*, t. III. L. M.

жертвоприношенія и совершеніе языческихъ обрядовъ на сѣхъ мѣсахъ (104).

Нѣмцы и Славяне, бывшіе въ близкихъ между собою отношеніяхъ по своей мѣспности и полишическому вліянію, представляюще разительное сходство во многихъ повѣрьяхъ, обрядахъ, обычаяхъ и словахъ, такъ чпо прудно рѣшишь, кпо опъ кого прежде заимствовался; но вѣролпше — съ чѣмъ соглашающеся Клуверій и другіе — первые опъ во слѣднихъ (105). Подобно Нѣмцамъ, Славяне поклонялись на *горахъ* и въ *заповѣдныхъ рощахъ* и *дремучихъ лѣсахъ*, гдѣ хоронились усопшіе, благоговѣли предъ водою и огнемъ, спарыми деревьями, особливо дубами и липами, подъ коими у нихъ чинился судъ и расправа (106). Большіе камни (*Obtzensteine, Altartische*) въ нижней Германіи, Скандинавіи и Целтическихъ спранахъ были мѣспами жертвоприношеній и судопроизводства. Вендскій богъ *вода* (*Wodha*), коего особенно чтили въ Репрѣ, принимающеся за одно съ Нѣмецкимъ *Воданомъ* или *Одиномъ*, такъ какъ *Водяникъ* или *дѣдушка водяной* съ *Wassermann*,

(104) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von L. K. a. n. 2 Th. Znaim. 1827. 8.

(105) *Cluver. Germ. ant.* I. 1.

(106) *Deutsche Rechtsalterthümer*, von J. Grimm. Obtingen, 1828. 8.

Русалки съ Nixen, Undinen, и съ Нѣм. провинціальнымъ словомъ Rüschechen, родъ духовъ женскаго пола, а домовые съ Hausmänner, Gütgen, и ш. д. Разныя племена Германскія имѣли различныхъ боговъ покровителей (Schutzgötter), даже всякое семейство — своего бота въ испочникъ, дерево и оружія, коимъ они клялись. Другія божества, особливо у западныхъ Славянъ сходствуютъ съ древними Нѣмецкими и съ Англо - Сакскими; позже почти можно сказать и о праздникахъ.

Какъ у Славянъ, народа земледѣльческаго, и годъ назывался *лѣтомъ*: шо у Германскихъ племенъ, заимствовавшихъ земледѣіе отъ первыхъ, годы считались жапва ми; на древнемъ Готическомъ языкѣ уеаг, ааг, Исландск. и Дашек. ааг (выгов: оръ) и аг, годъ, весна, лѣшо, жапва, попомъ Јааг, Јаһг значило собственно жапву; ибо на Вендскомъ языкѣ *лѣто* именуется *яръ*, а лѣшній плодъ *ярина*, *ярица*: отсюда и наше *яровое*. У Нѣмцевъ *Mittelwinter* середина зимы и *Mittelsommer* середина лѣта соотвѣтствовали Юлійскому празднику и Иванову дню.

Въ 742 году запрещалось законами первымъ Хрістіанамъ Германіи праздновать *первое Января* переодѣваніемъ муцинъ въ женскія плащя, а женщинъ въ мужскія, и маскиро-

наніемъ пѣхъ и другихъ: тогда совершался въ Европѣ извѣстный праздникъ дураковъ (*das Narrenfest, festival of fools, la fête des foux*) до XVI вѣка. Довынѣ даже о Святкахъ (*Welschnachten*) въ Германіи дѣвицы льютъ олово и свинець въ воду, когда желаютъ узнать, какого ремесла будетъ у нихъ мужъ; въ полночь спускался въ курятникъ, съ особенными прибаушками; ежели въ это время запоетъ пѣнухъ: то онъ вѣряетъ, что скоро будетъ за мужемъ и п. п. (107). Многія другія суевѣрія совершались въ 12 дней сего праздника. Какъ Богоявленіе нѣкогда было праздникомъ середины зимы у Готтеновъ, Германцевъ, Дапчанъ и другихъ; опъ сего и различныя названія епому дню, напр: *das grosse neue Jahr, das Bohnenfest*, ш. е. великій новый годъ, бобовый праздникъ. Сіе названіе опносятся къ обычаю подавать въ епомъ день большое блюдо съ однимъ бобомъ; кому бобъ достанется, попомъ и называется *Царь - бобъ* (*Bohnenkönig, Roi de la fève*), который вѣроятно перешелъ къ намъ подъ именемъ *Царя-гороха* (108). Въ епомъ день Дапскія поселанки призываютъ прехъ Царей, (*heilige drei Könige*), которымъ и въ Коспромской Губ.

(107) Въспникъ Европы, 1823, No 1, стр. 75.

(108) *Edda Saemundina*, t. III. Lex. Myth.

ещь славленье; а въ Пруссіи въ Гумбинненскомъ округѣ, опть Р. X. до праздника шрехъ Царей, всякой вечеръ проводящъ въ забавахъ, переходя изъ дому въ домъ, на свѣшное Воскресенье обливающъ водою мущины женщинъ, а женщины мущинъ, шакъ какъ и въ Польшѣ и Россіи. О сходномъ обрядѣ изгнанія зимы (*Wid des Winters*) у Германскихъ Славянъ выше упомянуто нами. Дни С. Георгія весенняго, Хрістіанскаго выпязя, и Св. Михаила Архангела (*Jürgens*, или *Georgienstag*, *Michelstag*) служили сроками работъ и наймовъ, праздновались съ разными языческими обрядами въ Даніи, Швеціи и Германіи, особенно первою встрѣчею весны, или льшняго періода (109).

Первое Апрелья обманывать — было древнимъ обычаемъ сѣверныхъ народовъ; у Нѣмцевъ ешо называлось: *in den April schicken*, а у Французовъ *donner un poisson d'Avril*, проведши кого; опть сего и произошла пословица: *Es ist der erste April, da man einen jeden Narren hinschift, wohin man will*, ш. е. Первое Апрелья всякаго дурака проводящъ, какъ хотпящъ (110). *Первое Мая* (*Maietag*), по Тев-

(109) D. J. J. Eisenhart's Grundsätze der deutsch. Rechte in Sprichwörtern. 3 Aufl. Leipzig. 1823. 8.

(110) Энциклопедич. Лексиконъ, ш. II.

пюнкски Меуе или Meuge-Tag, сопровождался и въ Германіи и въ Даніи веселыми пѣснями вокругъ Майскаго дерева, березки (Maipole, Maieen), которое замѣнялось Семицкою березкой въ Россіи: мы выше замѣтили о сходбищѣ вѣдьмъ на Брокенѣ (Bructerus) подь первое Мая, какъ на Лысой горѣ (Щекавицѣ) у Кіева на Ивановъ день. Въ Германіи, въ Тюрингенѣ, предъ Троицынымъ днемъ бываешь сходный съ Рускимъ Семикомъ праздникъ вѣнковъ (das Kränzelfest) (111); нашъ Ивановъ день, или Купало, въ сущесствѣ своемъ одинаковъ съ Нѣмецкимъ Johannistag, или der Mittelsommer, когда зажигается Ивановъ огонь (Johannisfeuer). У Пруссовъ было божество весны и веселья — Луго, близкій съ нашимъ Ладомъ. Въ честь его зажигался подь липою огонь на Ивановъ день и шамъ плясали во всю ночь съ пѣснями, кои оканчивались припѣвомъ: Луго! Луго! (112).

О Троицынѣ днѣ, называемомъ цвѣпною Пасхою, и въ Германіи во многихъ провинціяхъ донынѣ упопреляются Pfingst-Maien и Pfingst- или Maien-Tänze, ш. е. Троицкія

(111) Mythologie der alten Deutschen u. Slawen, von H. Franke. Znaim. 2 T. 1827. 8.

(112) Prutena, od. preussische Volkslieder, von L. Rhesa. Königs. 1809. 12.

деревья и пляски; церкви и колокольни украшаюся березками (*Maien, betulae*). Епопъ обычай, споль близкій съ обрядами Іудейскаго праздника кущей, многіе писашели выводящъ изъ Римскаго Язычеспва, почиая оный оспашкомъ игръ въ чеспъ богини *Май*, мапери проводника душъ, Меркурія, (*Майума*). Въ Англіи бываюпъ въ Гренвичскомъ паркѣ *Троицкія игры* (*Whitsunday and holy day's stories*) (113).

Извѣстное въ Россіи *бабье лѣто* соопвѣспвуешъ Нѣмецкому *alter Weiber Sommer*, ш. е. старое женское лѣто, или *Marienfäden*, нипи паушинъ, бывающія въ Сенпярбъ (114). Въ началъ Ноябрь, когда горными Шотландцами возжигаютъ коспры въ память усопшихъ, называемые у нихъ *огнемъ мира и покоя*; тогда Нѣмцы пекупъ родъ хлѣба или блиновъ *die Seelenwecke*, или *Zucker-Seele*, сахарная душа: епопъ день (2 Ноябрь) у Датчанъ извѣстенъ подъ именемъ *Sialudagr*, день всѣхъ душъ, соопвѣспвующій нашей осенней родипельской. У древнихъ Германцевъ, по свидѣпельспву Та-

(113) Die Feste der alten Christen, von D. J. C. Augusti. Leipzig. II B. 1818. 8.

(114) Die Gründung Prag's, ein histor. romant. Drama, von E. Brentano. Pest. 1815. 8. — Edda Saemundina t. III.

Нѣмцевъ Probe, Prose, или даже наоборотъ. Вагры почитали Прове богомъ права, правосудія, одинакаго съ Перуномъ (122). У древнихъ Скандинавовъ шоржесшвенное принятіе кляшвы выражалось словомъ така, сходнымъ съ нашимъ такъ; очиспишельная присяга, или кляшва называлась Låde, на спаромъ Нѣм. Leita: опсюда и глаг. *такать* и *ладить* въ значеніи присягать и клясться, на пр. въ посл.: *Новгородцы таками, да Новгородъ и протакали.*

Между повѣрьями есць довольно одинаковыхъ у Нѣмцевъ и Славяноруссовъ, напр: *сглазить*, или *изурочить*, *beschreien*, *einen bösen Blick haben*; у первыхъ есць *Springwurzel*, шакъ какъ у другихъ *разрываетъ-трава*, или *спрыгъ-трава*, копорая оппираешъ всѣ замкѣ и опкрываешъ сокровища. Вѣра въ волшебницъ и колдуней (*Hexen, Wettermacherinnen*) сходна у Рускихъ Славянъ съ Нѣмцами (123), равно какъ и другія суевѣрія, кои у послѣднихъ не могла совершенно испребишь и самая Реформація. Опъ Миеологіи древне-Нѣмецкой, споль сходной во многихъ черпахъ съ Славянскою, перейдемъ къ Финнской и Липовской.

(122) D. J. F. Eisenhart's Grundsätze der deutschen Rechte in Sprüchwörtern. Leipzig. 1823. 8.

(123) Mythologie der alten Teutschen u. Slaven, von A. Klaproth. Znam. 2 Th. 1827. 8.

Въ началѣ Исторіи нашей Финны и Чудь сущь развалины какихъ-то огромныхъ народовъ, претворившихся въ массу другихъ племенъ—Варяговъ и Славянъ: оспашки Финскихъ поколѣній находяпся въ разныхъ Россійскихъ Губерніяхъ, особливо сѣверныхъ и воспочныхъ, подъ разными названіями. Посему и самыхъ Россіянъ можно раздѣлять на Россіянъ Славенскаго и Финнскаго происхожденія, хопя при пакомъ превращеніи не возможно, чпобы у нихъ не сохранились коренныя и кровныя ихъ качесшва въ позднѣйшихъ ихъ поколѣніяхъ (124),

Сѣверные Славяне, поселясь между Финнскими племенами и по сосѣдспву съ оными, и превышая ихъ своєю образованноспью, болѣе сообщили имъ своихъ поняпій и обычаевъ, чѣмъ сами опъ нихъ заимспвовали. Последніе долѣ оспавались въ Язычеспвѣ, чѣмъ первые: у нихъ глубже укоренились древнія суевѣрія, нежели у Рускихъ Славянъ. Въ именахъ миеологическихъ между Рускимъ и Финнскимъ почпи нѣспъ сходспва, кромѣ весьма малаго, напр: *Перунъ* въ *Pigu*, родисп, *Pigun* (125). У Финновъ пакже празднуется *Ивановъ* день, въ копорый ночью зажи-

(124) Несторъ Шлецеровъ, III, стр. 116.

(125) Ueber die Finnische Sprache u. ihre Literatur, von Dr. A. J. Sjögren, S. Petersb. 1821. 8.

гается косперъ хворосу и сучьевъ, извѣстный подъ именемъ Кокко (126), а въ Новгородской Губерніи, гдѣ естъ и селеніе *Кокуй*, называется епопъ огонь *кокуемъ*, опъ коего вѣроятно получила свое наименованіе *Кукуевой* Нѣмецкая слобода въ Москвѣ (127). Въ XVI вѣкѣ Чудь и Рускіе на Ивановъ день, 24 Іюня, собирали sprawy въ пустыняхъ и дубравахъ съ суевѣрными обрядами, а ночью веселились, били въ бубны, играли на сопляхъ и гудкахъ; молодицы и дѣвицы плясали, обнимались съ юношами, забывая спыдъ и цѣломудріе (128).

Абевега и Георги свидѣтельствуютъ, что Ижорцы, племя Финнское, на Ивановъ день подъ дубомъ закаляютъ бѣлаго пѣпуха, который у Скандинавовъ былъ символомъ огня. *Жолдовство, волшебство, коби и кудесы*, или *чудеса* господствовали между Финнскими племенами и Чудинами, даже самые Новгородцы нерѣдко ходили къ Чудскимъ *кудесникамъ*, для гаданій. Сами Скандинавы почитали Фин-

(126) *Lexicon linguae Fennicae*, auct. G. Renvall. Абоае, 1823. 4.

(127) *Карамз. И. Г. Р. XI*, пр. 68. Въ Уставѣ В. К. Святослава Ольговича упоминается въ Обонежскомъ ряду *Кукуева гора*. см. Руск. Достопамястии, ч. I. М. 1815. 8.

(128) тамъ же, т. VII, 193.

новъ величайшими колдунами и чародѣями, а землю ихъ — спраною чудесъ и превращеній. Въ средніе вѣки имя *Финнъ* поже значило, что колдунъ: даже и до сихъ поръ въ Финляндіи естъ колдуны (*Tietuät, Noijat*) (129). Какъ у Балшійскихъ Славянъ главный храмъ находился въ Ресрѣ, такъ у Финновъ въ Біарміи и посвященъ былъ Юмалъ: въ Репрійскомъ Пантеонѣ находились вмѣстѣ съ Славянскими и Тевпонскими Финнскія божества.

Достошно замѣчанія и изслѣдованія то, что суевѣрныя понятія почти одинаковы у всѣхъ жителей глубокаго Сѣвера: Финнскіе колдуны, Ташарскіе шаманы, Гренландскіе ангекоксы сходны въ своихъ дѣйствіяхъ. У Шведовъ и Рускихъ Финны заимствовали многія повѣрья, обычаи и обряды. Они думаютъ, что въ лѣсахъ живеть пара страшныхъ лѣщихъ — одинъ мужскаго пола *Liekköner*, являющійся иногда въ видѣ пшцы, собаки, челоука; другой женскаго, *Ajattara*, сбивающій съ дороги прохожихъ и проѣзжихъ. У Шведовъ домовою, извѣстною подъ именемъ *Мага*, у Финновъ называется *райнајаипен*, т. е. гнешущій, давящій — ходитъ въ

(129) Вѣстникъ Европы, 1828, No 13, статья И. Лагуса, Москов. Наблюдатель, 1836, Июль: Мысли о суевѣрности Славянъ въ Европѣ.

видѣ бѣлой кошки или бѣлой женщины, освѣщающей собою всю комнапу; какъ *постынь*, наваливаясь на спящаго и давишь грудь его шакъ, что онъ не можеть поворопиться. Въ Карелии, недалеко отъ Выборга есть гора каменная, слывающая у Финновъ *Tugjän wuogi*, т. е. гора *Тура*, или *Тора*, прославляемаго въ нѣкопрыхъ Финскихъ и Рускихъ пѣсняхъ и споль извѣснаго въ Скандинавской Миеологіи. Какъ на югъ Россіи вѣдьмы слезающся на Лысую гору подъ Ивановъ день: шакъ, по мнѣнію Финновъ, въ ночь на Свѣпное Воскресенье онъ уносятъ собранную ими шерсть и хвосты на высокую гору, называемую по-Фински *Bläkulla*, или *Blocksberget* — островокъ, находящійся въ Кальмарскомъ проливѣ.

Въ праздничные дни у Финновъ совершаются разные суевѣрные обряды, частію оспашки отъ времени Каполицизма; напр: въ *Егорьевъ день* (23 Апрѣля), копорый празднуешся пѣснями, играми и попойками, въ *Екатерининъ* (25 Ноября), *встѣхъ Святыхъ*. Какъ у Велико-Россіянъ въ день Бориса и Глѣба, шакъ у Финновъ въ день с. Олова (29 Іюля), не занимающся сельскими работами, что бы не лишиться плода оныхъ. Хрістіанскіе праздники осправляющся у Финновъ съ мно-

гими увеселеніями и играми; на Свяшой они приготавливають прѣсныя лепешки изъ муки (тѣстѣ), объ Рождествѣ Хрисповѣ въ чеспѣ грома пекутъ большой хлѣбъ, выспавляемый на канунъ сего праздника и хранимый до весняго посѣва, во время коего онъ раздаешся всѣмъ домашнимъ. Рождество (Joulu) почитается величайшимъ въ году поржеспвомъ; на прѣпій день онаго (27 Декабря, память Св. Стефана) молодые мужчины, ходя со двора на дворъ, спрашиваютъ: *дома ли Стефанъ?* Опвѣстомъ служишь утощеніе пивомъ и виномъ. Въ Саволаксіи, особливо въ Карелии и сѣверной Оспробоніи, день всѣхъ Свяпыхъ (Кеккі, или Кюугу) есть большой праздникъ жашвы, совершаемый со многими суевѣрными обрядами и пѣснями. Во впорникъ на Масляницѣ во всей Финляндіи ѣдятъ блины и другія жирныя кушанья, капаются на саняхъ и лыжахъ по горамъ, а на Свяшой недѣлѣ, подобно Рускимъ, качаются на качеляхъ. Въ весенніе и лѣпніе праздники бывають хорсоды, кои прежде важивали спарухи.

Какъ Лишовская Миеологія и Еорпологія предспавляютъ намъ многія черпсы, общія съ Славяно-Рускими и древне-Прускими: шо, преж-

де чѣмъ присупимъ къ сличенію оныхъ, скажемъ о самомъ значеніи *Литвы*. Подѣ словомъ *Липвы* разумѣются два разныхъ племени, именно 1) *Липва* означаетъ Великое Княжество Липовское въ наибольшемъ его распроспраненіи. А какъ собственная *Липва*, говорящая своимъ особеннымъ языкомъ, составляла самую малую часть народонаселенія: но подѣ *Липвою* разумѣли Россіяны, или Русиновы Великаго Княжества Липовскаго; 2) *Липва* — народъ отличнаго отъ Славянъ племени, говорящій языкомъ недовѣдомаго происхожденія и извѣстный въ Виленской Г. подѣ именемъ *Жмуди*. У Польскихъ писателей *Липва* часто употребляется вмѣсто Липовской Руси и вмѣсто *Жмуди* или *Самогитин*. Въ опечеспвленныхъ лѣтописяхъ *Липва* называется *поганю*, вѣроятно, по приверженности оной къ поганскимъ, п. е. языческимъ, обычаямъ.

Липовская Мифологія подвергалась сильному вліянію Римскихъ переселенцевъ, Германцевъ и Славянъ. Между великими и малыми богами и богинями оной встрѣчаются сходные съ Римскими и Греческими (130). У

(130) *Dzieje starozytne narodu Litewskiego* p. T. *Narbutta*, t. I. *Mitologia Litewska*. Wilno, 1835. 8.

Липовцевъ Perkunas, какъ у Славянъ Перунъ, почитался богомъ грома, копорымъ они клялись; самое слово на Липовскомъ значило громовой ударъ. Когда гремишь громъ; по и доннынъ Липовцы говорятъ: *Перкунъ ѣдетъ на своей колесницѣ*. У Липовскаго города Ромове сплелъ огромный вѣчнозеленый дубъ, посвященный Перкуну, предъ коимъ шеплился неугасаемый огонь. Вмѣстѣ съ городомъ испребленъ и дубъ Гедеминомъ въ XIV в. Къ имени Перунъ придавалось у первыхъ Dewas, или Div, п. е. богъ см. выше Липовскій Gurko, извѣстный также подъ именемъ Ziemiénikas, по мнѣнiю Бандке (131), соопвѣтствовалъ Славянскому *Горовиду*; а можетъ быть, и *горкль*, преобразившейся въ уменьшительное опъ имени *Георгiя*: Гурко былъ богомъ земнымъ урожая хлѣба. Богинею, маперью святаго огня, была у Липовцевъ Praugime, сходная съ Римскою Веспою. Ладо, какъ выше замѣтили мы на стр. 18, извѣстна была у Липовцевъ, у копорыхъ, съ 25 Мая по 25 Юня, дни посвящались сему божеству, коему приносили въ жертву бѣлыхъ пѣпуховъ, въ честь его пѣвались дѣвицами на лугахъ пѣсни съ припѣвами, какіе и въ Рускихъ

(131) Исторiя Польскаго народа. С. П. 1830. 2. ч. 8.

есць пѣсняхъ: Lado, Lado, Lado, didie musu dewe, ш. е. Ладѡ! великая наша богиня. Простолюдины величали ее *золотою Ладѡю*, копорая, повидимому, поже была, что у Обдорцевъ *Золотая баба*, имѣвшая храмъ свой на Оби. Мать перуновъ и молній именовалась *Perkunatele*, раздѣлявшая съ Перуномъ владычество на землѣ и на небѣ; въ Жмуди давалось сѣ прозваніе Пресвятой Богородицы: *Ronna Marya Perkunatele*, или *Perkunija*. Въ Виленской Губ. 2 Февраля празднуется Пресв. Богородицы *Маріѣ громницѣ* (*Gromniczey Nau-swietsszey rannu Maryi*); во время богослуженія народъ спойтъ въ церкви со свѣчами, кои называютъ *gromnicy*. (132) Руская Липва въ поговоркахъ и пѣсняхъ своихъ упоминаетъ богиню *Dola* и *Pilwis*, сходную съ Римскою *Fortuna* и Славянскими *Дажба*, *Дажьбогъ*. Извѣстная въ сказаніяхъ и поговоркахъ Рускаго народа *мать земля* соотвѣтствуетъ Липовской *Zemmes mahti*, подземной богинѣ, пребывавшей въ срединѣ земли. Что у Россіянъ на югѣ Русалки, то у Липовцевъ *Dukpa*, у Жмуди *Gudelka*, а на Украинѣ *Мавки* — особенный родъ Русалокъ. Свадебный божокъ *Lub-*

(132) Записки Профессора И. Н. Лобойки.

leniczu и Lubicz, происходящій оны Рускаго гл. *любить*, еспь Липовскій Гименей. Посредники между людьми и богами, похожіе на Рускихъ *домовыхъ*, у Липовцевъ были *Siemi dewas, Koboli, posteni* — *Ajtwaros, zlydni* — *Zlydni*, кои всегда дѣлають пакосни и разореніе; гдѣ они водворяются, памь спорынью съѣдають (*oni srog zjadaja*) (133). Подобно Славянамъ Рускимъ, Липовцы благоговѣли къ *камнямъ*, кои назывались *Gamaheu, Gamaheus lapis, горамъ* (*katnar*), къ священному огню, *Зничи* (134); сходно съ Индѣйцами къ *рѣкамъ священнымъ, святымъ озерамъ*, и изъ *деревъ*, почишаемыхъ священными: *бузинъ, дубу, липѣ, соснѣ, вербѣ, вязу*, подь коими у нихъ совершались въ извѣстные дни года особые обряды языческаго происхожденія (135).

Въ Волинской лѣтописи упоминается о крещеніи Миндовга въ XIII в., чпо оно было „лещиво; жря бо богомъ своимъ впайнѣ: „пръвому Нонадѣви, Телявели и Деверикзу; „заечему богу, и Медвину; егда же выѣхаше „на поле и выѣжаше заецъ на поле въ лѣ-

(133) *Dzieje storozytne narodu Litewskiego. t. I.*

(134) *Naruszewicz Hist. nar. Pol. t. I. str. 451.*

(135) *de la poësie Lithaunienne. v. Catholique, à Paris, 1826, t. I. No 3.*

„сороцениа (рощи), не вхожаше в ну и не „смыаше ни розги уломиши; и мерпвухъ шѣ „леса жъжигаше (136).“ Принѣпа сіа о пере- бажаніи зайцемъ дороги, сущесивовавшая у древнихъ Римлянъ, общая у Липовцевъ съ Рускими. Извѣстно, что въ Липовѣ, долго по принятіи Хрістіанской вѣры, оспавались въ народѣ старыя суевѣрія, съ коими онъ не хотѣлъ расшашься, какъ бы съ наследствен- ной святыней и часно углублялся въ дрему- чіе лѣса совершашь оныя.

Липовцы съ глубокой Древности дѣлили время на часы (валунда) денные и ночные, по 12ши въ каждой половинѣ; долгоша оныхъ въ разныя времена года намъ не извѣсна. Седмицу, или недѣлю нашу они называли *Septimū diem*, семидневіе, начиная счешь съ цянницы, копорая была днемъ покоя, какъ наше воскресенье, и почишалась праздникомъ Перкуна. Жрецы ихъ измѣряли время по шеченію свѣшилъ небесныхъ, знали зодіакъ, дѣлили годъ на мѣсяцы (*Mēnuo*) съ одного новолунія до другаго; годы ихъ были лунные

(136) *Карамз. И. Г. Р. ч. IV, прим. 102. — Абе- вега Рускихъ суевѣрій и долопоклонническихъ, соч. М. Ч. М. 1786. 8.*

и, въ сравненіи съ солнечными, имѣли болѣе 12 мѣсяцевъ. Еще считали они время девятью періодами (кругами), заимствованными отъ Скандинавовъ. Мифологическій ихъ годъ начинался съ Апрѣля, голубинаго мѣсяца, посвященнаго Мильдѣ, богинѣ любви, оканчивался же Маршомъ (Кавасъ), копорый посвященъ былъ богу войны. Имена прибавочныхъ мѣсяцевъ намъ не извѣстны. Лапыши вѣрнѣе сохранили память мѣсяцевъ по численію отъ одного новолунія до другаго, и попому ихъ мѣсяцы не совпадаютъ съ нашими календарными. Изъ празднествъ Липовскихъ, коихъ память дошла до нашихъ временъ, извѣстны слѣдующія, болѣе или менѣе сходныя съ Славяно-Рускими (137).

1. *Носомльсячя*. Каждая первая пяница по новолуніи праздновалась болѣе другихъ.

2. *Первый день* (Święto Wiosny) въ году порожественно праздновался въ честь богини Пергрубы, Липовской Флоры и весны: онъ приходился въ 1 день Апрѣля (по новому шпилю 22го), копорый донинѣ празднуютъ въ южной

(137) Dzieje starożytnie narodu Litewskiego, p. 7. Narbutta. t. I. Wilno. 1835. 8.

Липвѣ по селамъ: дѣвушки босикомъ, въ легкой одеждѣ выбѣгають за село до восхода солнца и при первыхъ его лучахъ поють, что идушь встрѣчашь весну: такъ бываешь и въ южной Россіи на Веснянкѣ (138). Прибѣжавъ къ концу села, возвращающься обратно скачущь, и съ пѣснями и рукоплесканіемъ пробѣгають по всему селенію; попомъ въ одномъ домѣ находящъ гошовую пирушку, гдѣ собравшись молодежь, долго веселился. Спрыиковскій, очевидный свидѣтель ошашковъ сего праздника языческаго, описываешь намъ, что въ епо время приносили жершвы богамъ первосшепеннымъ, особливо Пергрубъ. Нѣсколько сѣлъ, сдѣлавъ складку хлѣбомъ на пиво и кушанье, собиралися въ одинъ обширный домъ, гдѣ Вуршайшъ (жрецъ) за кружкой пива, споявшаго на споль, читалъ молишву, начинающуюся словами: „о госпоже наша бо- „гиня Пергруба, ты прогоняешь непрямную „зиму, возвращаешь любезную весну, зеленишь „рощи и лѣса! молимъ тебѣ, умножай щедро „хлѣбъ нашъ посяанный, дабы онъ росъ коло- „систо, а весь куколь выпощи.“ и ш. д. После молишвы, приносили жершвы одну

(138) см. въ Вѣстникъ Европъ, 1829, ст. Праздники, забавы и суевѣрія въ Новогрудскомъ повѣштѣ и пр.

за другою: Пергрубъ, попомъ Перкуну, чшобы „онъ опврашилъ опъ земли Липовской грады, молніи, громы, ливни, бури „и всякіи вредныя воздушныя перемѣны“, и наконецъ, ублажающъ Свайспикса, бога свѣша, чшобы „онъ яснѣмъ и милоспивымъ лицемъ озарялъ нивы, „луга, огороды,“ и богиню Пильвипу, чшобы помогла наполнить жишницы плодами.

3. Липовское *Секмине*, сходное съ Зелеными Свяшкками, но неимѣющее никакой связи съ Хрістіанскимъ праздникомъ Троицынымъ и Духовымъ днемъ, явно языческое, миѣическое, хопя и впадаешъ въ оный. Епо праздникъ пасшуховъ, кошорые воспоминающъ своего божка Гонигля, Липовскаго Велеса, богиню Ладу и Солнце (139), И шеперь еще сохранились оспашки онаго въ нѣкопорыхъ селахъ, а прочее въ преданіяхъ. Въ епошъ день пасшухи съ пасшухами, нарядясь въ праздничныя плашья, съ вѣнками на головѣ, ушромъ ходящъ по всему селу, опъ одного дома къ другому, гдѣ ихъ дарящъ и подчуютъ; въ полдень на пасшбищѣ разводился большой огонь, вокругъ коего дѣлаещ-

(139) Prutena, oder preussische Volkslieder, von L. Rhesa, Koenigsb. 1809. 12.

ся пирушка; избранный спарикъ изъ паспуховъ, или за неимѣніемъ его, спаруха распоряжаесть оною. Между шѣмъ играють на свирѣлкахъ и трубахъ, пляшуть и поють, вспоминая Гонигля. Такъ паспухи коровъ поють: „Гонигле божекъ, паси мою коровку, паси моего бычка, не допускай вора волка!“ Хоръ паспуховъ овецъ: „Пасу, пасу овцы; шебя, волкъ, „не боюсь; ибо солнцевласый богъ вѣрно не допущишь шебя.“ Оба хора вмѣстѣ: „Ладо, „Ладо, солнце“ и пр. Громада (міръ) или волось собравшись въ одну проспранную сподолу (ригу), приводили шуда козла и посреди оной раскладывали огонь, а женщины замѣшивали шѣспно изъ пшеничной муки. Когда все было готово; тогда жрецъ (вейдалѣша) садился на возвышенномъ мѣстѣ и, по произнесеніи рѣчи, выводилъ козла на средину и, призвавъ боговъ, возлагалъ на него руки. Потомъ поднималъ козла къ верху, какъ очищительную жершву, извѣстную у Евреевъ, пѣли св. пѣснь и наконецъ закалили его и кровью его окропляли народъ. Между шѣмъ, пока варилась пища, пекли калачи, перебрасывая черезъ огонь; начиналась пирушка, во всю ночь продолжавшаяся. Пошпру рано выходили въ поле для жершвоприношенія подземнымъ богамъ, которое соспояло въ зары-

ваніи въ землю коспей и всѣхъ оспанковъ
опъ сей прапезы. — По наблюденіямъ ош-
крываешся, что поржештво сіе съ обрядами
и жершвоприношеніями, болѣе или менѣе
сходными, было общимъ не токмо по всей
Липвѣ, но и въ Липовской Руси (140). Въ
южной Россіи, по свидѣтельству Г. Срез-
невскаго (141), пѣли слѣдующую пѣсню,
копорая изображаетъ жершвенный обрядъ,
похожій на Липовскій;

За рѣкою, за быспрою, ой калѣдка!
Лѣса споятъ дремучіе, — —
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ —
Огни горятъ великіе —
Вокругъ огней скамьи споятъ —
Скамьи споятъ дубовыя —
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы —
Добры молодцы, красны дѣвицы —
Поютъ пѣсни калѣдушки. —
Въ срединѣ ихъ спарикъ сидитъ; —
Онъ почитъ свой булашный ножъ. —
Возлѣ его козелъ спойтъ. —

4. Наканунѣ С. Іоанна Предшечи, 23го
Іюня (или Івана Купала) въ Липвѣ ош-

(140) Dzieje staroż. państwa Litew. t. I.

(141) Украинскій Вѣстникъ, Апрель, 1817 г.

правлялся *праздникъ росы* (Rassa), по сшаропруски *Кекиристь*, въ честь Ладѡ. Начиная опть праздника паспуховъ до праздника росы продолжались между работами сельскими пѣсни, игры, забавы: въ ешу пору и шеперь Липовскіе поселяне вообще веселяшся. Изъ ешого, можесть спашься, лѣпописцы и заключили, чшо праздникъ Ладоны продолжался цѣлый мѣсяць; но онъ въ самомъ дѣлѣ начинался наканунѣ 24го Юня: еша ночь собспвенно называлась *Роса*, копорую праздновали почши всѣ сѣверные народы; ибо почишаніе богини Ладѡ было у нихъ общее. Праздникъ Росы на Руси извѣспенъ подѣ именѣмъ *Купала*, въ Липшѣ *Купайла*, а въ Польшѣ — *Сѡботки* опть г.л. *сѡбитъ*, *сѡбина*, *приспѡсѡбитъ*, какъ бы день, пригошовляющій къ полевымъ работамъ; ибо въ шеплѣйшихъ спранахъ праздникъ ешопть почши сходишся съ сѣнокосомъ (142). Липовцы по селамъ и городамъ празднуюшъ Ивановскую ночь. Поздно вечеромъ всегда собираюшся они на извѣспномъ мѣспѣ, избранномъ и освященномъ изконными обычаями: шамъ на оболоньи (полянѣ) спавляшся палатки и шалаши; пѣсни, музыка, шанцы и разведенные огни

(142) Gry i zababony rѡżnych stanѡw. p. L. Gołѣbiowskiego. w. Warszawie, 183г. 8.

продолжающаюся во всю ешу ночь. Дыннѣ въ Вильнѣ, 24 Іюня, народъ вечеромъ сходитсѣ въ лѣсъ за городъ пишь, ѣсть и веселишьсѣ; ешо называеъсѣ у нихъ : *итти на росу*. Въ Ивановскую ночь, по мнѣнію народному, цвѣ- шепъ для счастьливцевъ папоротъ (paproć), копорой изиѣспенъ во всей Бѣлоспокской обласпи, на Волянѣ. Сходбище на одномъ мѣ- спѣ народа называеъсѣ *стадомъ* (stado), а пляска — *коркодономъ*. Въ Липовскомъ языче- спвѣ ешопъ праздникъ имѣлъ свои религіозные обряды, до насъ не дошедшіе, кромѣ переска- киванія черезъ огонь и ношенія факеловъ и фонарей. Слѣдующій день почипалсѣ свяпымъ; шогда собирались прѣвы для врачеванія ско- па, шакже для чарованія или колдовспва: чпдѣ дѣлалось и на Руси. Миеологи замѣча- ютъ, что сей праздникъ, у Славянъ слыву- щій *Купалою*, соединеъмъ бытъ съ молиш- вами рѣкамъ и испочникамъ. Вѣрояшно, и Липовцы, копорые свяпили свои воды ше- кучія и споччія, въ ешопъ день при- носили имъ жершвы, бросаѣ ихъ въ воду. Даже, можеъ бытъ, названъ онъ *праздни- комъ росы* въ слѣдспвіе мнѣнія Древнихъ, что рѣки супъ дѣши моря, родящіяся опъ испа- реній морскихъ, опъ коихъ бываеъсѣ и роса. Замѣчапельно, что оный шѣмъ опличень

опъ другихъ , что не оканчивался поминове-
ніемъ усопшихъ.

5. Когда солнце всходитъ въ знакъ Льва, тогда, при началѣ жатвы, совершается у Липовцевъ праздникъ *Зажинокъ* (*Parimene*). По описанію Ласицкаго, самъ хозяинъ, сжавъ первый снопокъ ржи, приносилъ его въ домъ и ставилъ въ переднемъ углу; на другой день начиналась жатва. Во время Язычества, вѣроятно, снопокъ нуженъ былъ для какихъ нибудь религіозныхъ обрядовъ, отправлявшихся въ домъ. Прусскіе липовисцы основываютъ весь снопокъ торжественный обрядъ на общемъ пирѣ всего села , гдѣ вкушали новый хлѣбъ. Нынѣ въ Липвѣ при снопокъ случаѣ остались только слѣдующіе обряды: 1) жница , при самомъ началѣ жатвы , какъ скоро захватитъ и опрѣжетъ серпомъ первую горсть ржи , опкладываетъ ее въ сторону ; между тѣмъ работа продолжается съ особенными пѣснями , поющія жницы смѣняются одна другою . По окончаніи дневной работы , первая жница , украшенная цвѣтами , несетъ червенца жатвы впереди всѣхъ жницъ на барскій дворъ , гдѣ угощаютъ ее съ сотрудницами . Все время жатвы въ Липвѣ услаждается пѣніемъ и весельемъ: оно дѣлается непрерывнымъ празд-

неспвомъ. У древнихъ епопъ праздникъ назывался Pгаorgiae, а у прослолюдиновъ Pгаe-actugiae, и осправляемъ былъ съ нѣкопорыми духовными обрядами, — Толока (Тѣока) извѣстна вездѣ въ Липвѣ, гдѣ шакъ какъ и Кіевской и другихъ Губерніяхъ, на полевою работу приглашающія охотники за хорошее угощеніе, сопровождаемое пѣснями и увеселеніями.

6. *Послѣдній день жатвы*, празднуемый въ Липвѣ каждымъ земледѣльцемъ, называется Даришето, коего слѣды еспъ въ великой, малой и бѣлой Россіи. Изъ послѣдней горсти сжапанаго хлѣба жнецы сдѣлають вънокъ, украшенный цвѣтами и правами. Изъ среды своей они выбираютъ молодую вѣщательницу, и по окончаніи работы, идутъ на барскій дворъ. Избранная предшествуетъ имъ съ онымъ вѣнкомъ на головѣ: шеспіе сопровождается громкимъ пѣніемъ; хозяинъ встрѣчаетъ вѣнокъ, съ хлѣбомъ и спаканомъ пива на блюдѣ, и въ горницѣ принимаетъ ошъ жницы вѣнокъ, какъ Божій даръ. Въ спарыя времена, кромѣ шакого часпнаго празднованія, у всякаго хозяина бывало общее шоржеспво для всего селенія и жерпвоприношеніе богамъ, какія описываетъ Груновій, свидѣтель оныхъ въ XVI вѣкѣ.

7. Въ Сентябрѣ, по окончаніи полевыхъ работъ, когда въ Великой Россіи празднуются *Семень день, Семешна недѣля, бабье лѣто, Аспосовъ день; въ Литвѣ* опсправлялся великій праздникъ, который называесть *Спрыйковскій главнѣйшимъ*, въ честь *Земеника*. Въ это время приносили на жертву множество домашнихъ животноныхъ самцовъ и самокъ, вѣроятно, въ честь опечествленныхъ боговъ и богинь. По свидѣтельству позднѣйшихъ лѣтописцевъ и по преданію народному, на это празднѣе собирался народъ изъ всей общины въ одно мѣсто, принося каждый по достатку свою часть въ складчину. Въ обширнѣйшемъ зданіи по срединѣ накрывался столъ столешниками или скапершиями; на чепырехъ углахъ онаго ставили большія чаши (цебры) съ пивомъ, приносили шуда связанныхъ попарно телца и пелицу, барана и овцу, козла и козу, борова и свинью, пѣпуха и курицу, гуся и гусыню и п. д. Жрецъ, прочитавши молитву надъ сими животноными, начиналъ бить ихъ палкою, а присупспововашіе добивали съ такими словами: „Ето шебъ, „о Земеникъ, боже нашъ, жертвуемъ и кла- „няемся, чпо въ минувшее лѣто пы насъ „сохранилъ въ здравіи, обилии всякаго добра „и въ достаткѣ, соблюдалъ опъ огня, меча,

„моровой извы и опъ всѣхъ враговъ.“ — Такимъ образомъ, побивъ звѣрей и пщицъ безъ пролипія крови, варящъ, жарящъ мясо, приготовляя кушанья для пирушки, которая сопровождалась игрою на трубахъ. Сей праздникъ у Прусовъ оканчивался при храмѣ Швентъ (свящынѣ, нынѣ *святая стѣкира*), гдѣ находился кумиръ бога Курко, или Сѣменника, обрядомъ сокрушенія онаго и пригословленіемъ новаго.

8. Торжешвенныя поминки, или Родительская въ Липвѣ извѣстна подъ именемъ *Хавтурей* (Chautugas) опъ Chau, *хавъ*, смерть: опсюда showai хоронить, погребать: она представляла посмертные дары и подчиваніе покойниковъ. Поминки сіи *Дѣдины*, *Осенины*, (*Оби*?) опсправлялись въ Октябрѣ почти въ то же время, какъ у насъ бываетъ *Дмитріевская суббота*; въ память усопшихъ родителей, родшвенниковъ, друзей и благодѣтелей. У Лашышей день сего благоговѣйнаго обряда назывался Deewa deenos, п. е. *Божій день*, или Welli, п. е. праздникъ богини вѣчности Веллоны; въ Древности, обряды въ честь ея напоминали будущую жизнь и трудный путь въ вѣчность. Древнѣйшій еіпотъ обычай, общій съ Липовскою Русью, въ западной Руси слыветъ Dziady дѣды, нищје, которыми въ

это время раздаётся щедрая милоспыня, или по объясненію Мухлинскаго, это шоржеспво совершалось въ память душъ усопшихъ предковъ, которое прежде называлось *пиромъ козла*, гдѣ первенствовалъ *козляръ*, *гусляръ*, жрецъ и пѣснопѣвецъ (143). Тогда пекли лепешки, (*Sikies wellonia ramixlos*): это были родъ Русскихъ блиновъ, печеныхъ на сковородѣ, на коихъ изображался знакъ *пемикелиось*, ш. е. кружокъ, а надъ нимъ подобіе креспа, или ключъ мнѣчскій (⚧). Такіе блины употребляющія еще при поминкахъ у Тапаръ Липовскихъ подъ названіемъ *Джамы*, кои на Персидскомъ значащъ образки. Подобный праздникъ у Римлянъ извѣстенъ былъ подъ именемъ *сигсиротатіо*, круговая чаша, а у древнихъ Славянъ *стыла*, или *страда*; на Польскомъ и донынѣ *stura* значащъ похороны, а *strawa* харчъ, кормъ. Радуница, празднуемая въ великой и бѣлой Россіи во вторникъ на Оминой недѣль, въ Рязанской Г. называется *наскдѣй* и *навѣй день*: что сходно съ Липовскимъ словомъ *навѣ* мершвецъ (144); ибо въ этошь день собираются на могилки на кладбище поминащъ родителей.

(143) *Huslarz* Польск., а Богемское *Hozlar* знач. чародѣй, кудесникъ: это сходно съ происхожденіемъ Греческой *трагедіи*.

(144) Ср. *Карамз. И. Г. Р. т. II*, прим. 189.

Мѣспомъ заупокійнаго пира у Липовцевъ бываетъ или кладбище, или домъ близъ онаго. При погребеніи усопшихъ Липовцы употребляли *причитанія*, сходныя съ Рускими прощонародными, напр.: „Для чего ты умеръ? „развѣ у тебя не было пици и пишья? „Для чего ты умеръ? развѣ у тебя не было „красной молодицы?“ и пр. У нихъ также въ прешины, девятины, сорочины дѣлались поминки пиршесствами (145). Доспойно примѣчанія, что обыкновеніе дѣлашь пиршесства въ честь усопшихъ, было почти общимъ у всѣхъ языческихъ племенъ, даже и у народа *Божія*, какъ видно изъ Пророка Іереміи (XVI, 6, 7) и другихъ.

9. *Ильги* (Ilgі), долгій праздникъ въ началѣ Ноября, неизвѣстный въ Россіи, продолжался двѣ недѣли; по свидѣтельству льпописцевъ, состоялъ изъ великихъ жертвоприношеній Перкуну, бесѣды, игры (гуслярспѣв). Липовскій льпописецъ говоритъ, что Самогитяне учредили *долгій праздникъ* по такому именно случаю: когда Крыжаки (рыцари креста), овладѣвъ всею Самогитіей, вездѣ имѣли свои усадьбы и долго

(145) Сѣверный Архивъ, 1824, No 3 и 4, статья о Липов. Мисеологіи.

державъ природныхъ жипелей въ неволѣ и угнѣ-
 пеніи , вывели ихъ изъ перпѣвія грабежами
 и насиліемъ: тогда Самогипяне, стоворившись
 тайно, 3 Ноября, 1281 года, вырѣзали всѣхъ
 своихъ ушѣснпелей и попомъ , пируя двѣ
 недѣли сряду , приносили благодарственныя
 жерпвы богамъ , и въ воспоминаніе епого
 событія учредили долгій праздникъ.

10. На прерпій день послѣ предъидущаго
 опправлялся праздникъ *Вайжганта*; для онаго
 избиралась въ селеніи прекрасная , дородная
 и ловкая дѣвица, копорая съ вѣнкомъ на головѣ,
 въ бѣломъ плащѣ и съ передникомъ , напол-
 ненномъ блинами и аладьями (*sikies*), вводилась
 въ сподолу, или обширное зданіе , гдѣ
 пригопвлялось пиршество , соединенное съ
 особливыми обрядами. Споя на одной ногѣ
 на скамьѣ , а другую нѣсколькo приподнявъ ,
 съ лицемъ , обращеннымъ къ дверямъ , она
 держала въ лѣвой рукѣ длинную леншу , а
 въ правой спаканъ пива , и произносила слѣ-
 дующія слова : „Божокъ Вайжганпосъ, уроди
 „намъ лень шакой долгій , какъ я ; не допу-
 „спи , чпобы мы нагіе ходили!“ Троекрапно
 повпоривъ сіе , она сперва выпивала разомъ
 пиво , попомъ лила его на лѣвую спорону
 скамьи своей , а наконецъ бросала спаканъ на

правую сторону. Наконецъ бросала изъ фаршука всѣ блины вверхъ; упавшіе направо съѣдались присуществовавшими при этомъ обрядѣ, упавшіе налево обращались въ собственность земли и боговъ подземныхъ, а потому и глубоко зарываемы были въ землю. Ежели сія дѣвица, родъ жрицы, не могла успоить во все продолженіе обряда на одной ногѣ, перяла равновѣсіе, или падала со скамьи: изъ сего заключали о неурожайѣ льна. За пѣмъ слѣдовали пляски вокругъ скамьи; дѣвушки взявшись за руки, скакали, припѣвая: „Возьмемъ верешены, сдѣлаемъ ку-„дели, успавимъ красны! Ванджанпосъ бу-„дешъ милоспивъ до насъ; ибо *банота*, пре-„краснѣйшая дѣвушка нашего села, исправно „проспояла на одной ножкѣ!“

11. Въ Февраль м. совершается *праздникъ Рагута* попойкою. Въ определенное на это время, черезъ восемь дней, народъ въ Липвѣ предавался разнымъ увеселеніямъ и пьянству въ честь сѣвернаго Бахуса, коего болванъ, или нѣчто похожее на него, возили на саняхъ, запряженныхъ неспрыми быками, изъ деревни въ деревню, шакъ какъ въ нѣкопорыхъ мѣстахъ Россіи объ Масляницѣ. Поѣздъ сопровождался масками и шолопою на-

рода. У древнихъ Липвиновъ ептовъ] праздникъ названъ : Kurzeemi , или Kurzumi.

12. *Коледю* (Okkaat-gimimas) у нихъ оказывался старой годъ, кошорый, по новому Римскому календарю , приходился почти въ половинѣ Марша , т. е. на исходъ луны сего мѣсяца. Въ послѣдствіи времени, при перемѣнѣ календаря, сей праздникъ впадалъ уже въ 25 Декабря и опсправлялся въ честь бога Оккапирмоса, съ ворожбою и загадываніемъ , примиреніемъ со врагами и пригошвленіемъ себя къ жизни добродѣтельной въ новомъ году : для сего соединены были съ епимъ празднеспвомъ угощенія, навѣщанія и поздравленія. Такой праздникъ извѣстенъ былъ почти всѣмъ древнимъ народамъ. У Липовцевъ на-канунъ Коледы бывалъ *вечеръ колодокъ* , кошорый они таскали изъ селенія въ селеніе , перескакивали черезъ оный и попомъ сжигали его съ разными спранными обрядами и пѣснями. Лапышиц до сихъ поръ помнятъ *Блокковой*, или *вечеръ колодокъ* , кошорый бывалъ о Рождеспвенскихъ Свяшкахъ. Въ Кіевѣ и даже во всей почти Малороссіи донныѣ женашые привязываютъ къ ногамъ холоспныхъ колодку, ошъ коей послѣдніе опкупающся угощеніемъ и деньгами. Епо на Масляницѣ называешся : *волочить ко-*

лодку. По наблюденіямъ Нарбушпа, въ окрестностяхъ Бовска, по сожженіи старой колоды, показывали новый болванъ изъ дерева, убранный леншамъ, который вырывали женщины и куда прятали съ пѣснями и криками. Повидимому, это долженъ быть символъ возрожденія Оккапирмоса, Липовскаго Сашурна. На-канунъ Рождества Христова былъ у нихъ родъ земледѣльческаго пиршества, на коемъ были варива изъ разныхъ хлѣбныхъ зеренъ и овощей (кроме бобовъ), приправленные медомъ: это вариво и теперь въ Липвѣ называется *кутьєю* (*kucya*). Въ Украинѣ въ эпохе время готовится подобная *купья*, или *купя*, и ставится на покупи, т. е. въ углу подъ образами: въ одномъ горшкѣ пшеница, въ другомъ яблоки, сливы, груша, варенныя въ меду: оба горшка ставятся въ сочевники. Въ ночь на новый годъ, по вѣрованію Липовцевъ, являлись духи; они гадаютъ о будущемъ липьемъ воска и олова, такъ какъ у насъ въ Васильевъ вечеръ. О черпяхъ, упыряхъ, вуколакахъ и оборопняхъ въ Липвѣ утвердилось вѣрованіе изъ старинныхъ преданій (146).

(146) *Lud Polski jego zwyczaje*, p. Ł. *Gołębiowskięgo*.
Warszawa. 1830. 8.

Между свадебными обрядами у Липовцевъ вечеръ передъ вѣнчаніемъ начинается обрядомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *кунигованія*, кошорый состоишь въ томъ, что невеста сопровождается съ пѣснями къ господскому дому, гдѣ минувъ первую дверь, бросаетъ подарокъ въ уголь каждой комнапы. Подарки сіи состоятъ изъ шерстяныхъ поясовъ, ея окрашенныхъ, изъ платенецъ, или кусковъ холста. Нѣсколько разъ поклонясь господину въ ноги, она возвращается домой съ пѣснями въ сопровожденіи взрослого парня, называемаго ея брапомъ. Въ епомъ обрядѣ видѣнь родъ окупа за дѣвицу, выходящую за мужъ; онъ извѣстенъ былъ во всей Европѣ подъ названіемъ: *Cunagium*, *Panienskie*, или *Купіса*, дѣвичье, а на Руси: *куничное*, *свадебная*, *спънечная куница* (147). Въ Коспромской губ. доселѣ поюшь въ свадебныхъ пѣсняхъ:

А попу шо куницу, куницу,
 А попадѣ шо лисицу, лисицу;
 А попову шо сынку
 Бумажечку синю.

(147) см. Собраніе Госуд. грамотъ, ч. 1. стр. 411.
 „А мировая куница и свадебное имапи по шести грошей, а со вдовы имапи по помужъ, кошорая пойдешъ за мужъ.“

Славяне въ панцахъ своихъ вѣрно имѣли что нибудь поржественное и религіозное. Когда собиралось *стадо Господне*; тогда съ дѣвической горы сходили будущія невесты рыцарей, пригожіе молодцы, замужніе и женатые, спарики и дѣши, хлопая въ ладоши и крича *Ладо Ладо!* среди панцевъ и пѣсень шли къ городищу, гдѣ приносились жертвы и совершались обряды (148). Какъ въ Сѣверовосточной Россіи вожденіе панцовъ или шонковъ именуется *кероходомъ* (см. смр. 68): такъ Русь и Липва панцы свои прозываютъ *короходомъ* (koro-hod), говорятъ Гвагинь, вѣрно *скороходомъ*, при коемъ хлопаютъ въ ладоши и поютъ *Ладо*. — Собошки представляютъ поже древніе панцы, а слѣды опада Господняго (*stado boże*) едва уже нашель Ходаковскій.

Липва почиается гнѣздомъ повѣрьевъ Славяно - Рускаго Языческаго; нынѣшняя Самогиція носила имя *Святой земли*. При сличеніи же Миеологій и Еоршологій Липовцевъ съ Славянскими, опкрывается, что онъ ближе къ Римскимъ и Греческимъ, чѣмъ Славянскія и что онъ мало имѣли связи съ Польскими миеами и праздниками, исклю-

(148) Длугошь говоритъ, что въ Духовъ и Троицынь день еще на его памяти народъ именно въ Липвѣ

чая тѣ обряды, кои были общими почти всѣмъ языческимъ народамъ (149). Въ чемъ же сходствуютъ божества, повѣрья и обряды Славяно-русскіе съ Индѣйскими, Греко-Римскими, въ томъ и Липовскіе съ ними почти пождественны, напр: вѣчный огонь, благоговѣніе къ водамъ, превращенія, прорицанія, колдовства, жертвы и даже самыя названія боговъ и духовъ.

Какъ о Язычествѣ Россіянъ и Чеховъ, такъ равно и Поляковъ въ IX и X вѣкахъ, дошло до насъ мало свѣдѣній, какія сохранились у Длугоша, М. Мѣховскаго и Бѣльскаго; но свѣдѣнія сіи, замѣчаетъ Бандтке (150), такъ перепутаны съ Римскими мифами, что трудно отдѣлишь одни отъ другихъ; ибо, сіи испоричи нерѣдко называли Польскія и Славянскія божества именами Греческихъ и Римскихъ. Кромѣ господствовавшей мы-

и Руси подъ симъ именемъ проводилъ идолопоклонническія игрища. — *Dzieje star. narodu Litewskiego. p. T. Narbutta. t. I. Wilno. 1835. 8.*

(149) *Исторія Государства Польскаго, соч. Г. С. Бандтке. т. I. СПб. 1830. 8. Библіотека для чтенія, 1835, т. XIII, стр. 25, Свирригайло.*

(150) *Исторія Государства Польскаго, соч. Г. С. Бандтке, перев. съ Польск. т. I. СПб. 1830. 8.*

сли о единомъ Творцѣ неба и земли, приводимыя Длугошемъ и его послѣдовапелями божества въспрѣчаюпся сходныя съ божествами народовъ, соплеменныхъ Полякамъ, на пр: *Перунъ* (ріогун громъ), *Бѣлый и Черный богъ*, *Дажьдбогъ*, или *Дашуба*, *Чуръ*, богъ предѣловъ, *Коляда*, *Купало*, *Ладо*, или *Лада*, *Хорсъ*, или *Корша*, одинъ изъ Кіевскихъ боговъ, также *Макошъ*, или *Мокошъ*, *Волосъ*, *Прове*, или *Прово*, *Стриба*, или *Стрибогъ*, *Посвистъ*, или *Похвистъ* и пр. Въ преданіяхъ, сказкахъ, поговоркахъ и пѣсняхъ у Поляковъ и Рускихъ упоминаюпся *Кикиморы*, *Дубыни*, *Горыни*, *Полканы*, *Волоты*, *Кашей*. *Русалки* въ Польшѣ называюпся по Нѣмену и Свипезю, по *Нѣмлянками*, по *Свитезянками*, см. стр. 12. Мѣховица замѣчаетъ, что какъ въ Россіи припѣваюпъ *Лада*, *Лада*: такъ Мазуры восклицаюпъ *Дана Дана*, *Дада Дада*. Гванинь говоритъ, что Поляки развѣселясь, восклицали: *Lelum polelum*, сходное съ Рускимъ: *Ай моли моли!* Опъ ешого и поговорка: *Lelum polelum, swistum poświstum*. *Лея* и *Позвиста* Войцицкій почиаетъ за языческія божества въ Польшѣ.

Длугошъ ушверждаетъ, что божества сіи имѣли капища и пребища; вѣроятно что онъ, такъ какъ велось у Славянь, чпи-

мы были въ заповѣдныхъ дубравахъ и на холмахъ, гдѣ совершались шоржесшвенные обряды и праздники, на кои, по свидѣтельству Длугоша, въ опредѣленные дни сходились мушны и женщины съ дѣшми для принесенія жершвъ и исполненія обѣшвъ. Въ честь божешвъ учреждались игры, сопровождаемыя соблазнительными пѣснями, плясками, скачками и рукоплесканіями, о коихъ упоминающъ и домашніе наши писатели. „Осташки сихъ игрищъ и обычаевъ у Поляковъ — продолжаетъ Длугошъ — сущешвуюющъ донинѣ и по испеченіи пшши вѣковъ ихъ Хрістіанства; такъ на примъ: ежегодно въ дни Пшпидешпницы повшоряется игрище древнихъ языческихъ суевѣрій, кошорое называется у нихъ *Стадомъ* (Stado); ибо народъ раздѣлясь на толпы, празднуешъ попойками, крикомъ и неисшвыми плясками.“ *Стадо* ешо сходно съ нашею *Тюльною* или *толпою* (turba?), кака я бываешъ на Семицкой, или Троицкой недѣль (151).

Праздникъ смерши зимы и возобновленія весны (Umorzona zima) сопровождается въ

(151) *Ioannis Dlugosii Historiae Polonicae libri XII. ed. Gabriells Grodeckii. Lipsiae. 1711. f.*

Великой Польшѣ и Силезіи шѣмъ, что по-
 пяшъ въ водѣ *Маржану*, убравши чучело въ
 видѣ женщины. Епомъ 'обрядъ совершается
 въ Маршѣ мѣсяцѣ, о коемъ и пословица
 гласишь, что *Miesiąc Marzec zwykł starych
 straszyć marami*, т. е. мѣсяцъ Маршѣ привыкъ
 морочить (спрацаць марами, мечшами) спа-
 рыхъ. Въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, извѣстно
Mársowe piwo, *Мартовское пиво*, которое ва-
 рится къ епому празднеству. Нарушевичъ
 говоришь, что Маржана, или Марана у По-
 ляковъ, Силезцовъ, Лузапиновъ, Сорабовъ, и
 даже Семиградцевъ, имѣла божескія почѣсти,
 какъ богиня смерти; ибо и въ Индіи *Марана*
 значишь смерть (152). Маршынъ Бѣльскій въ
 Хроникѣ своей говоришь слѣдующее о проис-
 хожденіи сего шоржеспвеннаго обычая: „Мѣш-
 „ко слѣпорожденный, послѣ опца своего из-
 „бранъ на царство. У него было семь любов-
 „ницъ, опъ коихъ не имѣлъ дѣшей: что и
 „печалило его; и пошому (уговаривали его нѣ-
 „которыя хрістіане, чтобы онъ крестил-
 „ся, если хочешъ имѣшь потомковъ. Онъ
 „послалъ къ Чехамъ за дочерью Короля

(152) Въ Малороссіи ругаюшся: *Мара свитова*, т. е.
 Ека ты сашана! разумья душегубнаго злаго духа.

„Болеслава, что убить брата Вацлава, име-
 „немь Домбровку, Король Чешскій на епо
 „согласился съ шѣмъ, если приметъ св.
 „крещеніе. Мѣшко принялъ епо условіе и
 „крестился въ лѣпо оупъ Р. X. 965 въ
 „Гнѣзнѣ: шамъ назвали его *Мечиславомъ* оупъ
 „славы доброй, а прежде именовался *Мѣшко*
 „оупъ *замѣшательства* въ Государствѣ и оупъ
 „шого, что родился слѣпымъ. Онъ приказалъ
 „богашымъ и бѣднымъ креститься 7 Марта,
 „ввергнуши въ огонь деревянныхъ болвановъ и
 „побросавъ въ воду каменныхъ. Оупъ шого и
 „нынѣ еще шопъ обычай въ Великой Польшѣ
 „и Силезіи, что седьмого Марта шопяшъ
 „Маржану, нарядивъ ее женщиною, и вышед-
 „ши изъ деревни, припѣвають: „*Смерть вѣтсѣ*
 „*по заборамъ, шца хлопотъ.*“ Ибо не задо-
 „предъ шѣмъ они почипали планешы, *Погоду,*
 „*Погвизда, Гелу, Ладу, Дзѣвану,* ш. е. *Діану,*
 „*Маржану* и многихъ другихъ.“ Въ продолже-
 „ніи Хроники М. Бѣльскаго, изданномъ его сы-
 „номъ Іоакимомъ въ 1597 г., подшверждаешл
 „епо слѣдующимъ свидѣтельствомъ: „Поляки,
 „принявъ Хрістіаншво, перебили изображеніа
 „болвановъ, въ коихъ почипали чершей за бо-
 „говъ, вездѣ по городамъ и деревнямъ, а другихъ
 „сожгли: шакже унишпожили всѣ языческіа
 „мольбища, назначивъ для сего извѣспный день,

„т. е. седьмое Марта. Таковые болваны видѣть Мѣховица позолоченные въ церкви С. Троицы въ Краковѣ, гдѣ они долго валялись на землѣ. Во время погоже Мѣшка, въ Краковѣ надъ Вислою, гдѣ нынѣ женскій монастырь Св. Агнѣшки, было Греческое капище, изъ коего также Мѣшко повелѣть выбросишь чершовскіе болваны и на мѣсто оныхъ поставитъ изваянія спраспей Хриспыхъ. На моей еще памяти, велся у насъ по деревнямъ пошъ обычай, что въ бѣлую недѣлю послѣ поспа попили болвановъ, сдѣлавъ изъ снопа или конопли подобіе челоуѣка и нарядивъ его въ одежду, провожали до озера или лужи, куда бросали его, снявъ одежду съ жалобными припѣвами.“ Епомъ обычай, сущесвующій въ Славянскихъ земляхъ, совершается и въ Сараповской Г., гдѣ при *провожаши весны* дѣлають также соломенное чучело, наряженное въ кумачный сарафанъ и убранное цвѣтами, съ чулюкомъ (кокошникомъ) на головѣ, съ ожерельемъ на шеѣ; наканунѣ Петрова дни носятъ оное по всему селенію, пошомъ раздѣвъ, бросають въ рѣку.

Первые дни Мая у Поляковъ (Май, мајówki), такъ какъ и Славянъ, посвящались ве-

селости и гуляню. Голембовскій говоритъ , будто у древнихъ Поляковъ была богиня *Мая*, покровительница сего мѣсяца, копорую представляли въ пѣсняхъ и пляскахъ. Она сходствуешь съ Финскимъ *Ма* земля; самъ Туръ или Торъ, по свидѣтельству Сагъ Исланд., былъ сынъ земли (*Маја*) (153), обновляющейся въ *Маѣ* мѣсяцъ, копорый находилея въ созвѣздіи Тура (Тельца). Въ Липяѣ, 1 го Мая, на лугу прежде вкапывали дерево, украшенное разноцвѣтными лоскутками, и вокругъ его плясали въ зеленыхъ вѣнкахъ, припѣвая :

Kolo toho da zielonoho kusta
 Posijano soczyweczku z husta,
 Kto tuju soczyweczku porwe,
 To tuju dzieweczku za muž wozme,

Какъ въ Липяѣ и Россіи, Великой и Малой, такъ и въ Польшѣ празднуется почти съ одинакими обрядами *Ивановская ночь*, или *Купала* (*Kupała noc*), въ последней подѣ названіемъ *Sobotki* (154), а у Волоховъ и Ица-

(153) *Мата* также мать Меркурія.

(154) Гора есть въ 5 мил. отъ Брацлава *Sobotka* Соботка; описываемая Кохановскимъ; отиравалась въ воеводствѣ Сендомирскомъ; гора *Zobten* есть по Нѣмецкому произношенію названіе города и горы въ Силезіи, и по Польски, Соботка.

ліанцевъ подь именемъ *Sabatina* : зажигаемые на горахъ сего имени огни въ епопъ день могли имъ сообщити сие названіе. „Какъ у насъ на канунъ Иванаова дня женщины зажигали огни, также плясали вокругъ ихъ, пѣли, воздавая поклоненіе діаволу (говоритъ Марпинъ, писатель XVI вѣка) : шакъ и донинѣ въ Польшѣ не оставляютъ сего обычая, принеся жершвы изъ чернобыльника (*bielicy, artemisia*), копорый вѣшаютъ по домамъ и опоясываются имъ, опправляють Собопки, зажигая огни, кои добываются преніемъ дѣрева объ „дерево“ (155). Въ день Святаго Ивана у Поляковъ сельскіе жипели имѣють обыкновеніе опоясываться чернобыльникомъ и цѣлую ночь возлѣ огня прыгаютъ, говоритъ *Голембовскій*. Краковскія Собопки праздновались на Креміонкахъ и звѣринцѣ, Варшавскія на берегу Вислы и на островѣ, нынѣ называемомъ *Саксонскимъ* ; въ цѣломъ краю зажигали Собопку, на площадахъ и близъ лѣсонъ : вездѣ можно было видѣть по домамъ цѣпы и правы, говоритъ въ своемъ пупешеспіви по Польшѣ *Огіерь* 1635 въ 3 томѣ Памятниковъ Нѣмцевича. Ивановскій огонь назывался *Krész*.

(155) Marcin Urzędow herbarz czyli zielnin. 1595. f.

Янъ Кохановскій въ изданныхъ имъ 1639 г. пѣсняхъ Свято-Собошскихъ пакъ изображаешъ епошъ обрядъ: „Когда солнце согрѣваешъ „рака, а соловей болѣе не поешъ: Субошка, „какъ было вспарь, запалена въ Черномъ „лѣсь. Такъ намъ передали машери, сами „пакже занявъ опъ другихъ, чшобъ на день „С. Юанна завсегда горѣла Субошка.“ Епа Субошка зажигагась или на лугу, или при лѣсь.

Бабье лѣто (Babie lato) извѣстно у Поляковъ, копорые подъ симъ именемъ разумѣюшъ ясную, продолжительную осеннюю погоду. Линде объясняешъ епо lato święto - Marcińskie : можешъ спашься, попому, чшо осень продолжается до 11 Ноября, до Marcina Biskupa. Народъ празднуешъ епошъ день; въ Виленѣ во всякомъ домѣ жаряшъ для служителей гуся, копорый называется *Мартынскимъ*. Канунъ новаго года (Wilnia nowego roku, kolenda) сопровождался угощеніями, поздравленіями и наблюдениемъ примѣшь: чшо и донынѣ продолжается (156). Какъ у насъ на Новый годъ въ Васильевъ вечеръ, пакъ во всей Польшѣ въ Андреевъ день (30 Ноября) дѣвушки

(156) Вѣспникъ Европы 1826, No 3 и 4.

тайно гадающъ о будущей судьбѣ своей липшемъ воска и олова въ воду и капышками хлѣба.

У Поляковъ и Русиновъ въ Древности совершался праздникъ *Kołąda*, ko Lado, коего обряды съ нѣкошорыми перемѣнами донынѣ повторяющся. Во время Коледы, въ Польшѣ гадали и ягрывали Нѣмецкія комедіи. Въ Прусской Польшѣ, въ Гумбингенскомъ округѣ, опѣ Рождества Хрисова по Богоявленіе съ дѣвцами съ цѣлой деревни собирающся въ одну какую нибудь избу забавляющся разными играми и плясками до самаго пѣнія пѣпуха. Какъ *Юрьевъ день весенній*, такъ и *Михайловъ осенній* бывающъ въ Липшѣ и Польшѣ предѣлами сроковъ и сдѣлокъ; съ нихъ начинающся и оканчивающся ими хозяйственныя условія.

Въ праздникъ *трехъ Царей* (*trzech królów*), о коемъ мы выше упоминали, въ Липшѣ и даже въ нѣкошорой часши Польши наряжающся въ маски и ѣздящъ одинъ къ другому въ гости. Масляница, у Поляковъ *Zapusty*, бывала временемъ забавъ и веселостей, кои сосполяли въ маскированіи и наряжаніи въ разные образы, пляскахъ, пѣніи, въ кашанѣ и пиршествахъ. Въ Россіенскомъ повѣствѣ Виленской г. привязывающъ чучело, похожее на чловѣка, къ колесу, съ коимъ оно вершищся. Чпо бываещъ, какъ

увидимъ, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Великой Россіи. Запустные дни были въ великомъ уваженіи у старобышнихъ Поляковъ (157).

Какъ на Рождество Христово, Новый годъ, на Свѣшлый праздникъ, въ Троицынъ и Духовъ дни, такъ особенно опть маслячнаго чешвершка до пепельной середы первой недѣли Великаго поста бывали въ Польшѣ по разнымъ домамъ пляски и пиропастья, кои оканчивались въ чешвершокъ *полосканьемъ* рша, какъ у Рускихъ прослоудиновъ чистымъ поведѣльникомъ.

При похоронахъ у Славянъ Польскихъ опправляемы были респалища съ пиршесствами, кои извѣстны и въ Россіи подь именемъ *Тризны*, а у западныхъ Славянъ—*Стравы*: *strawa* значить на Польскомъ кушанье, пригопвленное на огнѣ; опсюда *trawić* огнемъ, сожигать огнемъ. Длугошъ свидѣльствуешь, что подобныя респалища и пиры языческіе при похоронахъ опмѣнены были владѣтельными Князьями. Надъ прахомъ усопшихъ насыпались могилы, называемыя въ Россіи *курганами*; оныя насыпи въ Великой Польшѣ, въ землѣ

(157) *Gry i zabawy roznych stanów w kraju całym, lub niektórych tylko prowincyach. p. L. Gołębiowskiego. Warszawa, 1851. 8.*

Добрышской, въ Куявахъ и въ землѣ Хельминской въ Пруссіи извѣстны подъ именемъ *жалей*, а въ Новгородской г. подъ именемъ *жалыниковъ*.

При сравненіи свадебныхъ обрядовъ, именинныхъ и родинныхъ пировъ, игръ и забавъ Польскаго народа съ Рускими, найдется много сходнаго, общаго или заимствованнаго однимъ у другаго. Не останавливаясь на ешихъ предметахъ, о коихъ подробно пишетъ Голембовскій въ приведенныхъ нами сочиненіяхъ, пойдѣмъ далѣе. О древнемъ обычаѣ Славянъ, вѣроятно, языческомъ свидѣтельствуетъ поговорка у Поляковъ *Jak kamén w wodę*, сходная съ Рускою: *Какъ камень въ воду* — которая означала вѣчное забвеніе гнѣва и оскорбленія. Епископъ обрядъ совершался при заключеніи мира съ врагами (158).

Съ водвореніемъ Каполичества въ Польшу водворились и распространились въ ней разныя сценическія представленія и обряды, смежныя съ Римскимъ Язычествомъ, кои допустила къ себѣ Римско-Каполическая цер-

(158) *Вѣстникъ Европы*, 1827, No 16 ст. „о происхожденіи нѣкоторыхъ пословиць Польскихъ.“

ковъ: Оно вытѣснило многіе древніе Польскіе обычаи, шакъ чшо въ нихъ осталось мало *народности*, хощя Мазуры и швердяшъ объ оной. Безпрерывныя сношенія Россіи съ Поляками и владычество ихъ въ югозападной часпи оной запечатлѣли слѣды свои въ повѣрьяхъ, обычаяхъ и языкѣ Рускаго народа.

Ближайшее и точнѣйшее сравненіе Мифологіи и Еорпологіи Славянъ Закарпатскихъ и Задунайскихъ съ вѣрованіями и празднествами Славянъ Рускихъ могло бы опкрывать: чшо у тѣхъ и другихъ сохранилось общаго, характеристическаго и въ чемъ именно они различались по мѣстности; духу своему и образу жизни на Западѣ и Югѣ. Но какъ не у всѣхъ народовъ Славянскаго племени описана съ точностію и полношею Мифологія и Еорпологія и не всѣ существующіе источники у насъ подѣ руками: по мы и ограничимся здѣсь нѣкоторыми только извѣстными, болѣе общими чертами, а другія присоединимъ къ частнымъ описаніямъ праздниковъ народныхъ (159). Такъ называемая Славянская Мифо-

(159) *Mythologie der alten Deutschen u. Slaven*, von A. Hamy. *Zeitung*. 2 T. 1827. in 8.

логія и Еорпѳологія не можеть ограничиться одними Рускими, но должна бытъ изслѣдована у всѣхъ прочихъ народовъ Славянскаго племени, живущихъ около Вислы къ Западу до Ельбы и Везера, а къ Югу до Адриатическаго моря; ибо у нихъ болѣе оспалось древнихъ памятниковъ Языческаго; а мифы и обряды ихъ служатъ къ дополненію и исполкованію первыхъ.

Ни у какихъ народовъ, замѣчаетъ Тунманнъ, не было столько мѣстныхъ боговъ, сколько у Славянъ, которые издревле слыли набожнѣйшими (160). Какъ сами Славяне являющіеся въ мірѣ полимическомъ подъ разными именами: такъ нерѣдко одни и шъ же божества у нихъ носятъ различныя наименованія; опъ воихъ размножилось число оныхъ у позднѣйшихъ Миеографовъ. Гельмольдъ, Кромеръ, Длугошъ, Маршинъ Бѣльскій и другіе, слѣдуя обычаю Грековъ и Римлянъ, сравнивали истинныя, и мнимыя божества Славянъ съ Римскими и Греческими, и наоборотъ, сіи послѣдніе объясняли Славянскими. Въ Словарѣ Лашино - Чешскомъ, Соломона, IX вѣка, опысканномъ Ганкою въ Пражской библиотекѣ, находимъ слѣдующія объясненія миеологическихъ именъ: Лѣпо Siva, Вааль bel

(160) *Helmoldi Chronica Slavorum*. l. I. 2 — 10.

boh, Діана Déwapa, Дріады Poludnice, Лапона Letnice, Марсъ Zuatovit, Панъ Veless, Пенаты Screti, Пикъ сынъ Самурновъ Ztraces Sitivratow zin, Самурнъ Sytivrat, Сирена Lichoplesi, Тифоны Sani, Венера Lada, Церера Siva, Юпитерьъ Pegun, Меркурій Radigost wnukk Kirtow, Прозерпина Rogitata и ш.д. (161). Цесарь и Тацітъ также объясняли именами Римскими Германскія. Хотя миеографы и испюрки причисляють большую часть приведенныхъ здѣсь божествъ и духовъ къ Миеологіи Славянъ Рускихъ; но оныя болѣе принадлежащъ къ Задунайскимъ и Закарпатскимъ Славянамъ, которые имѣли свои вѣрованія и свою систему Миеологіи. Рюгенъ и Репра были столицами богоученія, богослуженія и торговли Славянъ (162); изъ епихъ разсадниковъ Языческаго могли распространяшсь повѣрья и на Югъ и на Сѣверо-востокъ. Какъ въ единоплеменныхъ и соплеменныхъ народахъ господствуешь одинъ общій духъ, не смотря на случайныя уклоненія: по и у Славянъ, говорившихъ нарѣчіями одного слова, могли

(161) Москов. Вѣстникъ, 1828, No 2.

(162) Wyklad čili přjmetky a Wyswětlitwky kn Sláwy Dceře. od I. Kollára. w Pesti. 1882. 8.

быть общія, коренныя и взаимно сходныя понятія. Византіецъ Прокопій говоритъ объ Иллирійскихъ Славянахъ, что „они признавали Творца молніи за единого Бога.“ Вѣроятно, что Славяне на Одерѣ смѣшавшись съ тамошними Нѣмцами, утратили чистое познаніе о единствѣ Бога, поклонялись ему подъ видомъ многообразныхъ и многочисленныхъ предметовъ и явленій природы. *Перунъ* былъ общимъ божествомъ у племенъ Славянскихъ. У Люненбургскихъ Вендовъ и день Юпитера громовержца, четвергъ (*dies Iovis*), назывался *peren dan*, т. е. Перуновъ день. На Виндійскомъ нарѣчій расшдніе *Perúnica* знач. *igis Germanica*. *Perunova dubrava* и *Serpeborg* находится въ Сербіи; въ Далмаціи есть лѣсъ *Rigun Dubrava* (163). Туцманнъ и Славянскаго Прона почитаетъ за одно съ Перуномъ (164). По мнѣнію Карпатъ-Россовъ, (165) Перунъ владычествуетъ надъ *веснянками*, *осенянками*, *зимнянками* и *упырями*. Славянскій Папъ *Велесъ*, *Волосъ*, о сходствѣ коего съ Скандинавскимъ

(163) Карамз. И. Г. Р. ч. I, примѣч. 185, 203.

(164) Ученыя Записки И. М. У. 1835. No IV: о Руской Правдѣ.

(165) Въ Жупанствахъ (Графствахъ) Венгр. Мараморшскомъ, Угочьскомъ, Берегскомъ и Унгварскомъ.

· Vali-ass выше замѣчено, былъ божеспвомъ общимъ, особенно у Славянъ, занимавшихъ скопководспвомъ. *Ладо* воспѣвалась и донынѣ воспѣвается не только у Рускихъ, но и у Сербовъ, Болгаръ, Словаковъ, Славонцевъ, Хорватовъ (166). У южныхъ Славянъ вспоминается Ладо въ слѣд. пѣснѣ:

Лепи Иве шерга роже,
 Теби Ладо свепи боже,
 Ладо, слушај насъ Ладо!
 Първъ Ладо пела мопи
 Сердце наша вскланямопи,
 Ладо, слушај насъ, Ладо! (167)

У Адербургцевъ (Спаргородцевъ) главнымъ божеспвомъ былъ *Проне*, у Полабовъ богиня *Сива*, у Оботришовъ *Радигастъ*, коимъ праздновали въ извѣстные дни года съ великимъ шумомъ. Въ Моравіи есть гора Radgost, а Proyo гора на Ругенѣ. Цокровипелемъ зем-

(166) Въ Болгаріи также въ разныхъ пѣсняхъ есть прищѣвъ:

Ой Ладо, Ладо;
 Момиче Ладо, т. е. дѣвица Ладо.

(167) *Ditmar Merssch. str. 181: Est urbs in pago Riedererum Riedigost nomine, in eadem est fanum de ligno artificiose compositum. Huius parietes variae deorum dearumque imagines mirifice insculptae.*

ди Ругенской былъ Свъшвидъ (Zwantewitz), которому въ Ругенѣ поклонялись подъ именемъ *Благо* и *Чернаго бога* (Belbog, Zerbog), по свидѣтельству П. Шпѣкмана. Ему воздвигнутъ былъ великолѣпный храмъ, коему Балтійскіе Славяне платили десятину (168). Какъ въ Ругенскомъ, такъ и въ Шпешинскомъ храмѣ были вѣщатели и совершались гаданія (169). У Западныхъ Славянъ въ особенномъ почтеніи былъ *Кродо* (отъ *краду?*), игравшій роль Меркурія, которому поклонялись на горахъ, особливо на Брокенѣ, подъ видомъ старца, державшаго въ одной рукѣ колесо, а въ другой сосудъ съ цвѣтами и плодами: отсюда преданіе о чествованіи діавола на епой горѣ, особливо въ первомайскую ночь. Въ Помераніи на островѣ Волинѣ (Юлинѣ) главнымъ покровительствующимъ божествомъ почитался *Триглавъ*, получившій названіе отъ владычества своего надъ воздухомъ, водою и землею, или отъ трехъ приспаней острова: его признають за одно съ *Свътовидомъ*. см. стр. 18.

(168) Опытъ Исторіи Росс. Госуд. и Гражд. Законовъ, соч. А. Рейца, перев. Ф. Морошкина. Москва. 1836. 8.

(169) А. Krantzii Saxonia. Francof. 1621. in f.

О существованіи *Триглава* напоминаютъ оспатки города *Тројеглава* въ Славоніи и гора *Treglau* въ Краинѣ. Голову отъ кумира *Триглава С.* Опшонъ изъ Шпешина послалъ въ Римъ къ Папѣ Гонорію. — Чтѣ у Карпатно-Россовъ *Русалки*, то у Виндійцевъ и Сербовъ *Вилы*, кои, по ихъ мнѣнію, живутъ на горахъ и на прибережныхъ скалахъ, изображающа молодыми, въ бѣломъ платьѣ, съ долгими распущенными по плечамъ и по груди волосами изъ осоки. У древнихъ Чеховъ *Mogusi* шуже ролю играли, что у Римлянъ *incubi*. Булгары вѣрятъ, что *Варколаки*, или *Полтеники* могутъ входить въ дома и вредить. Мы выше замѣтили, что поклоненіе испочникамъ и спарымъ дуплистымъ деревьямъ, особливо дубамъ, было общимъ не только у Славянскихъ, но и у Германскихъ племенъ (170). Наши лѣтописи свидѣтельствуютъ, что Рускіе Славяне *клали требы* озерамъ, рѣкамъ и кладезямъ. см. стр. 23. Изъ пѣсень и обычаевъ на Руси видно, что у воды дѣлались гаданія, какъ напр. въ Семикѣ; въ одной спарой пѣснѣ, какую поютъ въ Подольской Г. подъ Межибожьемъ, замужняя жена, вдова и дѣвица вопрошаютъ креницу (ручей), копорый дѣлаешь имъ опвѣшы,

(170) *Карамз. И. Г. Р. т. I. прим. 212. 214.*

какъ оракулъ. Въ рукописномъ житіи XVI в. Князя Константина Муромскаго сказано, что Рускіе язычники „опъ очныя немощи умыва-„лись въ кладезяхъ и бросали въ нихъ среб-„ряники“; что и донынѣ дѣлають на священныхъ колодезяхъ, ключахъ, родникахъ, озерахъ. Подобныя обыкновенія встрѣчаются у Сербовъ. Въ упомянутомъ житіи пишется, что ду-„плинамъ деревянымъ въпви убрисцемъ обвѣ-„шивающе, и симъ поклоняющеса.“

Хотя Длугошъ приписываетъ фешицизмъ только Пруссамъ и Липвѣ языческой; однако оный, по мнѣнію Бандшке, господствовалъ въ шомъ или другомъ племени Славянъ. Гроды, гродки, огродки, городища, лысыя, красныя (чермныя, червонныя), поклонныя горы и роци, дубравы заповѣдныя, какъ-то: Swaty bog близъ Салы въ Мерзебургъ и Branibor въ Брандебургъ, были мѣстами священными, гдѣ совершались жертвоприношенія и другіе обряды въ честь боговъ, умилостивительныя или благодарственныя, общныя, обычныя или чрезвычайныя (171).

Время опредѣленное и неопредѣленное у Славянъ называлось *годомъ, рокомъ, лѣтомъ*: у Вин-

(171) M. Frenzelii dissertationes historicae de idolis Slavorum. Vitebergae. 1688. 4. — Lausitzische Merkwürdigkeiten von Sam. Großer. Leipz. 1714. 2 t. f.

дѣйцевъ и Чеховъ годъ (Hod) по же значить, что grásnik, svétik. Собственно годъ дѣлился у однихъ племень на двѣ половины: *лѣто* и *зиму* (см. спр. 45); у другихъ на три или на четыре, и на XII мѣсяцевъ, кои имѣли особенныя названія, различныя по мѣстности; по нимъ считались *праздники весенние, лѣтние, осенние* и *зимние*, распредѣлялись работы, сроки и отдыхи. Какъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ, такъ равно у Предкарпатскихъ Славянъ, п. е. Подяковъ, Рускихъ и Малороссiянъ, одни и тѣже древние народныя праздники нерѣдко выпадаютъ въ различныя времена года по различію мѣстности и климата, бывающъ по позже, по раньше другихъ, носящъ на себѣ по етому различныя названія, сопровождающъ особенными обрядами. Мѣстные праздники, произшедши отъ свойствъ мѣстности, духа и вѣрованія жипелей, извѣстны только опредѣленнымъ племенамъ Славянскимъ.

Колѣда и *Купало*, какъ выше замѣчено нами, соспавляли два главныя празднества въ году, къ коимъ примыкающъ другія. Въ Силезіи и Богеміи Рождественскія Святки называющся *Вопосе, Wáпосе* и *Январь Вопоспик*; у Румыновъ *Кречуномъ*; у Карпато-Россовъ канунъ Рождества Христова извѣстенъ подъ именемъ *Кречуны-вечерь*,

а въ Венгріи Karátson. Въ Рускихъ льпописяхъ и Рождественскій поспъ наименованъ *Корочуномъ* (172) опъ *короткихъ* дней, по мнѣнію Карамзина. Въ Валахіи и Болгаріи родившійся 25 Декабря обыкновенно называется *Крачунъ* (173). *Корочуновъ камень* упоминается въ началѣ Воскресенской Льпописи. Въ Шелонской пяпинѣ упоминается въ XVII вѣкѣ *Карачунищкій* погоспъ. У Карпашо-Россовъ *Карачунъ* (Хорсъ?) причисляется къ языческимъ божествамъ. Русская поговорка *дать Корочунъ* поже имѣеть значеніе, что къ *Ляду*, п. е. погубишь. — Чехи подъ именемъ *Коледы* разумьютъ бываемое у нихъ около праздника трехъ Царей благословеніе домовъ: опсюда *Kóledovat*, благословляють дома. У Виндійцевъ *Koléda* некогда было божество празднествъ, или некошорые религіозные обряды; а теперь только крестьянскіе мальчишки ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями и плясками: епо называется у нихъ *kolédovati* (174). Описанное Констаншиномъ Багрянороднымъ празднество, или

(172) *Новгор. Лптоп.* л. 1143. „Стояла вся осенина ,дождева опъ Госпожина до Корочуна.“

(173) Библиогр. листы. II. И. Кеппена, 1825, No 12. въ 4.

(174) *Slovénsko-Némshki in Némshko-Slovénsky Kózhni Besédnik.* sloshil A. I. Murko, v Grádzi. 1833. 2 t. 8.

игрище, о коемъ выше сказано, подъ именемъ *то Готдикор*, бывшее на девятыи день Рождества Христова, при вечерней трапезѣ Императора, принадлежишь къ Славянскои Еортологіи; ибо подъ именемъ Готеевъ Византійцы разумѣли иногда народы Славянскаго племени, и оно сходствуесть съ Коледованьемъ и Святочными играми, см. выше. На стр. 52 мы привели изъ Крапцца бывшіе, при Болеславѣ Храбромъ и Генрихѣ II, въ нижней Саксоніи хороводы и пѣсни безчинныя въ навечеріе Рождества Хр. на погоспѣ С. Магна, сходныя съ описаніемъ въ Споглавѣ празднованія навечерія Р. Х. и въ Никон. Лѣтоп. подъ 1068 г. Когда за епо безчиніе и буйство прокляшы были Галбершпадскіе жишели священникомъ: „погда они, пищеть Крапцъ, безпреспанно кружась, верпѣлись (*girabantur жировали?*) день и ночь.“ Богемскій Историкъ Дубравій свидѣтельствуетъ, что Чешскій Князь Брячиславъ (Брепиславъ II), по всшупленіи своемъ на престоль, 1093 г., немедленно изгналъ всѣхъ колдуновъ, предсказателей и оборотней изъ своихъ владѣній; уничтожилъ всѣ суевѣрные обряды и злоупотребленія, кои еще оставались опъ время Язычества; наконецъ повелѣлъ Пражскому Епископу такъ распорядиться, чшобы каждый

священникъ въ праздникъ Рождества Христова посѣщаль своихъ прихожанъ съ св. крестомъ и св. мощами, давая знашь Правительству о шѣхъ, которые не стануть лобзати сію свящину. Набожный обычай епопъ, говоритъ Дубравій, сохранился до нашихъ временъ въ Богеміи, гдѣ слыветъ *Коледою*. Епо сходно съ Малороссійскою *Колядкою* и *Колядованьемъ* (175). — Зеленыя Святки, или Духовъ день, у Слованцевъ и Чеховъ называются *Tugice onъ Тура*, въ честь коего онъ праздновались, у Словаковъ *Letnice*, а у Чеховъ *Swatodubné Swatki*. Карпатно-Россы именуютъ Купало *Русильемъ*, которое празднуется болѣе въ рощахъ. Тотъ же Чешскій Князь Брячиславъ II велѣлъ вырубить всѣ заповѣдныя дубравы, въ кои Чехи собирались по старому обычаю совершати языческіе обряды. Купало, или Ивановъ день подъ собственнымъ, или подъ другими именами, извѣстенъ во всемъ Славянскомъ мірѣ. Сербы говорятъ доселѣ, что *Иван дан* спюль великій праздникъ въ году, что на оный и солнце при крапы отъ страха останавливается на небѣ (176).

(175) Вѣстникъ Европы, 1827, No 21, стр. 75.

(176) Српски ріечник *Бука Стефановича*. Вѣна, 1818, въ 8. *Bernolák Lexicon Slavicum*, VI t. Budac, 1827—27. въ 8.

Купальскіе огни, зажигаемые въ Иванову ночь на Карпашахъ, Судепахъ и Корконосныхъ, между Силезіею и Чехами, представляють великолѣпное и торжественное зрѣлище на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ.

У Чеховъ первый день Марша навываеца ся Letnice, вѣроятно ошь *Летницы*, Славянской Лапоны, или Лепы (*Letho*), *Зенке* Letníckí — нашъ древній *пролѣтній мѣсяць*. Въ Мартъ праздникъ замороженной зимы и возобновляющейся весны, или изгнанія зимы и встрѣчи лѣта, извѣстный у южныхъ Шведовъ и Готтовъ (177), повторяется въ Силезіи и Богеміи; гдѣ Магана значить весну. Вивдійцы именуютъ дни Пасхи: Letnízchki Světki, а Свѣтлое Воскресенье — *Létnice*, Въ Богеміи поютъ тогда :

Gíž nesm smret ze wsy ,

Nové léto do wsi.

(177) По переводу Исторіографа: „Уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто въ весь. Здравствуй, любезная весна и зелень!“ Върнѣ здѣсь: обиліе зеленое. *Карамз. И. Г. Р. ш. I. прим. 232.*

Wjtey léto libezné,
Obiljčko zelene (178).

Семень дѣнь и Бабье лѣто (Babj léto, Раусѣу) извѣстны у Чеховъ и Сербовъ; у первыхъ Рождество Богородицы называеяся Semenná Panna Magia, у другихъ *Бабини дни* значить спѣтъ, идущій въ Мартъ мѣсяць. У Карпатской Руси названіе *Бабинъ морозъ* основывается на сказаніи, что Мароцъ, Мартъ, заморозилъ (окаменилъ) на Полднинѣ (Альпѣ) чародѣйку бабу. Намѣкъ на происхожденіе каменныхъ бабъ на Карпатскихъ Альпахъ.

Въ *Юрьевъ день* (праздникъ Св. Георгія) у Сербовъ рано поушру; до солнечнаго восхода начинаютъ купаться. Епюшь день Спасушомъ Маріи Терезіи (Urbañum; 1791) крестьянину назначенъ срокомъ для перехода ошь одного господина къ другому; какъ бывало на Руси до XVII в.; а день С. Михаила — срокомъ для предварительнаго съ обѣихъ сторонъ объявленія (179). Сербы; Или-

(178) Historia de gentibus septentrionalibus, auth. Oloa magno, Gotho. Antverpiae. 1608. 12.

(179) Путешествіе ошь Тріеста до С.-Петербурга. изд. В. Броневскаго, 2 ч. Москва. 1828. 8.

рѣйцы, Далматы и Черногорцы въ епошѣ день поюшъ молебень на колюдцахъ, и, окропивъ скопъ св. водою, гоняшъ его вербоку въ поле, пакъ какъ бываешъ въ Россіи (180). У Карпатской Руси въ Беретскомъ, Угочскомъ и Унгварскомъ Жупанствахъ въ Венгріи выгоняешъ скопъ въ ночь Юрьева дни на самой зарѣ, съ коего, по ихъ мнѣнію, прекращаешся власпъ вѣдьмъ надъ рогатымъ скопомъ. Опъ Юрьева до Дмитріева дни, полгода, срокъ у Булгаръ, Сербовъ и Турковъ. Въ Булгаріи, въ дни *С. Георгія*, *С. Параскевы* и *С. Архангела Михаила* приносяшъ сѣмъ святымъ въ жертву агнца, коему къ рогамъ прильпивъ по свѣчкѣ и окуривъ его ладаномъ, рѣжушъ его надъ сосудомъ пакъ, чшобы ни капли крови не попало на землю; кровью епой крестообразно мажушъ дѣшей на лбу, щекахъ и бородѣ; попомъ зажаривъ его, съ молишвою съѣдаюшъ, а кости зарываюшъ въ землю. Тоже самое дѣлаешся съ нѣкопорыми перемѣнами въ Сербіи, Босніи, Герцеговинѣ.

(180) Съверн. Архивъ, 1825, No 14, стр. 114, No 15, стр. 221.

По собраніи хлѣба, у Славянъ языческихъ было
 г. широкое шоржество. Въ Арконѣ, первосвященникъ
 вымогъ намануть празднику свѣтлице Чума,
 въ самый день шоржества, взявъ изъ руки
 у Савишовидова чумира рогъ, смолотить, половъ
 ли онъ виномъ, и по етому предсказывать
 будущій урожай хлѣба, и ит. д. Другіе Сла-
 вяне праздновали собраніе хлѣба обреченіемъ
 пшеница въ даръ богамъ и обливаніемъ скоша-
 нивомъ, освященнымъ для предохраненія спадъ
 ошъ болыней. Въ Богеміи славился *Майскій*
праздникъ ишочниковъ. Въ Вагріи дни на-
 раднаго суда были порожь общаго веселія:
 тогда старейшины, подъ сѣнью священныхъ
 дубовъ, въ присутствіи бога Прове, рѣшали
 судьбу согражданъ (181).

У Западныхъ Славянъ погребальные обря-
 ды весьма сходны съ Римскими, въ коихъ
 проявляюсъ глубокое благоговѣніе къ усоп-
 шимъ и вмѣстѣ нравственное чувство,
 какъ испачники омыхъ. Сербская *Zadusni-*
se соотвѣтствуетъ нашей Родительской
 и Радуницъ: у Виндійцевъ поминки назы-
 ваюсъя *Zadusni Obed*. Слово *Strawa* встрѣ-

(181) Карамз. И. Г. Р. I. стр. 100. — *Vommerische*
Kirchenchronik, d. D. Cramerum. zu alt. Stettin. 1603. 4.

чаются во многихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ ; на Чешскомъ *Strawa* значить пища, пираніе, надуподаніе. У Карлапо-Россомъ во всѣхъ Рускихъ Графствахъ Венгріи *strawo* называется съ кушанье на заупокійномъ пиру или поминкахъ (*parastax* оцъ *parásabix*). *Strawa*, по слову Иорнанда, состояла въ великолѣпномъ надгробномъ пиршествѣ, на коемъ плачь и стѣнованіе смѣшивались съ веселіемъ; Карлъ Авинскій производитъ *Strawa*, или *Sdrawa*, отъ Шлирійскаго слова *zdrav*, ошсѹда *zdraviza*, поже что здравіе (182); Чшоже касается до *Тризы*, то слово сіе происходитъ, какъ и выше замѣчено на стр. 27, отъ *терзанія*, какое бывало у Евреевъ и Грековъ (183), или отъ глаг. *trizo* шумлю, крушусь, близкаго съ Чешскимъ *Tryzeň* прудъ, жалость. Она состояла у северныхъ Славянъ въ плачь надъ гробомъ, въ насыпаніи земли надъ могилкою и въ пишьмада. Менкенъ изображаетъ *Тризну* Нимцевъ сходною съ *Тризною* Славянъ: „совершеніи погребенія въ лѣсахъ и поляхъ“, „они по дѣлическому обычаю, дѣлали оцениче-

(182) *Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis*. Halae. 1784. t. I—VI. 8.

(183) *Archaeologia biblica*, red. a *I. Jahn*. ed. 2. Viennae. 1814. 8.

„скія предсавленія на распущіяхъ и черекъ, кресткахъ для упокоенія душъ усопшихъ, на дѣвъ на себя разныхъ личины, играли и потѣшались.“ О признѣ въ XVI. вѣкѣ упоминается въ Слоглавѣ, изъ всего выше приведено нами свидѣтельство. И такъ, по дѣйствию *Тризну* можно производить отъ *терзанія*, по времени, отъ *трехдневнаго* празднованія, а по мѣсицу самому сходствуешь она съ *trivium* распущіемъ, на коемъ и у Римлянъ совершались религиозные обряды (184). Какъ нѣкоторыя племена Славянскія сжигали своихъ усопшихъ по обычаю Индѣйцевъ, Римлянъ и Скандинавовъ: по, вѣроятно, у нихъ слова *Тризна*, *Тризнице* ведутъ свое начало отъ *Зница*, предсавишеля огня, обоготворенной у нихъ стихіи, все очищающей и царствующей надъ стихіями; поему слова *три-Зница* составляютъ и *Тризну* и *Тризнице*. Священный же огонь, на пр. *купальской*, такъ вѣроятно и *тризницный*, добывался *трениемъ* дерева объ дерево. Такое созвучіе въ вѣпвахъ корня *Тризна*, выражающаго сходныя идеи, роднитъ народы, у коихъ существовали еще слово и эпошь обрядъ въ разныхъ видахъ: по сжиганія усопшихъ, по

(184) *Menschen S. Rer. Germ. t. I. p. 207 f.* ср. *Народы* И. Г. Р. т. I. прим. 232; 260.

въ борбахъ въ морцахъ, то въ попойкахъ, то въ сценическихъ представлѣнїяхъ и играхъ въ память убогихъ. *Тризице* и *Тризна* по знаменованію своему сходственны съ *игрищемъ*, съ Греческими *'Αυβύετ*, съ Римскими *certamina*, по изъясненію Лексикона Памвы Берынды: „борбище, мѣстце, гдѣ бывають поединки, воюваніе.“ Такой же смыслъ имѣеть слово *сіе* въ Славянской Библии (185). —

У Сербовъ существуетъ *отмица*, или похищеніе дѣвиць; о подобномъ обычаѣ на Руси Несторъ говоритъ слѣдующее: Радимичи, Вяичи и Свѣріяе „схожахуся на игрици, „и ту умыкаху жены собѣ, с нею же кпо „свѣщаваше.“ (186).

Въ пѣсни Чешской *Забой, Славой и Людов* (Извѣст. Росс. Акад. 1820;) упоминается объ *укладахъ* (вкладахъ) на города, кои соспавляли духовный сборъ или дань, *божничье*, собиравшееся и въ Новгородѣ Князьями, подобно воспощной десятины у Славенъ въ Щепинѣ (Шпештинѣ) на Одрѣ, добычамъ храмовъ въ Арконѣ у Раповцевъ, въ Радогощѣ у Сырбовъ; пѣмъ поющъ, по свидѣтельству Ходаковского:

(185) *Макк. II, 18*: Бывши же пятольстному *Тризицу* въ Турѣ и пр. *Nase Griech. Alterth.* — 1818. г.

(186) Лѣтопись Несторова, по Лаврентьевскому списку. Москва 1824, въ 4.

И дань покорить боговомъ ,
 И гнано боговомъ спасаемъ ,
 Дашь множеству обити :
 Ай имъ гласить милыхъ словъ
 И имъ оружье побить враговъ .

Наши хороводы, называемые по Славянски *колами*, т. е. кругами, въ употребленіи у Морлаковъ и Далматовъ (187): такія шочно пляски изображены рѣзбою на гробницахъ въ Захлумской землѣ (въ Герцеговинѣ). Въ Богеміи, между прочими играми, встрѣчается совершенно сходная съ нашими *Жмурками* *Z'múrka*, *Zmúrki*, или *slera Baba*: отсюда и выраженіе: *Na sleri Babu* (на *Zmúrki*,) *sa hrat*, играть въ Жмурки, прыпашься въ игрѣ. Изъ сравненія старинныхъ пѣсень Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянъ съ Рускими можно вывести общія имъ коренныя идеи, подъ разнообразнымъ покроемъ. Въ свадебныхъ обрядахъ и жипейскихъ праздникахъ у Закарпатскихъ и Задунайскихъ Славянъ проявляются слѣды Язычества, во многомъ сходные съ Рускими, кромѣ различій, происшедшихъ отъ мѣстности,

(187) *Podróże w Krajach Sławiańskich odbywane w Latach 1802 i 3 roku przez X. S. (Cautra). Warszawa, 1811. w 8.*

духа ихъ и вліянія соудственныя, разно-
племенныхъ съ ними народовъ. Съ ихъ вѣро-
ваніями и нравами соединено было госпе-
пріимство, какъ отличительная черта, про-
веденная въ ихъ характеръ патриархальными
временами. У нѣкоторыхъ Славянскихъ пле-
менъ, какъ-то у Морлаковъ, дружба между осо-
бами того и другаго пола освящается вѣрою
и обычаемъ подъ именемъ *побратимовъ* и *по-
сестримъ*. Кровавое право меспи у Морлаковъ
произвело пословицу: *Ко се не осяти, онъ
се не посвятити*, т. е. кто за себя не оспмспитъ,
попъ не посвящится (188).

Издвеле Славяне, живши среди Герман-
скихъ племенъ, и тогда превышая ихъ своею
многочисленностію, мѣнялись съ ними по-
вѣрїями и понятїями. Не смотря на поли-
тическія отношенїя шѣхъ и другихъ, пер-
вые дѣйствовали на послѣднихъ большин-
ствомъ голосовъ. Нерѣдко случалось, что
мнѣя Славянскіе, подобно словамъ, объѣме-
чивались, такъ что божества и суевѣрїя,
слывущія у Западныхъ писателей *Нѣмецкими*,
собственно Славянскія. Аделунгъ въ Испоріи

(188). Соревнователь просвѣщенїя и благошворенїя.
Сиб. 1816. No 10.

Нѣмецкаго языка говорить, что Славяне въ Мейсенѣ и вообще въ Саксоніи смѣшались и превратились въ Нѣмцевъ, сообщивъ языку сихъ послѣднихъ нѣкоторыя свойства и слова своего языка. Такъ вѣроятно Финскія племена превратились въ Рускія или Норманскія.

Какъ на Югѣ и Западѣ у Славянъ болѣе, чѣмъ на Сѣверѣ и Востока развилась гражданственность, развѣла жизнь народная, а съ нею вѣрованія и преданія: нѣе память полнѣе образовалось богоученіе, многочисленнѣе и торжественнѣе совершаемы были священныя обряды, праздники религіозныя и житейскія и игрища: зодчество, ваяніе и живопись содѣйствовали къ распространенію идей Славянскаго Язычества, коего памятники, найденныя въ Ретрѣ, Шверинѣ, Ней-Сперлицѣ, Штетинѣ, Волгитѣ, Ругенѣ (188), Мекленбургѣ, доселѣ сохраняются. Народныя вѣрованія, находясь въ тѣсной связи съ жизнью гражданскою и домашнею, проникнули бысть и бытіе народа, такъ что Христіанское ученіе долго не могло истребить пер-

(188) Библиогр. листы П. И. Кеттена. Спб. 1825. 4.

(189) L. A. Gebhard's Geschichte aller Wendisch-Slavischen Staten, Halle. 1790, 97. 4 B. 4.

вья. Померане, въ XII вѣкѣ изъясняли же-
 ние поклоняться старымъ божкамъ своимъ и І.
 Хрісту; Чехи (894—967) приняти вѣру Хри-
 стианскую, доушались обратиться къ Языче-
 ству (190). На Сѣверѣ у Рускихъ Славянъ скуд-
 нѣе была природа и жизнь народная, скуднѣе
 Мифологія и Еорпология, чѣмъ на Югѣ, такъ
 что не извѣстны были храмы и капища, за-
 мѣняемые сѣнью дубравъ заповѣдныхъ и сте-
 мянсмъ горъ поклонныхъ. Немногіе отече-
 ственные боги перенесены къ ленами пе-
 реселенцами на новыя мѣста, гдѣ они могли
 смѣшаться съ груземными спарожками, или
 они нѣхъ заимствованы цѣлыи свои.

Три стихійныя имена Руси отъ огня,
 земли и воды: *красной*, *черной* и *бѣлой*, по-
 видимому, соотвѣтствуютъ *Перуну*, *Черно-*
богу и *Бѣль-богу*. Древніе Руссы, замѣчаятъ
 Еверсь, въ географическомъ и этнографиче-
 скомъ отношеніяхъ обыкновенно называли
 первобытное *бѣлымъ*, а измѣнившееся, про-
 изводное — *чернымъ*, первымъ также сво-
 бодное, другимъ рабское. Въ эпоху прехристіан-
 ной Руси донынѣ оспались болѣе или мене

(190) Исторія Рускаго народа, Н. Полеваго, М.
 т. I, 1829, 8.

замѣтные слѣды Славянскаго Язычества въ обрядахъ и обычаяхъ, въ праздникахъ и суевѣрїяхъ, въ проспонародныхъ пѣсняхъ и пословицахъ (191); самыя названія урочищъ, рѣкъ и лѣсовъ, дравъ и цвѣшовъ и пѣть небесныхъ напоминающъ о древнихъ мѣстахъ и символахъ.

Идея о красномъ, русомъ, черномъ есть господствующая въ Славяно-Рускомъ мїрѣ, гдѣ многіе предметы чувственныя и опьяченныя опличены симъ цвѣшомъ народнымъ. Червенная или красная Русь, или какъ жили оной называющъ, твердая Русь, содержишь въ себѣ Русаковъ отъ Вислы на Боспокъ до Синяго (Чернаго) моря; красивая по своему мѣспоположенію, она была однимъ изъ главныхъ разсадниковъ Славянорускаго богоученія и богослуженія, откуда онѣ распространились на Западъ и на Востокъ Россіи, копорая владѣла еще въ X вѣкѣ Червенскими городами, когда В. К. Владиміръ собралъ седмерицу боговъ въ Кіевѣ, соспоявшемъ подъ однимъ владѣніемъ съ Галичемъ. Хотя она переходила изъ рукъ въ руки отъ Рускихъ къ Венграмъ и отъ нихъ къ Полякамъ, а отъ сихъ послѣднихъ

(191) Предварительныя критическія изслѣдованія Г. Евенса для Росс. Исторіи. М. изд. I. 1825. 8.

къ Нѣмцамъ, однако доселѣ сохранили свою
самобытность въ языкѣ, обычаяхъ и повѣрьяхъ.
Въ Галиціи почти тѣ же мѣны, что и въ
Малороссіи. Вѣроятно и *Перунъ*, символъ огня,
происходящій отъ Чешскаго слова *Přepel*,
красноша, багръ, цвѣтъ огня, перенесенъ
вмѣстѣ съ *Ладою* и *Русалками* (192) изъ
Червенной Руси на Днѣпръ и Волховъ, такъ
равно отсюда перешло на Сѣверо-востокъ
Россіи повѣрье и названіе *красныхъ, черво-*
ныхъ и лысыхъ горокъ; въ Богеміи извѣстны
въ городкѣ Берунскѣ *Krásná hora*, въ Венгріи
мѣстечко и городъ *Krásna hora* (*Schönberg*). Подъ
именемъ *жалей* находятся въ Галиціи, Ло-
домиріи и Венгріи *жалыники*, кои почитаются
за языческія кладбища. Въ Намоканонѣ, издан-
номъ во Львовѣ, 1646 г., въ 4, приводятся въ
первый разъ *Купала* и *Русалки*. Мѣны о *Вол-*
колакахъ и *Оборотняхъ* во всемъ сходны съ
преданіями жителей Липвы и Волыни.

Черная Русь, между Припечью, Пиною и
Сыршью, состоя изъ воеводства Новогрудскаго
и повѣповъ Минскаго воеводства Мозырскаго и

(192) Отъ *Ладо* произошли многія названія мѣстъ:
Ладога, Ладомирія и т. д. У Чеховъ Рѣка *Лада*
прекрасная дѣвица.

Рѣчицкаго, по смежности своей съ Червонною, представляющъ многіе мѣны, обычаи и повѣрья, сходныя съ Краснорусскими и Волынскими. Въ божествахъ Языческа заключаются идеи внѣшней и внутренней жизни жинелей той и другой стороны, ихъ мѣстности, и климата, обильнаго черными лѣсами и полями болѣхами. Тамъ *Купало*, или *Купайло*, и *Коледа* (Риздво) воспѣваются въ пѣсняхъ, сопровождаемыхъ первое — раскладываніемъ въ полѣ огня и плясками ночными, а другая — пѣснями и гаданіями: колядажки шашь именующіяся *Лалымниками*. Въ *Новый годъ* (Новый рокъ), шакъ какъ въ Малороссіи, дѣти ходящъ по домамъ поздравляющъ господъ и обсыпающъ ихъ зернами пшеницы и *жита*, особливо *горохомъ*. Игрище называется *статомъ*, какъ въ Липвѣ и Польшѣ; *Купало*, игра, извѣстна на Украинѣ, Подольи и Волынѣ; шашь въ Ивановъ день; по захожденіи солнца, собирающа дѣвицы въ одно мѣсто съ вербою, убранною цвѣтами, копорую вшыкающъ въ землю. Около этого дерева, сльвущаго у нихъ *Купайло*, онѣ ходящъ, схвапясь руку за руку и поющъ жалобныя пѣсни въ честь *Купайла*. Послѣ нѣкотораго времени, холостые, споящіе въ споровѣ, бросающа, уносящъ и разрывающъ вербу, защищаемую дѣвицами, и

пшѣмъ оканчивающа епопш обрядъ. Въ Подольской г. около Межибожья поселане на играхъ въ день Пасхи поюпш о Царевнѣ Ладѣ, а подѣ Бреспомѣ Липовскимъ о Королевнѣ Ладѣ (193). Въ Минской г. въ округѣ мѣстечка Юрѣвляи двѣнцы пляшупш на игрищахъ во всю Свѣцкую ведѣлю шанецъ Метелицу и Завѣйнацу. Въ Юрѣевъ день, или такъ называемая обѣднѣ, въ Минской г. свѣщупш хлѣбъ: шамъ же Борисо - Глѣбскій праздникъ извѣстень подѣ именемъ Паликона, сожигающаго хлѣбъ въ полѣ у пшѣхъ, кто работашетъ въ епопш день, соопвѣтспвующій Малороссійскому Палелѣ, или С. Паншелеймону. Проводами у нихъ называешся всѣ недѣли послѣ Свѣцлага Воскресенія, копорую они пронодяпш въ пшанснѣ, подобно Запуспамъ (194). Въ Черной Руси, на Волинѣ и Подолѣ празднуешся день основанія церквей (празники) угощеніемъ посѣпшпшелей изъ сосѣднихъ деревень, и разными весельями. Каждая церковь, однажды въ годъ, для своего праздника варипш медъ съ прянными кореньями, продаваемый опш нея поселанамъ.

(193) Сѣверн. Архивъ, 1824; No 3 и 4.

(194) Записки Профессора И. Н. Лобойки.

Въ Черной и Бѣлой Руси, совершаюп-ся *меньше* и *больше* *Осенины*, или *Дѣды*, къ коимъ присоединить должно *Прикладины*, или *окладываніе* *могилокъ* *дерномъ*, которое сопровождается служеніемъ *паннихидъ*, *попойкою*, *гуляньемъ* и *музыкою*. Изъ *земледѣльческихъ* *праздниковъ* также *извѣстны*, какъ и въ *Липвѣ*, *Дождики*, кои *отправляются* во всякой *деревнѣ* по *окончаніи* *жашвы* *житя* и *пшеницы*, а *послѣ* *посѣва*, *До-стыки*; при *этомъ* *случаѣ* *господинъ* *угощаетъ* *кресстьянъ* *своихъ*, которые *проводятъ* *цѣ-лую* *ночь* въ *пѣніи* и *пляскѣ*.

Въ *свадебныхъ*, *родильныхъ*, *именинныхъ* и *похоронныхъ* *обрядахъ* *видны* еще *слѣды* *Языческаго* и *кореннаго* *суевѣрія*, кои *срод-нились* съ *ихъ* *бытомъ*.

Бѣлая Русь, состоявшая изъ *воеводствъ* *Минскаго*, *Полоцкаго*, *Мстиславскаго*, *Ви-пебскаго* и *Смоленскаго*, *представляетъ* *мно-жество* *повѣрій* и *обычаевъ*, *похожихъ* на *Липовскія* и *Польскія*, коиъ она *была* *про-водникомъ* въ *Великую* *Россію*. Тамъ *мно-гія* *урочища* *напоминаютъ* *своими* *именами* *Славяно - Рускія* *божества* (195) и *обряды*

(195) на пр: *Піорунowo* въ *Полоцкомъ* *повѣсть* при *озерѣ* *Щещилнемъ*.

Язычества, какіе проявляюся въ народныхъ праздникахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ, пословицахъ и сказаніяхъ, въ коихъ выразилъя неизгладимыми чертами древній бытъ народный съ его коренными идеями. Какъ вѣрованіе и языкъ служатъ единственною связью между единоплеменными народами, такъ равно и сходныя проявленія того и другаго въ праздникахъ религіозныхъ и жишейскихъ служатъ доказательствомъ единства ихъ происхожденія.

Въ Бѣло-Русси встрѣчаются многіе одинаковыя съ Малороссійскими и Великороссійскими праздники и обычаи народные, кромѣ особенныхъ, на коихъ оппечатались мѣспносность, климатъ и духъ туземцевъ (196). Хопя народъ Бѣлорускій имѣетъ глубокое уваженіе къ св. Вѣрѣ; однако въ немъ господствуютъ мнѣнія міѳологическія: онъ вѣритъ *Русалкамъ*, *Хльвинкамъ*, или домовымъ, *Волколакамъ*, или оборотнямъ (197), присуш-

(196) Сѣверн. Архивъ, 1822, No 24.

(197) О подобныхъ превращеніяхъ въ *Потребникъ мірскомъ*, М. 1630 г. пишется: „И есть же иная злая волхвованія, яже в веляцѣй Россіи, оно убо звѣрски рыкаши шворятъ, яко же медвѣдь и волкъ, і инъ скопски всяко и ппическими гласы и песьми мучишися“ и пр.

снвию злыхъ духовъ на мельницахъ; въ баняхъ и пусныхъ жилищахъ. *Купало*, новѣспное во всей Южной Россіи до самыхъ горъ Карпатскихъ и рѣкъ Сѣва, повторяется также въ Бѣлорусіи и на Западъ къ Райгороду на предѣлахъ Пруссіи. (198).

Годовые церковные праздники въ Бѣлой Русіи, какъ-то: Рождество Христово и Богоматери, Пасха, или *Великъ день*, Троицынъ день, Успеніе Богоматери, С. Іованна Предтечи (24 Іюня), Борисъ и Глѣба и пр., сопровождаются такимижъ почти обрядами и играми у простолыдиновъ; какіе найдемъ въ Великой и Малой Россіи. Праздникъ Срѣшенія Господня въ Бѣлоруссіи называется *Громницею*, Успеніе Богоматери — *большою Пречистою*, Рождество Богородицы — *малою Пречистою*, или первое — *Госпожею*, второе — *Госпожкою*, С. Борисъ и Глѣбъ — *Паликопомъ*. см. сир. 95. День, предшесствующій Рождеству Хр., слыветъ *Коледою*, копорая естъ *Васильева*, или *богатая*, наканунѣ Новаго года, и *крещенская*, или *постная*, на канунѣ Богоявленія.

(198) *Исторія Малой Россіи Д. Н. Бантъишъ-Каменискаго*, ч. 2. Москва, 1830. 8.

У проспаго народа праздникъ Рождества Христова починается первымъ изъ годовыхъ; съ него онъ ведется начало года въ разныхъ условіяхъ. О Святой недѣль поютъ пѣнь называемыя великоденіея пѣсни съ музыкаю; ходя по домамъ ночью подъ окнами вапагами, кои именуются *Волочесниками*, а предводитель изъ нихъ запѣваю: — *Починальникомъ*. Они первую пѣснь обращаютъ къ хозяину и хозяйкѣ, представляя благоразумное ихъ домо-спросишельство, обидѣ и благоданъ Божію; упоминаютъ, что Святой Юрій записаетъ ихъ коростъ, Святой Николай коней, Св. Милъ записываетъ жинцо, Пречистая Мать вѣсповестъ, а Покровъ собираетъ в. ш. д. После великой спрофы припѣваюць Христовъ воскресе! Въ Бѣлоруссіи, такъ какъ и въ Болгаріи, зарывають въ землю на полѣхъ востмъ ягненка, освященнаго на Пасху, въ шой вѣрѣ, что онъ предохраняють засѣянный хлѣбъ отъ града. После проводной недѣли, во вторникъ на кладбищѣ совершается *Радуница*, сопровождаема причитаньемъ, пиршествомъ и капаньемъ яицъ на могилахъ, на кои иногда дѣлаются возлянія виномъ и водкою изъ рюмокъ. Юрьевъ день весенній въ Бѣлоруссіи естъ праздникъ паспуховъ, которые выгоняють скопъ вервбою на Юрьеву росу; а *Николинъ день* весенній праздникъ

конюховъ , которые тогда вечеромъ ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь гуляютъ. Последнимъ весеннимъ праздникомъ почитается *Троицынъ день* , въ который жители украшаютъ свои дома *Маемъ* , а паспущки вѣнки на рога у коровъ. На ешой недѣль , сльвущей шамъ *Разгарю* , завивающъ вѣнки съ пѣсней :

Русалочки , земляночки ,
На дубъ лезли , кору грызли ,
Звалилися , забилися.

Тройца.

Развивъ вѣнки , бросающъ ихъ въ воду , для гаданія о судьбѣ своей , съ пѣсней :

На Тройцу мы вѣнки завили ,
На разгары развили ,
Горьлочку попили
И якню поѣли (199).

Изъ лѣтнихъ праздниковъ примѣчательнѣйшій Рождество С. Іоанна Крестителя ; тогда носятъ въ церковь правы и цвѣты для освященія. Недѣля , предшесльвующая сему празднику , называется *Русальнойю* ; въ

(199) Gry i zabawy różnych stanów, p. L. Gołębowskiego. w Warszawie, 1831. 8.

Купальскую ночь въ нѣкошорыхъ мѣспяхъ собираюшя въ поле при зажженныхъ косшрахъ пѣшь купальныя пѣсни, какъ и въ другихъ обласпяхъ Россіи: пѣже шамъ повѣрья о Русалкахъ и о кладахъ.

Между Ивановымъ и Пешровымъ днемъ на Бѣлой Руси разыгрываются навозныя толоки.

Изъ осеннихъ праздниковъ главнѣе всѣхъ *Спасъ*, съ коего начинаешя шоржеспвенно посѣвъ, хопя Бѣлорусцы считающъ осень обыкновенно съ Ильина дни, по ихъ пословицѣ: *На Илью, до обѣда льто, а послѣ обѣда осень.*

Важнѣйшимъ и въ каждое время года обыкновеннымъ увеселеніемъ проспаго народа сущъ *Игрища*, на кои онъ собираешя по шинкамъ въ праздники. Какъ въ Черной, шакъ и въ Бѣлой Россіи, по случаю приходскихъ праздниковъ ошправляютя *Кермаши*, соединенныя съ угощеніемъ и весельями. Когда же почешные прихожане хопяшъ почпишъ складчиной праздникъ какого либо свашаго: ешо называется *Братчиной*, коишъ собспвенно двѣ: *Михайловская* и *Никольская*. Братшики на свои издержки приготавлиющъ большую свѣчу къ празднику, поющъ молебень и дѣлающъ угощеніе. Братчины, часшо упоминаемыя въ монастырскихъ грамопахъ

до XVII в. (200), бывали городскія и сельскія : нерѣдко совершались на погоспахъ, какъ видно изъ Двинской грамопы Царя Іоанна Васильевича. Онѣ отправляются болѣе осенью, шакъ какъ свадьбы, большія и меньшія Осенины, или поминки; Окладыны. Ежели къ упомянутымъ здѣсь праздникамъ Бѣлорусскимъ прибавить освященіе полей, хлѣвовъ и гуменъ, веселья во время *Талокъ, Обжинокъ, Запашекъ, Увозокъ* и пр.; по числу общественныхъ и домашнихъ праздниковъ въ Бѣлоруссіи покажется слишкомъ значительнымъ (201).

(200) Исторія Росс. Іерархіи. ч. I—VI.

(201) О Бѣлоруссахъ Патріархъ Филаретъ въ указѣ своемъ пишетъ слѣд: „Егда убо быхъ в. Польскомъ и Липовскомъ Государствѣ, и многая в нихъ видѣ несогласія церковная, в самѣхъ шѣхъ Хрістіанехъ, яже суть Бѣлорусція в нихъ нарицающіяся. — И во единомъ убо дому у нихъ у отца с дѣтьми и у мужа с женою и у господина с рабы, вѣры при или чешыре: и овъ держитъ в нихъ вѣру Хрістіанскую, инъ же Папешскую, і инъ Люторскую, и инъ Калвинскую, і инъ Новокрещенскую, и иже Сасскую, і инъ Аріанскую. И вкупѣ убо на единой прапезѣ ѣдятъ и піють и бракомъ совокупающіяся, а иніи вкупѣ и молитву шворятъ“. *Книга глаголемая Потребникъ мірской. М. 1639. в. л.*

Хотя югозападная половина Руси въ XIV вѣкѣ присоединена была къ Польшѣ вмѣстѣ съ Липвою; однако она удержала въ недрахъ своихъ много кореннаго, самобытнаго, отъ коего отличаетсѣ чужеземная примѣсь, какъ насыпь отъ машерика. Сколько тамъ ни изглаживалась народность Татарами, Липвою и Польшею; однако она всегда пробивалась изъ самыхъ развалинъ и снова прозябала на почвѣ родной, какъ сродное ей распеніе. Малороссія, гдѣ съ началомъ общежитія возникли многія повѣрья, обряды и обычаи, воспитала первыя спихи нашего опечесства; пробудила жизнь гражданскую и на нашемъ Сѣверѣ. Когдажъ, въ XVII вѣкѣ, снова присоединилась она къ Великой Россіи: тогда нравственное общеніе сдѣлалось ближе и живѣе (202). Благораспоренный воздухъ, чистое небо, приволье цвѣщущихъ полей и луговъ, веселые лѣса иленовые, шополевые и дубовые съ плодовишными деревьями, приятнѣе возбуждали фанпазію народа, но природѣ безпечнаго и гульливаго, родили многіе мисы,

(202) Пущевыя записки *Вадима* (Пассека). Москва. 1834. въ 8. — Журналь Министерства народн. просвѣщенія, Спб. 1836, Іюнь.

вдохнули пѣсни, въ коихъ разыгрывается душа Малороссіянина. Оспашки Украинской Миродлогіи сохранились въ мѣстныхъ и обрядовыхъ пѣсняхъ (думахъ), къ коимъ можно причислить и Слово о полку Игоревѣ, въ сказкахъ и поговоркахъ, праздникахъ и обычаяхъ. Въ первыхъ упоминаются древнія языческія божества, какъ-то: *Бѣль-богъ, Черно-богъ, Стри-богъ* (203), *Сыльный-богъ, Коляда, Купало, Дажь-богъ, Ладо, Турь, Лело, Полелѣ, Марана, Дивъ* (204), *Злота - Баба* и пр. Онѣ переносятъ насъ на какое нибудь древнее городище или на берега Дуная, съ вѣнкомъ въ рукахъ, или къ священному огню купальскому, или въ шаманскій мракъ лѣсовъ дремучихъ и т. д. (205). Въ мѣстныхъ сказкахъ главные дѣйствующія лица: *бисы, водяные, льщія, мавки,*

(203) Ученныя записки И. М. У. ч. VI, 1834 г. No 4, спашья: Взглядъ на памятники Украинской народной поэзіи, соч. И. Срезневскаго.

(204) *Дивъ* на Польскомъ *Dziw dиво, диво, чудище*. Въ No 7 Библиогр. листовъ, на стр. 88: *Овъ Дыю жретъ, а други Диви*.

(205) *Стри-богъ, Дажь-богъ* и *Велесъ* упоминаются въ Игоревой пѣсни — вѣроятно, произведеніи южнаго края Россіи. Боянь пѣвецъ называется *внукомъ Велесовымъ*, вѣтры — *Стрибожими внуками*. Слово *внуки* (перотез) употребляется вмѣсто *попомковъ, отраслей*. см. *Virgilii Aen. v. 682, 757, 787.*

русалки, вѣдьмы, вѣдьмаки, великаны, злыи и ш. д. Въ Украинѣ также между злыми духами естъ *Рарашекъ*, кошпорый находится у Словаковъ и Чеховъ; объ немъ естъ и поговарка: *сердитъ какъ Рарашекъ*. Вообще можно сказать, что въ Малороссіи болѣе сохранилось миеовъ, чѣмъ въ Польшѣ.

Изъ Малороссійскихъ народныхъ праздниковъ и суевѣрныхъ обрядовъ одни сходны съ Великороссійскими по названію, а другія по содержанію своему; нѣкопорые изъ нихъ мѣстныя, болѣе похожіе на западныя; иныя соединены съ различными повѣрьями и увеселеніями и извѣсны подъ особенными именами.

Празднованіе *Коледы* и *Купалы* въ Малороссіи сопровождается обрядами, во многихъ опличными опъ Велико Россійскихъ. Въ самый праздникъ Рождества Христова, до обѣдни, дѣти ходящъ по домамъ *вѣршувать*, ш. е. говорятъ по здравительныя стихи, обыкновенно сочиняемыя дѣтками (206), носящъ *звѣзды*, родъ фонарей, и *вертены*, родъ маріонешокъ. Въ *богатый вечеръ*, на канунъ Новаго года, холоспыя мушны ходящъ по дворамъ *зажисочныхъ* подъ окна *щѣдровать*, ш. е. выпрашиваютъ пироговъ, кишекъ, куски сала свиного и ш. д. Въ Новѣй годъ, предъ (206) Малороссійскія пѣсни, изд. М. Максимовичемъ, Москва. 1827 г. 16.

обѣднею, мальчишки ходящѣ по дворянъ съ разными сѣменами въ рукавицѣ или мѣшечкѣ, кои они разсыпающѣ въ хапахъ, приговаривая: *На счастье, на здоровье, на новое лето, роди, Боже, жито, пшеницу и всяку пашницю* (207)! Они шакже поющѣ посыпальную пѣсню:

Ходишь Илья
 На Ваецля,
 Носишь пугу
 Житяную,
 Дѣ замахве —
 Жито росте,
 Роди, Боже!
 Жито, пшеницю,
 Всяку пашницю;
 У полѣ ядро,
 А въ домѣ добро! —

Такое Колдованье продолжается опѣ Рождества Христова до Щедрованья. Маркевичъ въ запискахъ своихъ о Малороссіи ссылается на старинную пѣснь Украинскую, въ коей за каждымъ стихомъ повторялось: *Славенъ еси, Коледо, нашъ милый боже!* Пѣсня сія, о коей упо-

(207) Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. ч. 2. Москва. 1830. 8.

минаешь сочинитель Синописа, была известна въ Украинѣ еще за тридцать лѣтъ и донныя. Въ Махновскомъ уездѣ (повѣсть) Кіевской и даже Полтавской Губерніи, шавъ какъ и въ Бѣлоруссіи, нарядивъ вола, коня, козла и барава, вводящъ на Новый годъ въ горницу къ помѣщику и говорящъ ему привѣтствіе, на которое онъ отвѣчаетъ угощеніемъ.

О *Купалѣ* упоминаетъ первый Гизель въ своемъ Синописѣ, изданномъ въ Кіевѣ, 1679 г. Въ Иллирійскомъ Словарѣ Іос. Вольшиджи *Купало* объясняется купелью, по Польски *karpiel*. Гизель шакъ описываетъ сіе игрище; „Пяшый идоль Купало, егоже бога плодоть „земныхъ быти мяху, и ему прелестію „бѣсовскою омраченніи благодаренія и жертвы „въ началѣ жнивъ приношаху. Тогожде Ку- „пала бога, или испинитѣ бѣса, и досетъ по „пѣкнмъ спранамъ Россійскимъ еще память „держипся; наипаче же въ навечеріи Рожде- „ства Св. Іоанна Крестителя, собравшея „въ вечеру юноши, мужеска, дѣвическа и „женска полу, содѣшають себѣ вѣнцы отъ „зелія нѣкоего, и возлагають на главу и „опаютъ ими. Еще же на помѣ бѣсов- „скомъ игралицы кладуть и огонь, и окрестъ „его емшеся за руцѣ, нечестиво ходящъ и „скачущъ, и пѣсни поють, сквернаго Купала

„часто повпоряюще и чрезъ огонь преска-
 „чуще, самыхъ себе пому же бѣсу Купалѣ
 „въ жершву приносящъ.“ Подобнымъ обра-
 зомъ описывается Купало у С. Димитрія Ро-
 сѣдовскаго въ Чешьѣ Миней. Въ Махновскомъ
 повѣстѣ, сходно съ Чернорусцами и Бѣлорус-
 цами, дѣвушки вечеромъ закапываютъ въ
 землю дерево, украшенное вѣнками подъ име-
 немъ *Купалы* и зажигаютъ огни съ пѣніемъ.
 Близъ города Бѣлицы на Днѣпрѣ, въ Гомлѣ
 тогда поютъ :

У Пана Ивана посередѣ двора

Спояла верба,

На вербѣ горѣли свѣчи.

Съ той вербы капля упала,

Озеро спало :

Въ озерѣ самъ богъ купался

Съ дѣшками, судѣшками.

Въ Малороссіи, на канунъ сего праздни-
 ка, молодые люди обоюго пола купающа въ
 рѣкахъ до заходженія солнца, въ сумерки, по-
 томъ раскладываютъ огонь на выгонахъ, на
 полянахъ, въ садахъ, и попарно, держась
 рука объ руку, перепрыгиваютъ черезъ огонь.
 Если во время перепрыгиванія руки не разо-
 дутся: это означаетъ, что эта пара сово-
 купится бракомъ. Подобно какъ на Карпатнахъ и

Судепахъ, молодежь препоясавшись цвѣтными перевязями и надѣвъ на головы вѣнки изъ цвѣшковъ и шравъ благовонныхъ, соспалляють вокругъ огня хороводы съ пѣснями въ честь Купалы (208).

Веснянка въ Малороссіи естъ оспапокъ *Мараны*, забытый въ Польшѣ и неизвѣстный въ Великой Россіи, гдѣ впрочемъ во многихъ мѣстахъ кличуть, или закликають, весну. Въ Слободско-Украинской Г. дѣвки пляшуть съ пѣснями въ Семикъ и Купалу вокругъ *Марены* — чучелы изъ черноклена, одѣтаго въ женское платье. Въ Украинѣ дѣпи, нося въ рукахъ ласпочку, сдѣланную изъ дерева, ходящъ изъ дому въ домъ славишь весну (219). Пѣсни же называются *веснянками*; ихъ поють дѣвушки, собираясь по вечерамъ, съ того времени, какъ запоешь овсянка, до Троицы. Въ Черниговской г. *веснянки* начинаются съ Благовѣщенья.

Что въ Великой и Бѣлой Россіи извѣстно подъ именемъ *Радуницы*, то въ Малороссіи называется *Гробками*, кои продолжаются

(208) Опытъ крашкого повѣствованія о древностяхъ Хрістіанскихъ; собрано Протоіереемъ *Іоанномъ Кутеповымъ*. Москва. 1814. въ 12.

(209) Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ, изд. *Н. Гипдича*. Спб. 1825. въ 8.

при дни, опъ понедѣльника до среды Оуминой недѣли. Тогда приносятъ на могилки родипельскія всякаго рода кушанье (*страву*) и яицы, кои шамъ капаятъ до Юрьева дни. Поминки, или *проводы*, сопровождаются полойками при церквахъ и пѣснями. Въ Махновскомъ уѣздѣ епопъ праздникъ извѣстенъ подь именемъ *бабскагъ*.

Троицкая недѣля во всей Малороссіи именуется *зеленою*, *клевальною* опъ *клеванья*, или *Мая* (210), щ. е. зеленыхъ вѣшвей, *Зелеными святками*, а въ древности *Русальною* (211). Около Спародуба епа седмица слыветъ *Греною*, пѣсни — *гренухами*, или *гренушками*. Въ Малороссіи Духовымъ днемъ называется Воскресенье, что у насъ Троица, а Троицынымъ днемъ — слѣдующій за нею понедѣльникъ, въ копорый у насъ празднуется Духовъ день. Въ Черниговской г. въ Новгородѣ Сѣверскомъ еспъ уважаемый народомъ родникъ *Заручейская криница*, или *Сухомлинская*, иначе родникъ *Ярославовъ*, выпадающій въ Десну;

(210) Въ Люцерономъ переводѣ Библии, III кн. Моисеевой, 23, ст. 44; *Schmückt das Fest mit Mayen* (вѣшьями древа).

(211) *Карамз.* II. Г. Р. ч. I, прим. 210, II. прим. 115. III, прим. 10, 44, 89.

на срубъ етой криницы, на разсвѣтъ въ Зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ *Криницы*, прекрасныя дѣвицы съ русыми волосами, кои онѣ расчесываютъ. Сии *Криницы* суть *Русалки*, кои по названію своему отъ криницы, или *ручья*, и отъ *русла*, ложа рѣчнаго, предспавляютъ одинакія понятія (212), подтверждая свидѣтельства, выше приведенныя нами изъ Стварянской рукописи XI вѣка, что „рѣки назывались богини и звѣри, живущіе въ нихъ, почитаемы были богами, коимъ приносились пребы.“ — Огни, видимыя на многихъ древнихъ курганахъ по сѣвернымъ берегамъ Чернаго моря, по мнѣнію суевѣрныхъ поселенъ, разводятся Днѣпровскими *Русалками*, чшобы привѣстнымъ свѣсомъ заманить странниковъ къ крупизнамъ и низвергнуть ихъ въ пучины Днѣпровскія (213). Въ одной старой пѣснѣ *Русалка* загадываетъ загадку: *Ой цъ росте безъ кореня?* — и сама разгадываетъ подобно Линнею: *Камень росте безъ кореня.* Вообще Украинцы думаютъ, будто въ *Русалокъ*, или *Мавокъ*, превращаются дѣти, умершія

(212) Ощечественныя записки П. С. Слб. 1828, Апрель.

(213) Одесскій Альманахъ. Одесса. 1831. 12.

безъ крещенія; и будто злые духи похищаютъ души сихъ младенцевъ, давая имъ свободу являться только въ день Сошествія Св. Духа и въ Троицынъ. Такихъ младенцевъ хороняшъ въ Кіевской г. въ Махновскомъ повѣстѣ подъ фпгурою (кресномъ) на раздорожіи (перекресткѣ). По народному мнѣнію, души ихъ черезъ семь лѣтъ уносятся на воздухъ и просятъ себѣ крещенія при разѣ. Если кто услышитъ ешопъ зовъ и подаспъ имъ св. крещеніе, говоря: *Я тебя крещая Иванъ и Марья во имя Отца и Сына и Святаго Духа*; тогда сн души возьмутся Ангелами; а въ прошивномъ случаѣ дьяволами. По сказаніямъ суевѣрныхъ поселянъ, въ глубокую полночь Мавки о Троицынъ двѣ бѣгають по берегамъ рѣкъ и озеръ, поють, хохочуть, хлопають въ ладоши и мякають на подобіе кошекъ: опъ чего онѣ и получили свое названіе. Въ *Клепальную субботу* на-канунъ Духова дня, бѣгая по ржи, они бьютъ въ ладоши и кричатъ: *Бухъ, бухъ! соломенный духъ! мене мати народила, некрещену положила*. Въ *Горобинья* (воробинья) ночи бывають свадьбы и танцы *Русалокъ* (214); тогда поселяне

(214) Малороссійскія пѣсни, изд. М. А. Максимовичемъ. М. 1827. въ 16.

не купаются въ рѣкахъ и не ходящъ поодиначкѣ въ поле и лѣсъ, чѣобы *Мавки не защекотали* (залоскопали) или не закачали. Мушцины и женщины наканунѣ ешихъ дней запасаются зорею и польнью, какъ предохранительными средствами противъ нападенія Русалокъ (215). Въ Малороссіи, въ Троицынъ день приносящъ въ церковь охапку зори, калуфера, мяшы и кадила (*chamaeritys*), копоря связывается веревкою, а въ срединѣ спавится шройная свѣча, называемая *Троущею* и горящая въ продолженіе обѣдни: шравы сіи хранятся дома для лѣченія опъ разныхъ болѣзней, а шройная свѣча даешл въ руки умирающему при последнемъ издыханіи. Въ Малороссіи, Духовъ и Троицынъ дни шочно праздники духовъ: впрочемъ шамъ шакже завивающъ и развивающъ вѣнки въ Троицкую педлю, на коей поющъ :

Ой завью вѣнки, да на всѣ свѣпки!

Ой на всѣ свѣпки, на всѣ празднички,

Да рано, рано на всѣ празднички!

Мы уже сказали выше о сборищѣ вѣдьмъ на Ивановъ день въ Кіевѣ на Лысой горѣ,

(215) Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. ч. 2. Москва. 1830. въ 8.

для совѣщанія ; въ сію-по ночь они собираютъ вѣдемскія sprawy, снимаютъ съ неба звѣзды и держатъ ихъ въ кувшинахъ на погребяхъ : въ Малороссіи также вѣрятъ , что кому посчастливилось сорвать цвѣтъ папоротня (папоротника , кочедыжника) въ Иванову ночь , то онъ найдетъ кладъ.

Какъ въ Бѣлороссіи , Гродненской и Виленской Губерніяхъ , Бѣлостокской области день Св. Бориса и Глѣба почивается праздникомъ *Паликоны*, такъ на Волынѣ Радзалеона Мѣсценіка, а въ Малороссіи день *Палея*, т. е. Св. Пантелеймона : этотъ день проводится въ праздности изъ опасенія, чтобы за нарушение этой не спалились молніею копны хлѣба и сноги сѣна. —

Въ Малороссіи извѣстно и *Бабыно лѣто*, которое въ Богеміи, по свидѣльству Юнгманова Словаря , называется также *Rawicj léto*, паушинное лѣто, отъ коего и поговорка : *Babj léto ljeta*, бабье лѣто лептаешь. см. стр. 85 и 143. Въ Кіевѣ *женить Семена* значить у ремесленниковъ: начинаютъ работать при свѣчахъ вечера съ *Семена дни*.

Въ Малороссіи празднуется какъ весенній, такъ и осенній *Юрьевъ день* (26 Ноября); ибо и праздникъ церковный въ честь освященія храма Георгія на злыхъ врагахъ установленъ въ

Кіевъ въ подражаніе Греческому. Тамъ упошребилепень бытъ законныйъ обычай перехода креспьянъ опъ помѣщика къ помѣщику и поговорка: *Отъ тыбъ, бабо, и Юрьевъ день* (216).

Тамъ бывають также земледѣльческія празднества: *Дожьики*, послѣдній день жапы, *Оборки*, оспальныйъ день оранія, *Досъски*, послѣдній день сѣвнія, и *Толоки* съ играми и *забобонами*. *Масляница*, у Сербовъ *бѣлая недѣля* (217), въ Малороссіи не въ такомъ уваженіи, какъ въ Великой Россіи: тамъ не кашаюшся на горахъ; а только ѣдятъ блинцы и вареники и пьютъ горѣлку.

Въ Кіевской г. такъ же, какъ въ бѣлой и черной Руси, *праздникомъ* преимущественно называецся *попъ день*, въ копорый заложена церковь: онъ осправляецся прихожанами съ большимъ торжествомъ, лѣпомъ при церкви, а зимою въ домахъ церковнослужителей. На епомъ праздникъ, сѣвущемъ и знамъ *канонемъ*, а въ Черниговской г. *Братчиною*, пьютъ медъ вареный. *Вечерницами* и *Досвѣтками* въ Малороссіи называюшся сходбища въ одну хапу въ осеніе и зимніе вечера; тамъ работають, поютъ, играють, *жартуютъ* (шупятъ) и *женихаютъ*.

(216) Рускіе въ своихъ пословицахъ, Москва кн. IV.

(217) Енциклоп. Лексиконъ, Спб. т. VII.

Ограничиваясь въ епомъ сочиненіи только простонародными праздниками въ Великой Россіи, замѣшимъ, что одни изъ нихъ общіе, о коихъ выше упомянули, другіе мѣстныя, произшедшіе изъ духа вѣрованія, нравовъ и мѣстности туземцевъ, копорые вѣрояпно чествовали свои опечесивенныя божества, каковы въ однѣхъ странахъ были Ярило, въ другихъ Волось и ш. д. — Общіе праздники, по мѣстамъ извѣстные подѣ различными названіями, являясь тамъ въ особенныхъ формахъ, нерѣдко соединяются съ особенными обрядами, или смотря по климату страны, опправляются ранѣе или позднѣе.

Что разумѣютъ подѣ именемъ *Коледы* въ Чермной, Черной, Бѣлой и Малой Россіи, такъ равно и у другихъ Славянскихъ племенъ, то въ Великой Россіи называютъ обыкновенно *Святками*, *Святыми вечерами*, а въ Новгородской Г. *Кудесами*, *Окручаемъ*, въ Псковской *Субботками*. Однако Коледа воспоминается на Поволжьѣ; въ Костромской и Ярославской Г. поютъ: *Шла Коледа изъ Новгорода* и пр.; что свидѣтельствуетъ о переселеніи обычаевъ изъ вольнаго города при Иоаннахъ III и IV. Въ Муромскомъ уѣздѣ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Рязанской Губ., съ Коледою воспѣвается *Таусень* или *Авсень*. Тамъ

же въ Чухломѣ, о Свяшкахъ ребяпишки слѣдующею пѣсней напоминающъ западный праздникъ *трехъ Королей*:

Двоимъ, проимъ,

Давно споимъ:

Пожалуйте копыице;

Вамъ спасенье,

Намъ прибыльнѣе.

Пожалуйте *Королю* и п. д.

Въ Тульской Г. по селамъ 1 го Января бываетъ *застѣв*; подобно Малороссіанамъ, крестьянскія дѣти ходящъ по избамъ съящъ изъ рукавицы зерны хлѣба яроваго, кои собираются спарухами и берегутся до посява осенняго. — *Соботка*, знакомая Полякамъ, Силезцамъ и Чехамъ, извѣстна также и поселянамъ по рѣкѣ Лугъ, текущей изъ болотъ Новгородской Губерніи въ С. Петербургскую (218). По Волхову знаютъ сіе игрище подъ названіемъ *Коккул*; см. выше стр. 90. Въ старой Ладогѣ при рѣкѣ, впадающей въ Волховъ, на горѣ Побѣдищѣ, по свидѣтельству Ходаковского, епо купальское ликованіе ежегодно совершается въ Ивановъ день при огнѣ, который добываютъ посредствомъ тренія дерева объ

(218) Исторія Малой Россіи, соч. Д. Н. Бантышъ-Каменскаго. ч. 2. Москва, 1830. въ 8.

дерево, называя его въ той сторонѣ *жюмымъ огнемъ*, *Царь-огнемъ* и *Коккуемъ*.

Въ Переславль-Залѣскомъ ярмарка, бывающая въ день Агриппины, по проспорвѣцію Купальницы, слыветь въ народѣ *Купальницею*. *Иванъ Купало*, празднуемый ошъ Днябра до Нѣменя, между чернью называется *Ярилою* въ Ярославской, Тверской и Рязанской Губерніяхъ.

Въ Коспромской Г. недѣли съ Богоявленья ева дня до Масляницы у крестьянъ называется *свадебными*; пошому чшо они всегда около ешого времени играють свадьбы. Ошъ ешого же въроячшо и Февраль въ лѣпописяхъ означень *Свадьбами* (219).

Красная горка, спользъ извѣстная въ Вѣдической Россіи и по празднеству оной въ определенное время и по многимъ урочищамъ, означаеть мѣшо и время: въ Смоленской Г. именуешя *Толщищемъ*, и напоминаеть древнее Славянское *Стадо*. Въ однихъ краяхъ *Горкою* называется гулянье на Святой недѣль, въ другихъ въ Юрьевъ день; но вездѣ Красная Горка почищается временемъ свадебъ и сопровождается бываешъ *кликаньемъ весны*, какъ первый весенній праздникъ, съ коего, по большей часши, начинаютъ *играть въ*

(219) *Карамз. И. Г. Р. V, прим. 222, 386.*

горьких; а когда стануть распускаться листья на деревьях — играют хороводами. Семикъ, или семидесять четвергъ, праздникъ погребенія убогихъ и заживанія вѣнковъ, въ Вологдѣ называется Поляною отъ мѣстоположенія, гдѣ была, по преданію, могила двухъ чудесныхъ витязей *Блаторицель* (220). Позорищемъ Семика бываютъ кладбище и роца. Всесвятское заговѣнье извѣстно въ Коспромѣ и Твери подъ именемъ Ярилы; въ Нерехтѣ — Конюковки, а въ Ярославлѣ — Солонины. — Бабье лѣто въ однихъ мѣстахъ начинають съ 1го Сентября, или Семени дни, въ другихъ съ 8го Сентября, или съ Рождества Богородицы; оно слыветъ въ Саратовской и Пензенской Губерніяхъ. Пасиковымъ днемъ отъ уборки ульевъ, въ Ярославской и Вологодской Губерніяхъ Луковымъ днемъ отъ сниманія съ грядъ лука и чеснока, въ Рязанской *Аспосовыми* и *Спосовыми*, вѣроятно, отъ Спаса или отъ другаго неизвѣстнаго досель слова. Въ селеніяхъ Тульской Г. подъ Великъ день жищели *заклинають* морозъ, губищеля овса, льна и конопель. Поселянинъ беретъ ложку киселя и просунувъ голову въ волоковое окно, говоритъ:

Морозъ, морозъ!

Приходи кисель ѣсть.

(220) Вѣстникъ Европы, 1814, No 14.

Морозъ, морозъ!
 Не бей нашъ овецъ,
 Ленъ, да конопли:
 Въ землю вкодоли!

Окончивъ такія слова, оцъ оборачивается въ
 избу, гдѣ оказывается его водою старшая изъ
 женщинъ.

Въ Галицкихъ мѣстахъ и въ Тверской
 Г. последнее воскресенье, называемое памъ
 прощальнымъ, а въ Сибири Цѣловникомъ,
 молодежь проводитъ въ капаньи по улицъ, одѣ-
 ляетъ пряниками окликальщикова, кото-
 рые носятъ въ рукахъ вѣтви еловаго де-
 рева. Епо окликанье и вѣтви означаютъ
 богашую и роскошную жизнь; ель спа-
 вятъ также на дворъ у хозяевъ, которые
 еще болѣе угощаютъ окликальщикова, воз-
 глашающихъ: *О Лелѣ! О Лелѣ! Прощаль-
 нымъ, или Цѣловникомъ* Воскресенье епо на-
 именовано попому, что предъ наступлені-
 емъ Великаго поста цѣлуются со всѣми въ
 знакъ Хрїстіанскаго примиренія и ходятъ на
 кладбище прощатся съ усопшими родспивен-
 никами. Тамъ же въ Фомину недѣлю, именуе-
 мую *Радошцами*, гуляетъ народъ послѣ полу-
 ночи и до свѣша, распѣвая подъ окнами:
Юница, молодца, подай лицо въ перепечу!

Тогда подають парнямъ вино , пиво , ладунки , казанки , а дѣвкамъ пряники и красныя лица. Ешопъ Юнецъ или Выюнецъ упоминается въ 25 вопросѣ Спюглава: „и на Радоницѣ „Выюнецъ, и всяко в нихъ бѣсованіе.“

Изъ мѣстныхъ праздниковъ въ Россіи извѣстенъ въ Вятской Губерніи подъ названіемъ *Свистопляски*, который совершается ежегодно въ четвертую субботу послѣ Пасхи, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1480 г. Вятчане подъ предводительствомъ Михаила Рожухина, сражаясь ночью съ союзниками своими, Устюжанами, по невѣденію, побилъ ихъ девять тысячъ (221). Послѣ панихиды въ часовнѣ, въ день Свистопляски продаются разныя закуски и дѣлаемые нарочно для сего праздника глиняныя куклы, свистки и шары, коими бросаютъ другъ въ друга, спазываясь по обѣ стороны рва, и свистятъ. Липовская *Swistoplaszka* описана въ Виленскомъ Денникѣ. — Въ верстахъ семи отъ Вологды, по Архангельской дорогѣ естѣ въ лѣсу на полянѣ могила воина Аники, на которую прохожіе кидаютъ сломленные вѣтки деревь. Опъ

(221) Записка Преосвящ. Кирилла, бывшаго Епископа на Вятскаго, а нынѣ Архіепископа Брацлавскаго,

епого шамъ накопляется большой ворохъ , который сжигается въ одинъ лѣтній день собравшимся народомъ. На епомъ сходбищѣ ѣдятъ блины и гуляютъ. — Предъ Троицынымъ днемъ , въ Лихвинскомъ уѣздѣ Калужской Губерніи , бываетъ народный праздникъ *Маргосты* , во время коего одна кума къ другой ѣздитъ на мешлѣ и угощаются пирогами. Орловской и Тульской Губ. , въ епожъ время бываетъ извѣстное и въ другихъ мѣстахъ крещеніе кукушекъ , которое состоитъ въ томъ , что въ роцѣ избранные кумъ и кума надѣвъ крестикъ на пшичку кукушку или на травку погожъ имени , кладутъ ихъ на разоспанный плашокъ , садятся вокругъ его , мѣняясь крестами своими , цѣлуются и съ чрочими подругами ѣдятъ яишницу и поютъ пѣсни. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ , въ *Савингъ* городкѣ , въ Троицкую субботу служатъ молебны на ржаномъ и яровомъ поляхъ , а потомъ вплоть до ночи поютъ и пляшутъ въ честь Ярилы.

Въ Муромѣ , въ первое воскресенье послѣ Троицына дня бываетъ гульбище для погребенія *Костромы* , во Владимірѣ для погребенія *Лады* , а въ Твери недавно прекрапился праздникъ погребеніе *Ярила* , совершавшійся 24 го Іюня близъ Трехъ-свяшскаго сада.

Въ епомъ же краю съ перваго Воскресенья послѣ Пешрова дни начинаются гулянки, называемыя *Петровками*, кою продолжаютъ по первый Спасъ. Въ Рязанской Губерніи, въ Скопинѣ, съ понедѣльника Русальной недѣли до самаго заговѣнья, съ вечера до ночи дѣвки и женщины водяшь хороводы змѣйкою, держась за конецъ платка и припѣвая: *Лелій, лелій, лелій зеленый, и Ладо мое!* — Въ Пензенской и Симбирской Г. въ Духовъ день дѣвки выбираютъ изъ себя одну, нареченную *Костромою*, кладуть ее на доску, на коей несуть ее на рѣку, гдѣ сложивъ ее, купаютъ другъ друга въ рѣкѣ; потомъ сдѣлавъ изъ лубка барабанъ, подъ звукомъ его, возвращающа, домой и, нарядясь, выходяшь на улицу играють въ хороводы до вечера. Сія мѣстическая или символическая *Кострома* извѣстна и въ другихъ краяхъ Россіи.

Въ Воронежской Губерніи на берегу озера Горохова, соединяющагося съ Дономъ, строивали жипели села Горохова, подъ Троицынъ день, какъ гласитъ преданіе, на полянѣ шалашъ, украшали его вѣнками изъ цвѣшовъ и душистой зелени — внутри спавили на возвышенномъ мѣстѣ бована изъ

дерева, иди соломы, одѣшаго въ богатое мужское и женское платье. . . Около шалаша собирались грамотные жители, принося съ собою опшборную, пищу и питье, и составляли около шалаша хороводы, плясали, пѣли пѣсни и пировали *сколко души было угодно*. Въ Воронежѣ, такъ какъ и въ другихъ краяхъ Россіи, молодыя дѣвушки, особливо низкаго соспоянія, на Троицынъ день собирались къ какой нибудь изъ подругъ своихъ *завивать вѣнки*, а на другой день *сходились развивать*. Обыкновенный приѣвъ въ пѣняхъ при епомъ праздникѣ, или лучше сказать, съ самаго опкрытія весны до 25 Іюня, еспь: *Ладо, диди и Ладо*. Въ Орловской Г., еспь обыкновеніе *молить каравай* въ Троицынъ день, которое соспоянъ въ помъ, чпо приготавлиется одинъ общій каравай для спола, а другой для роци, куда съ нимъ послѣ обѣда отправляются гулять и завивать вѣнки. Въ Псковской Губерніи пучками цвѣшовъ, съ коици спояли обѣдно и вечерню въ Троицынъ день, обмешаюпъ могилы родительскія; епо называется: *глаза у родителей прочищать*. — Въ Воронежѣ отправлялось, до Тихона I, ежегодно предъ заговѣнемъ Пепрова поста буйное игрище, имъ уничтоженное 1763 г., въ честь Яри-

ла, копорый, по словамъ бѣго Архипастыря, „въ сихъ спранахъ за бога почитаемъ „быль, пока еще не было шамъ Хриспіанскаго благочеспія.“ Епо ирище соединялось съ плясками и пированьемъ; также съ кулачными боями, на коихъ случались и смерпоубійства и жестокія увѣчья (222). Въ Кинешмѣ до нынѣ совершается празднество въ память Ярилы о заговѣнѣ Всесвятскомъ. — Въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской Г. простой народъ около Пепрова дни спекается на поклоненіе двумъ камнямъ, какъ на могилы родителей, послѣ молебна въ церкви Божіей Матери Умиленія. Сіи камни, коимъ приписывается суевѣрами чудодѣйственная сила, называющіяся *Башь* и *Башиха*; одни ихъ почитаютъ за мушину и женщину, а другіе за супруговъ, иные за кума и куму, или за богатырей, превращенныхъ въ камень. Въ городѣ Тюменѣ Тобольской Г. въ десятое воскресенье послѣ Пасхи бывалъ за бѣлымъ городищемъ праздникъ *Ключь* (223), начинаемый водосвященіемъ и оканчиваемый гуляньемъ, борьбою и пѣснями; нынѣ предаётся онъ забвенію.

(222) Описаніе жизни и подвиговъ Преосвящ. Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго, сочин. *Митрополита Кіевскаго Еугенія*. изд. 2. М. 1820, въ 8,

(223) Сѣверная Пчела. 1827, No 24.

У нынѣшней Мордвы, потомковъ Росповской Мери, переселившейся за Оку и смѣшавшейся съ Мордовою во время крещенія земли Росповской, донинѣ льпомъ совершается языческой праздникъ въ честь Велеса подъ названіемъ *Вель - Оскъ*; а близь Нерехты, также Мерянскаго поселенія, среди рѣки Нерехты лежитъ чудный камень, похожій на большую бочку съ обручами. Простолюдины вѣрятъ, что кто осмѣлился брать воду близь епото камня, тотъ впадетъ въ сумасшествіе. Какъ мы замѣтили выше, что Меря поклонялась Велесу подъ видомъ камня; по сіе даетъ поводъ почитать епотъ камень за Велеса (224). Въ Шенкурскъ и Верховажъ, начиная отъ самаго Рождества цѣлую недѣлю ходятъ парни по домамъ, такъ какъ въ Малороссіи, со звездою, копорая дѣлается изъ бумаги въ аршинъ величиной и освѣщается свѣчею. Тамъ хожденіе съ такою звездою и пѣніе *виноградья* называется вообще *Коледою*. Въ Бабье льпо, въ Серпуховѣ на полѣ дѣвушки и молодцы съ плачемъ шоржеспвенно *хоронятъ мухъ* въ гробкахъ, вырѣзанныхъ изъ моркови и свеклы. Тогда женщины смотрятъ себѣ невѣспъ : что бываетъ

(224) Записки М. Я. Діева изъ Нерехты.

и въ другіе праздники и п. д. см. опр. 32. Въ Новгородѣ, Москвѣ и другихъ городахъ, въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, совершались *обрядъ Пещнаго дѣйствія*, родъ сценическаго представленія, какія бывали и въ Римской церкви (225), въ Вербную недѣлю *обрядъ хожденія на ослати*, а 1 Сентября *ишь мѣтопровожденія*.

Въ Оспашковѣ, по воскресеньямъ бываетъ вечернее гулянье, извѣстное тамъ подъ именемъ *Беззаботной площади*. Въ Цывилевскѣ собранія дѣвиць на веселье называются *Холками*. Во всей почти Россіи празднуются *Пятницы*, соединенныя съ мѣстными торгами, или ярмарками. *Пятница* именуется *временною*; потому что день С. Параскевы, 28 Октября, временно приходится въ пятокъ. Въ Кицешемскомъ округѣ торжествуется *Обзорная Суббота*, а въ Буевскомъ *Обзорная Пятница*, на третьей недѣлѣ Великаго поста, когда зятья пещей и пещей угощаютъ киселемъ съ масломъ, который привозится шуда обыкновенно въ гробкахъ. Въ Шенкурскомъ и Вельскомъ округахъ, по Вагъ простой народъ ежегодно оприваляетъ праздникъ въ пятокъ первой недѣли Петрова поста *Девятой Пятницы*, или въ честь С. Параскевіи, нареченной *Пятницы*, особенно у

Древней часовни въ пяти верстахъ отъ Верховажья, куда бываетъ изъ церкви крестное хожденіе, сопровождаемое множествомъ народа изъ окрестностей. За молебствіемъ слѣдуютъ пиршество и игрище; тамъ дѣвки и парни соспавляютъ два круга, кой поспойвъ нѣскольکو времени въ нѣкоторомъ распояніи одинъ отъ другаго, попомъ сходятся вмѣстѣ и попарно дѣвки съ парнями бѣгаютъ въ запуски; на бѣгу стараются разорвать ихъ чепу дѣвка или парень, у которыхъ нѣтъ пары. Эта игра тамъ называется *Полукрестомъ*.

Въ Пермской Губерніи, въ селѣ Обыченскомъ, въ *Ильинъ день*, по свидѣльствію Лепехина, убиваютъ въ складчину быковъ и телятъ, а въ *Прокопьевъ день* — барановъ, коихъ съѣдаютъ всею міромъ (226).

Приходскіе праздники какъ въ Великой Россіи, такъ равно и въ Бѣлой, сопровождаются общимъ гостепрїимствомъ и весельемъ, которое продолжается обыкновенно три дни. Около Галича и Буя, на монастырь, въ приходскіе праздники угощаютъ прихожанъ и пришлыхъ кашицей, варенымъ мясомъ и пивомъ; епо

(226) *И. Лепехина* Дневныя Записки. Спб. 1768 — 69. ч. I. въ 8.

пѣнь называется: *угощаться у праздника*. Самая поговорка на нашей улицѣ праздникъ, выражаешь всю полнопу удовольствія и шоръ жеспво, какое доспавляешь поселянину его праздникъ, приносящій ему опдыхъ опъ шрудогъ, разгуль и веселье въ жизни. Ежели ближе и глубже вникнуть въ народную, жизнь разлившуюся на разныхъ полосахъ сѣверо-восточной Россіи: шо, вѣроятно, опъ кроется еще болѣе мѣспныхъ повѣрій и обрядовъ древнихъ, смѣшанныхъ и новыхъ, а въ нихъ духъ народа, оплившійся пѣнь въ разныхъ формахъ. Такое разнообразіе повѣрьевъ и обычаевъ подшверждаетъ и самая пословица народная: *Что городъ, то норовъ* (нравъ, обычай); *что деревня, то обычай; что подворье, то повѣрье*.

Въ епомъ сочиненіи мы ограничиваемся только праздниками и обрядами Великой Россіи, кои здѣсь при общемъ обзорѣ разсмашириваемъ сравнительно съ другими, съ нею сходными по внѣшности или сущности; въ слѣдующихъ книжкахъ предложимъ каждый праздникъ особенно съ его подробностями и съ опносящимися къ нему пѣснями.

§ 6. По опношенію къ мѣспу, народные праздники шакже могутъ быть разделены на *сельскіе* и *городскіе*. Въ Древности,

въ эпоху языческую они не имѣли такого различія; въ первые же вѣка, при постепенномъ переходѣ Языческаго къ Христіанской вѣрѣ въ Россіи, они стали различаться своимъ содержаніемъ и цѣлюю, кои измѣнялись въ эпохи наращенія: Греческую, Восточно-Европейскую или Азіатскую и Западно-Европейскую.

Религіозные древніе праздники и обряды изпекши изъ внутрешней, семейной жизни; развились и образовались вмѣстѣ съ развитіемъ и образованіемъ общесства, сперва въ селеніяхъ, потомъ въ городахъ, гдѣ празднества, сопряженныя съ торговлею, судьбищемъ и гостепріимствомъ, служили средствами къ соединенію не только единоплеменныхъ, но и къ сближенію съ разноплеменными народами. Выше приведенное нами мѣсто изъ опечеченнаго лѣтописца — *игрища межю селы* — доказываетъ, что онѣ начались вмѣстѣ съ началомъ общинъ, когда удовлетворены были главныя потребности жизни. Поэтому вѣроятно, что селы имѣли свои средопочія, гдѣ бывали *прѣбища, мольбища, игрища, призища. Погосты и городища* соспавляли такое средопочіе, гдѣ, въ назначенное старѣйшинами селеній время, собирались *мужи и жены* для совершенія богослужебныхъ обрядовъ, кои сопровождаемы были играми и пѣснями; сходство

щѣхъ и другихъ предполагаетъ сношеніе между епими разсадниками народонаселенія и богослуженія. На игрищахъ Вяпичи, Радимичи и Сѣверяне, по сказанію нашего лѣтописателя; „умыкаху жены себѣ, с нею „же кѣо совѣщавашесь.“ Подобная игра донынѣ существуетъ на Сѣверѣ: играющіе раздѣляются на двѣ спорны, изъ коихъ каждая поетъ попеременно и одна изъ нихъ беретъ у другой *дѣвицу* за выкупъ *перенятыхъ ею коней* (227).

Хотя лѣтописцы наши и не говорятъ о священныхъ обрядахъ и празднествахъ въ честь боговъ въ Кіевѣ и Новгородѣ, кромѣ благодарственной жертвы выбраннымъ по жребію Варягомъ при Владимірѣ I и торжественной кляшвы Перуномъ и Волосомъ; однако упоминающъ о *позорахъ*, *игрищахъ*, *рустляхъ* и *тризнахъ*, кои принадлежали къ обрядамъ древняго вѣрованія и совершались какъ въ селахъ, такъ равно въ городахъ и пригородахъ.

Когда жь Хрістіанская вѣра съ X вѣка стала выптснять изъ городовъ обряды и праздники древняго народнаго Язычества: тогда памь съ перемѣною образа мыслей и

(227) Краткое обозрѣніе Мифологіи Славянъ Россійскихъ. Москва. 1815. въ 8.

жизни они обратились въ обыкновенныя гулянья и капанья, сдѣлались гражданскими увеселеніями, съ коими соединяемы были другія чувствованія, другія мысли. Между шѣмъ древнія повѣрья и завѣщныя обычаи укрывались въ колыбели своей — въ сельскихъ приюпахъ, гдѣ они зачались, родились и возмужали вмѣстѣ съ народностію: тамъ они нашли себѣ приволье и разгулье на поляхъ и лугахъ, въ лѣсахъ, на берегахъ рѣкъ и озеръ, на горахъ и на улицахъ селеній. Приурочками ихъ служили лѣтнее и зимнее солнцеспояніе, прилепаніе и оплешаніе птицъ, развершываніе и паденіе листьевъ древесныхъ, замерзаніе и вскрытіе рѣкъ, начало и окончаніе полевыхъ работъ, кои смѣнялись днями покоя и веселья, посвященными на совершеніе праощеческихъ обрядовъ по преданію и по привычкѣ. Забвеніе или нарушеніе завѣщныхъ обычаевъ почищалось у просполюдиновъ пресступленіемъ, за коимъ по ихъ мнѣнію, неминуемо слѣдовала напасть: по етому исполненіе сихъ обычаевъ сдѣлалось необходимостію. — Въ городахъ нерѣдко древніе обычаи замѣняемы были новыми, чужеземными. Въ Хрістіанскую эпоху Государями и Духовенствомъ давались народу праздники по случаю важнѣйшихъ событій. Выше сказали о шоржеспвахъ по освященіи церквей и о

праздникахъ приходскихъ. О пирахъ народныхъ при В. К. Владимірь І въ Язычествѣ и Хрістіанствѣ упоминають лѣтописи наши и старинныя пѣсни :

Во славномъ городѣ Кіевѣ ,
 У Князя у Владиміра ,
 У солнышка Свяшославича ,
 Было пированіе почепное ,
 Почепное и похвальное
 Про Князей и про Бояръ ,
 Про сильныхъ могучихъ богашырей ,
 Про всю поляницу удалую, и пр.

Хлѣбосольный В. К. Владимірь , по сказанію Макарьевской Минеи , „памяши „святыхъ въ церквахъ шворяше пѣніемъ и „молитвами , и праздноваше свѣпю праздники господскія : и при шрапезы пошавляше , первую Мишрополішу съ Епіскопы , „и съ черноризцы и съ попы , вшорую нишчимъ и убогимъ , шрешью себѣ и бояромъ „своимъ и всѣмъ мужемъ своимъ.“ Великій Князь Владимірскій Коншаншинъ Георгіевичъ , по освященіи въ Ростовѣ церкви Св. Бориса и Глѣба , сошворилъ пиръ для угощенія народа и роздалъ милосшыню. Изъ Печерскаго Пашерика видно , что братія Печерскаго монастыря вкушали шрапезу въ

обишели Св. Димитрія въ храмовый праздникъ и обѣдали съ боярами въ Вышгородѣ по случаю праздника перенесенія Св. мощей Бориса и Глѣба; для нихъ же было въ самомъ монастырѣ *учрежденіе веліе*. Князья Свяшославъ и Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава изъ Кіева, приглашали къ себѣ Св. Ѳеодосія на обѣдъ (228). Такія учрежденія бывали въ лаврахъ и другихъ монастыряхъ, гдѣ въ храмовые праздники безмездно угощали богомольцевъ, какъ видно изъ Испоріи Россійской Іерархіи. Со временъ Всероссійскихъ Митрополитовъ, по образцу Византійскихъ церемоній (229), въ Москвѣ, въ день Успевія Богомаперіи донынѣ дается въ Кресповой палатѣ обѣдъ, слывущій *Царскимъ*. Въ Древности Государи и вельможи шворили пиры монахамъ, гдѣ иногда забывались успавы воздержанія и приличія, какъ явствуетъ изъ слѣдующихъ словъ Митрополита Іоанна:

„Иже в манаспырехъ часпо пиры шворятъ,
 „сзываетъ мужа вкупѣ и жены, и в пѣхъ
 „пирѣхъ другъ другу преспѣвають, кшо лучи
 „шворитъ пирь. И оже сихъ шворятъ и собъ

(228) *Карамз. И. Г. Р. III, прим. 80.*

(229) *Constantini porph. de cerimoniis aulae Byzantinae, Lipsiae, 1754. f. cap. 52. — Древняя Росс. Вивлюенка. ч. VI.*

„иже о нѣмъ пьютъ черенци и съ чернѣ
 „погубляюшъ, и мвѣшъ, что добро шворяшъ
 „нищелюбія (230)“.

Древняя Испорія свидѣтельствуетъ намъ,
 что Государи, по случаю знаменитыхъ по-
 бѣдъ, славнаго мира, полезнаго союза и дру-
 гихъ великихъ событій, дѣлали народу празд-
 нества и угощенія. Такъ Царь Давидъ при
 торжественномъ перенесеніи ківопа во градъ,
 „раздалъ ошъ мужа даже до жены коемуждо по
 „укруху хлѣба печенаго и по часпи печенаго
 „мяса и по сковрадному млину (231)“.

Въ опечесвенныхъ лѣтописяхъ встрѣ-
 чающся примѣры народныхъ обѣдовъ, ка-
 кіе давали Великіе Князья. В. К. Влади-
 миръ I далъ народу свѣпный праздникъ
 послѣ спасенія своего ошъ Печенѣговъ:
 „свори праздникъ великъ, варя 40 про-
 „вирь меду и съзываше боляры своя и по-
 „садники, спарѣишины по всѣмъ градомъ и
 „люди многи, и раздая убогимъ 40 гривень.“
 Въ 1148 г. В. К. Изяславъ Мспиславичъ сдѣлалъ
 великолѣпное пиршество народу на Городищѣ,
 по прибытіи своемъ въ Новгородъ, гдѣ внукъ

(230) Рускія Достопамятности, ч. I. М. 1815. 8.

(231) II Царствъ, VI, 19. Млинъ тоже что блинъ.

Мономаховъ веселился съ народомъ, какъ отецъ съ дѣтьми. Въ 1195 г. В. К. Рюрикъ Госпославичъ и сынъ его Росчиславъ Бѣлогородскій съ Кіевлянами дали пирь Князю Давиду Смоленскому, который угоспиль тамъ не только Князей, но и Берендѣевъ, Торковъ и даже самыхъ чернецовъ и нищихъ (232). Княжескіе сѣзды оканчивались пиршествами. Послѣ взятія Казани, Царь Іоаннъ Васильевичъ, 1552 г., сдѣлалъ пиршество воинству, народу, Духовенству и Сановникамъ. Пётръ I праздновалъ съ народомъ свои побѣды. По образцу вѣнчанія на царство Греческихъ Императоровъ, издревле Россійскіе Государи по совершеніи сего священнаго обряда давали народу праздникъ, на коемъ угощали его. Въ чинѣ и посправленіи на царство Царя Алексія Михайловича 1646 г. значится, что „все царствѣй прѣпезѣ пріемники бывають, пиру же зѣло, честну и велику сотворяему новымъ Царемъ—и вси люди весели бывають, и мнози, и честніи дарове отъ Царя износятся (233)“. Извѣстно, что и донинѣ въ день коронаціи своего Государи Россійскіе дають на-

(232) Опытъ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія, ч. I. Москва. 1774. 8.

(233) Карамз. И. Г. Р. III, стр. 187 и прим. 331.

роду праздники съ разными попѣхами, или какъ говорятся, *пирь на весь мїръ*—*пирь горой*.

Такимъ образомъ городскіе, или гражданскіе праздники приняли совсѣмъ другой характеръ, происпекая изъ новыхъ, болѣе иноземныхъ испочниковъ; чшожь касается до сельскихъ народныхъ праздниковъ, шо они еще удерживающъ оспашки древняго своего характера; пошому чшо бышь поселянина донынѣ мало измѣнился въ сущеспвѣ своемъ.

На погоспахъ и доселѣ въ праздники бывающъ сборы или шорги, на кои спекающся госпи изъ сосѣднихъ весей и селеній. Самое слово *погостъ* значить округъ нѣсколькихъ деревенскихъ дворовъ, приходы, поже чшо прежде извѣспно было подѣ именемъ *вервь*, упоминаемомъ въ Руской Правдѣ (234), шакже бѣлюю землю вокругъ церкви, и кладбище или буйвище, какое почши всегда бываешъ въ концѣ селенія. До XVI вѣка Новгородъ и Псковъ раздѣлены были на погоспы, шакъ какъ Сербія на жупанспва. *Погостъ* сроденъ въ Греческимъ *παύρος* холмъ, деревня, и съ Лапинскимъ ра-

(234) Руская Правда, изд. А. Шлецера. Спб. 1767. въ 8. — Въ Славеноросскомъ Лексиконѣ Памвы Беринды гробъ и гробище полкуешся *жупище*. Чшо у Сербовъ было *жупа*. (Зира, Журра), по замѣчанію Князя М. А. Оболенскаго, шо у Рускихъ погостъ, какъ средшочіе селенія или волоспи.

gus (235), отъ коего произошло и *раганы* (*ἰδιώτης, κωμικός*) поганый не только по производству, но и по знаменованію. При введеніи въ Римской Имперіи Хрістіанской вѣры, язычники и идолопоклонники обыкновенно назывались *рагани* (236); попому что они укрывались въ лесахъ, селахъ (*in pagis*) и тамъ на привольѣ совершали запрещенныя законами обряды Язычества. Отъ етого *раганус* значить также сокровенный, тайный (237). Конспанпинъ Багрянородный свидѣтельствуетъ (238), что у Славянъ слово *παυάνοι* употреблялось для означенія *некрещенныхъ деревенскихъ обывателей*. Вѣроятно, оно въ етомъ смыслѣ перешло на Русь отъ Болгаръ и Сербовъ, у которыхъ находилъ въ языкѣ. Съ того времени, а можетъ быть, и ранѣе, слово *паганъ* обратилось въ укоризнен-

(235) По мнѣнію Сервія Грамматика: *Pagi dicti a fontibus; quod eadem aqua uterentur: aquae enim lingua Dorica παυαί appellantur.*

(236) *Augustin. Retract. 42: Deorum falsorum multorumque cultores, paganos vocamus.*

(237) *Glossarium mediae et infimae Latinitatis. Halae. I—VI. 8. — Обзоръніе Коричей книги въ историческомъ видѣ, соч. Б. Розенкампа. М. 1829. 8.*

(238) *de administrando imperio, p. 29, 36. c. 32 p. 99.*

ное прозвище невѣрнаго челоѣка, какъ напр: у Чухонцевъ въ Еспляндіи и у Рускихъ поселянъ *поганый* значить нечистый, скверный. Въ Кормчей, Номоканонѣ, Синоглавѣ, Треникахъ и въ посланіяхъ Рускихъ Святителей именующся *поганскими* древніе языческіе обряды, какіе явно и тайно опправлялись въ селахъ и даже городахъ. У Римлянъ также сельскіе праздники назывались *Paganica*; а *Paganalia* праздновались въ каждомъ округѣ Римской области ежегодно въ честь бога хранишеля окружаго, обыкновенно по окончаніи жатвы. У Византійскихъ писателей Далмація и Сервія именующся *Paganica* (239). По етому, не безъ основанія, простонародныя повѣрья и обычаи называются *сельскими, деревенскими*, какъ удѣломъ черни, необразованныхъ простоллюдиновъ.

О земледѣльческихъ праздникахъ мы замѣтили еще прежде. Трудъ земледѣльца улаждаешся весельемъ; рабочая пора, или *страда, страдная пора*, у него соединенась особенными обрядами и пиршествами: предъ посѣвомъ и жнивомъ и послѣ жнива бывающъ крестные ходы съ св. образами. Начатки жнивь и первые сошны, такъ равно и первые

(239) *Stritteri memoriae populorum. t. IV. in 4.*

плоды приносятся въ храмъ Божій. Въ Симбирской и Пензенской Губерніяхъ , по окончаніи жнишва, весь народъ собирается въ поле дожинашь послѣдніе загоны, и когда уже свяжутъ послѣдній снопъ : то нарядивъ его въ сарафанъ и кокошникъ, несутъ на барскій дворъ, гдѣ господа подчиваютъ ихъ пивомъ и виномъ , поздравляя съ окончаніемъ жатвы. Въ сѣверныхъ Губерніяхъ , напр. Костромской , когда измолотятъ хлѣбъ (что обыкновенно бываетъ въ день *Феклы Заревницы*, 24 Сентября): тогда овинъ нарекаютъ именинникомъ и варятъ для него кашу молошльщикамъ , копорые когда измолотятъ на гумнѣ хлѣбъ , приговариваютъ : *Хозяину хлѣба ворошокъ , а молотльщикамъ каша горшокъ*. — У Мордвы, также и въ разныхъ полосахъ Великой Россіи , въ Августѣ бываетъ пиршество, называемое *Помочью* : малосемейные зажиточные люди сзываютъ сосѣдей себѣ на помощь для сжатія созрѣвшаго хлѣба. Тогда , для угощенія помощниковъ , спавятся на дворъ кадки съ пивомъ и сполы съ хлѣбомъ и солью , кашачами , пирогами. На сиротскую и вдовью *Помочь* не требуется никакого иждивенія; но сиротъ и вдовъ снабжаютъ всѣмъ пѣмъ, что нужно для такого пиршества : имъ безмездно помогаютъ не только сжать хлѣбъ , но

и запасши на цѣлый годъ дровъ и лугины (240). Въ Яранскомъ и Уржумскомъ имѣніяхъ Вятской и Пермской Губерній начинаюшъ удобрение полей съ Пепрова дни *Помочами*; епо называется шамъ: *назьмы грать*, п. е. играшь (241). Такія Толоки, или Помочи для унавоживанія полей извѣсны въ Смоленской и другихъ Губерніяхъ. Кельхень въ Лифляндской Испоріи такъ описываетъ Толоку: „Въ половинѣ крашкаго лѣпа, во „время жапвы шѣ, кошорые имѣюшъ обшир- „ную ниву, обыкновенно сзываютъ доволь- „ное число сосѣдей для шого, чшобы съ ихъ „помощью скорѣ окончили жапву; ешимъ „помощникамъ ввечеру они дѣлаюшъ угоще- „ніе, кошорое шамъ называется *Талкомъ* „(Talckus). Слово сіе происходитъ ошъ древ- „няго Еспскаго, или Прускаго Talck, знача- „щаго работу не за какую либо плату, но „за кушанье и пипье, и хопя приглашенные „на шолоку занимаюшя цѣлый день шя- „госпными шрудами; однако слѣдующую за

(240) *И. Лепехина* Дневныя записки. Спб. 1768 и 69. ч. I. въ 4.

(241) Журналь Министерсшва внутр. дѣль, 1836, No 4. стр. 73.

„ними ночь проводятъ въ пѣніи, пляскахъ и „весельяхъ“ (242).

Кромѣ земледѣльческихъ праздниковъ, существующихъ шамъ, гдѣ процвѣпаешъ земледѣліе, еспъ *пастушескіе*, какъ мы замѣнили, особливо во дни св. Георгія, св. Флора и Лавра и св. Власія. Въ Сибири, въ концѣ Октября, бываешъ у рыбаковъ праздникъ, или *Юровая*, когда они за нѣсколько верспъ по Ирпышу ѣздящъ за красною рыбою. Какъ въ Германіи и Франціи собираніе винограда, пакъ въ Россіи *рубленіе и стѣченіе капусты*, или *капустницы*, соспавляющъ родъ празднества, на какое въ приволжскихъ Губерніяхъ собирающя дѣвицы въ лучшихъ нарядахъ, переходя съ пѣснями изъ дому въ домъ, гдѣ ихъ угощающъ хозяева (243).

§ 7. Кромѣ упомянутыхъ нами поспоянныхъ и подвижныхъ праздниковъ и поржеспенныхъ обрядовъ, подчиненныхъ условіямъ мѣста и времени, приведемъ здѣсь въ дополненіе къ сказанному нами выше на стр. 51, еще *чрезвычайные или заповѣдныя, обгт-*

(242) *Liefländische Historia, oder kurze Beschreibung der denkwürdigsten Kriegs u. Friedens Geschichte Esth-Lief u. Lettlandes.* Rudolffst. 1695. 4.

(243) Письма Рускаго Офицера, *Ф. Глинки.* М, 1821. ч. 5.

ные : они учреждались по какому нибудь чрезвычайному случаю , во время мора или другой напаси. Изъ нихъ замѣчательно *Опахиванье* , или *Коровья смерть* во время скопскаго падежа. Опахиванье совершается въ полночь однѣми женщинами , которыя собираются у околицы , извѣспивъ напередъ , чшобы никто изъ мущинъ не выходилъ на улицу. Шеспвіе обыкновенно начинается дѣвкой съ образомъ св. Власія ; за нею слѣдуешь женщина верхомъ на помелѣ , съ распущенными волосами , въ одной рубахѣ : она сопровождается полною бабъ и дѣвокъ съ ухватами и кочергами , косами и серпами , коими они бьютъ въ сковороды съ дикимъ воплемъ ; за ними другая толпа съ зажженными лучинами , въ срединѣ ея нагая спаруха въ хомутѣ , запряженная въ соху , коею прижды опаживаютъ всю деревню и шѣмъ самымъ , по ихъ вѣрованію , пересѣкаютъ путь коровьей смерти (244). Между простолюдинами встрѣчались примѣры самопожертвованія , или обреченія на вольную смерть , въ случаѣ моровой язвы : по суевѣрному мнѣнію , для прекращенія мора , избранную міромъ по жребію женщину , или даже мушину , зарывали живыхъ въ землю съ пѣпухомъ и кошкою.

(244) Путешествіе отъ Тріеста до С. Петербурга ,
изд. В. Броневскаго. Москва , 1828 , 2 ч. въ 8.

На Руси извѣстны, кромѣ *временныхъ, обѣтныя Пятницы*, въ кои креспьяне зарекались работашь, обѣщаюся праздноваць : епо бываешь по случаю безведрія, неурожая, падежа и другихъ напасей. Для ешого даже писались опъ міра пакъ называемыя *заповѣдныя записи*; въ собраніи грамошъ И. Н. Царскаго ешъ двѣ записи *заповѣдныя XVI вѣка*, въ помъ, чшобы по воскресеньямъ и „пятницамъ работашы не работаша, дѣла не дѣлашъ никакого чернаго, ни угоды, ни бѣлки, ни лѣсовашы, ни рыбы ловишъ, ни ягодъ, ни „губней не носишъ.“

§ 8. Главныя и важнѣйшія дѣйствія жизни человѣческой, *рожденіе, свадьба и смерть*, у всѣхъ почти народовъ ознаменованы особенными праздниками и обрядами. Торжественныя сіи дѣйствія у Рускихъ Славянъ происпекли изъ древняго ихъ быша и вѣрованія, обрапились въ обычай и опчасти привились къ Хрїстіанскимъ обрядамъ, коими сопровождаюся сіи при акша жизни семейной. По связи оныхъ съ просто-народными праздниками мы огранчимся здѣсь только очерками епихъ семейныхъ празднествъ, кои пребующъ подробнаго мѣспнаго описанія и изслѣдованія.

Вмѣсто бракосочетаній, у Радимичей, Вяпичей и Сѣверянъ бывали, по свидѣтельству льпописца, въ Язычествѣ *игры*, (*ѵра*, см. выше), на коихъ они себѣ брали (умыкаху) женъ; отсюда, вѣроятно, выраженіе: *играть свадьбу*. Супрасльскій льпописецъ (245) такъ изображаетъ древнѣйшее игрище, вмѣсто брака: „Бяху бо „законъ и обычаи браныи въ нихъ (Славенахъ): „не хожаше женихъ по невѣсту, но привожаху „вечерь, а упре приношаху по ней, чшо уза- „конено. А Древляне пошомъ начаша жиши „звѣрьскимъ образомъ скопъски: убиваху дроугъ „друга, лдуще все нечисто, и бракъ въ нихъ „не былъ, но умыкаху девици. А Радимичи, „и Вяпичи, и Сѣвера единъ обычаи имяху: „начаша же по малъ и ши яспи, нечисто „живоуще въ лѣсехъ, и срамословне и несшы- „деніе діаволоу угажаючи възлюбиша, и прѣдъ „опци, и снохами, и маперми, и мрази (брази?) „не възлюбиша, но игрища, межи сътъ и шу слѣ- „гахоуся рищюще на плясаніа, и опъ плясаніа „познаваху, копорая жена или дѣвица до мла-

(245) Сравни Льпопись Неспорову по Лавренш. сп., изд. Р. Тимковскимъ. Москва, 1824, въ 4. и Супрасльскую рукопись, содержащую въ себѣ Новгородскую и Кіевскую сокращенныя Льпописи, изд. Княземъ М. А. Оболенскимъ. Москва. 1836, въ 4.

„дыхъ похощевіе имашь, и опъ очного воззрѣнія,
 „и опъ обнаженія мышца и опъ прѣспъ руч-
 „ныхъ показанія, и опъ прѣспней даралага-
 „нія на прѣспы чюжая, пажъ потомъ це-
 „лованія съ лобзаниемъ и цюпи съ сердцемъ
 „ражедгшися слагахоуся, иныхъ поймающе,
 „а другихъ поругавше, мешааху на насмѣ-
 „ніе до смерти: имяхоу же и по в, и по г,
 „жены: зане слабъ соуци женскій обычай,
 „и начаша друуга предъ другою червипи лице
 „и белимъ прыпи абы оуношя въжелель ея
 „на похощь.“ Извѣстно, что свадьбамъ
 предшеспвуютъ общія гаданія, какія бы-
 ваютъ о Свящикахъ, когда дѣвицами при-
 зывается *суженой ряженой*. Свадьба, по
 Чешски *Weselí*, веселье, соспоитъ изъ
помолвки, рукобитья, или сговора, дѣвишни-
ка и вѣнчанія; симъ обрядамъ предшеспву-
 ютъ и послѣдуютъ бани, пиры и наблюдение
 разныхъ примѣщъ. Въ Коспромской Г. свадеб-
 ные пиры: *пропой, гостинцы, сговоръ* на канувъ
 бракосочепанія, по что на Московщинѣ дѣвиш-
никъ; а споль въ первый день брака — *Кня-
 жий*. Въ старину употребительно было еще
осыпаніе хмѣлемъ жениха и невѣсты предъ
 вѣнчаніемъ и послѣ онаго (246). Выше
 упомянули мы о *куничюмъ*, или *вѣнечной ку-*

нищъ , стр. 116 , что доселѣ сохраняется у простолюдиновъ , или упоминается въ свадебныхъ пѣсняхъ разныхъ краевъ Россіи . Въ Коспромской Г. , болѣе въ крестьянскомъ быту , невѣста сирота , за день до вѣнчанія , ходишь ночью въ сопровожденіи подругъ *прощаться* съ родителями на кладбище ; тамъ помолясь на могилахъ , она приговариваетъ : *родимые батюшка и матушка , не надо ни злата , ни серебра , прошу родительскаго благословенія !* Также послѣ вѣнчанія *крутятъ* молодую , т. е. заплетаютъ ей волосы на головѣ въ двѣ косы и надѣваютъ *повойникъ* или *кокошникъ* : этотъ обрядъ сопровождается *окрутильнѣмъ объѣдомъ* . Символическими явствами на свадьбѣ бываетъ *коровой , перепеча , сыръ и лишница* . Въ Вельской округѣ и по Вагъ печи приносятъ въ Пешровъ день на второй годъ брака *сыръ въ почете зятѣмъ* , которые по сему случаю дѣлаютъ пиршество (247) . Вѣнчальные свѣчи служатъ предметами загады-

• *Moscoviae ortus et progressus. auth. D. Printz a Visciani. Gubernae. 1679. 12.* Описаніе въ лицахъ торжества , происходившаго въ 1626 г. Февр. 5 при бракосочетаніи Государя Царя Михаила Феодоровича съ Государынею Царицею Евдокіею Лукьяновною. М. 1810. 4.

(247) *Карамз. II. Г. Р. ч. VI. стр. 254. VII, стр. 223.*

ванія о долголѣтніи молодыхъ и зажигающъ во время прудныхъ родовъ для облегченія родильницъ. О свадебныхъ обрядахъ говоритъ Исторіографъ, что они „опчасти Славянскіе, „опчасти Скандинавскіе и что смыслъ оныхъ „легко опгадасть: нѣкоторыя изъ нихъ обра- „зовали любовь, согласіе, чадородіе, богат- „ство; другіе должны были удалять дѣйствіе „злаго вещества.“

Въ разныхъ Губерніяхъ Великой Россіи встрѣчаются различныя свадебныя обряды, въ коихъ нерѣдко подъ грубымъ покровомъ скрывается нравственное основаніе, напр: въ первый день свадьбы, разуваніе мужа женою, опъ коего опказалась Рогнѣда Полопская, невѣста В. К. Владиміра I (248), вскрываніе новобрачныхъ послѣ первой нѣчи или поржественное свидѣтельствованіе невинности дѣвической, какое бывало у восточныхъ народовъ (249) и какое запрещено было Пешромъ I, и ш. д.

Подобныя обряды, оставшіяся теперъ у сельскихъ жипелей или у мѣщанъ, прежде наблюдались и на Великокняжескихъ, Цар-

(248) Софійской Временникъ, ч. I. М. 1820. въ 4.

(249) *Jahn Archaeologia biblica*. Viennae, 1814. въ 8.

скихъ и боярскихъ свадьбахъ, какъ видно изъ описанія оныхъ (250).

Родины празднуются пиршествомъ, на коемъ главное блюдо занимаетъ каша. Чтожь касается до обычая класть на зубокъ, то въ-роятно оный есть подражаніе принесенію даровъ волхвами рожденному І. Хрісту. Кроме суевѣрныхъ обрядовъ, примѣтъ и предзнаменованій, предшествующихъ и послѣдующихъ родинамъ, извѣстны *розмываніе* рукъ роженицы съ бабкою на девяшый день, и *опоясываніе младенца* черезъ шесть недѣль послѣ рожденія. Въ Славянскихъ земляхъ издревле существовалъ обрядъ, въроятно языческій, перваго обрѣзанія волосъ, или *Постриги* и *Посажденіе на коня* младенцевъ мужескаго пола отъ 4 до 7 лѣтъ: чпд донынѣ наблюдается у козаковъ (251): у нихъ отецъ и мать, посадивъ на коня младенца, у котораго прорѣзывались зубы, возили его въ церковь, гдѣ служили молебень Св. Іоанну воину о томъ, чпюбы сынъ ихъ былъ *храбрымъ козакомъ*. Древнѣйшій Польскій Историкъ Маршинъ Галль

(250) Опышь повѣствованія о древностяхъ Россіи, Г. Успенскаго. Харьковъ, 1818, 2 ч. въ 8.

(251) Руская старина, изд. А. Корниловичемъ. Спб. 1825, въ 16. — Сюда въроятно относится пословица: *Невѣста водится, а женихъ на конь садится.*

свидѣтельствуемъ, что два спранника, угощенные Пясомъ, *постригли волосы* сыну его младенцу и дали ему имя Семовиша. Кадлубко говоритъ, что епомъ рыцарскій обрядъ вступленія дѣпей въ бытіе гражданское раждалъ между людьми духовное свойство и что мать постригаемаго считалась названою сестрой постригающаго. Послѣ Постригъ, говоритъ Тапищевъ, свидѣтель оныхъ, дѣпи переходили изъ женскихъ рукъ въ мужскія (252). Изъ лѣпописей опечесивенныхъ видно, что торжественныя *Постриги* Великихъ Князей совершались въ церкви, какъ сдѣлалъ В. К. Всеволодъ III въ Суздаль съ сыномъ своимъ Юріемъ; Князь Михайлъ въ Новгородѣ у Софіи съ сыномъ Роспиславомъ и Князь Константинъ Всеволодовичъ съ дѣпями своими Власіемъ и Всеволодомъ. Епомъ обрядъ съ XIII в. сопровождался молитвою и пиршествами.

День плошскаго рожденія у Рускихъ не столько празднуемъ былъ, сколько день духовнаго, или именины; однако лѣпописи свидѣтельствуютъ, что Царь Иванъ Васильевичъ праздновалъ въ Коломенскомъ селѣ день своего рожденія пиршествомъ: „праздникъ

(252) *Тапищева* Росс. Исторія. кн. III, 502. — *Карамзина* И. Г. Р. III, стр. 137, 259.

„пворяше рожденію своему ; шамо бо во вся
„лѣта празднованіе“ (253).

Еще и въ XVI вѣкѣ продолжался древній обычай давашь особенныя имена и прозванія, кромѣ полученныхъ при св. крещеніи : опъ ешого вспрѣчаюшся въ Исторіи лица , имѣющія по два имени, какъ бывало у Евреевъ (254). Знапные люди писывались въ самыхъ государспвенныхъ бумагахъ *Дружинами, Истомами, Неудачами, Невѣжами, Тишинами* и п. д. Баронъ Майербергъ въ 1661 г. замѣтилъ, что Рускіе Бояре имѣли по два имени, одно, полученное при рожденіи, а другое при крещеніи ; послѣднее они шали изъ опасенія , чтобы ихъ не испортили колдовствомъ или чародѣйствомъ (255). Въ доказательство приведемъ здѣсь слѣдующіе примѣры изъ лѣтописей. Въ Воскресенской Л. сказано : „родися у В. Князя Всеволода сынъ „Теодоръ, а прозванъ бысъ Ярославъ 6698 г.“ Въ Никоновскомъ Л. подъ 6718 г: „родися „Князю Констаншину Всеволодичю сынъ „Иванъ , глаголемый Всеволодь.“ Царь Иванъ

(253) *Карамз. И. Г. Р. ш. VIII, прим. 409.*

(254) *Jahrbuch Archaeologia biblica. Viennae. 1814. въ 4.*

(255) Труды и Лѣтописи Общества Исторіи и Древн. Росс. ч. III.

Васильевичъ названъ былъ также Варооломеемъ.

Одинъ изъ поржеспвенныхъ семейныхъ праздниковъ Рускаго народа — *Именины*, или *Тезоименитство* (*ἐπωνυμία*): последнее происходитъ отъ Чешскаго слова *tés* или *téz*, *тотъ же*, соотвѣтствующаго Рускому: *тѣзка*. Именинное празднество обыкновенно продолжается три дня, сопровождаясь дарами имениннику; отъ епсого и пословица: *Добрый именинникъ до трехъ дней* (256). Главною принадлежноспью имениннаго пира еспь пирогъ, копорый, по старому обычаю, разламывается надъ головою именинника, въ предзнаменованіе благополучія. У Сербовъ *итти на красный колачь* значить: *итти на именинный пиръ*, копорый у нихъ также празднуется три дня: первый называется *краснымъ*, другой — *поутріемъ*, третий — *установцемъ*. Въ старину у Рускихъ, именинникъ хаживалъ съ пирогами или съ стибнями къ роднымъ и знакомымъ. Царь Алексѣй Михайловичъ въ день своего тезоименишпства носилъ именинный пирогъ къ Патріарху; послѣ поднесенія пирога Свя-

(256) Абевага Рускихъ суевѣрій. М. Ч. Москва. 1786. въ 8.

пшпелю , онъ жаловаль пирогами Паптріаршихъ бояръ и дьяковъ (257).

При похоронахъ и поминкахъ въ шрешины, девятины, полсорочины, сорочины, полугодовщины и годовщины наблюдаются въ разныхъ краяхъ Россіи особенные, спаринные обычаи и примѣпы , кои суевѣріе и право давности приобщило къ Хрістіанскимъ обрядамъ.

Капаніе лицъ и возліянiя на могилахъ, въ Родипельскія , скаканіе и пѣсни скоморшескія послѣ плача на кладбищахъ , наконецъ попойки предспавляющъ сходство съ обычаями Грековъ и Римлянъ Скандинавовъ. см. стр. 28. Присущспвовавшіе при поминкахъ *скоморохи*, коихъ шолпы хаживали по селамъ и деревнямъ, происходятъ опъ *Скамаровъ*, народа хищническаго, жившаго въ V и VI вѣкахъ при нижнемъ Дунаѣ (258). *Радуница*, или *Навій сторникъ*, и Троицкая суббота соединились въ Древности съ окличками *мертвыхъ*. Успановленные православною Церковью для поминовенiя усопшихъ *семь вселенскихъ панни-*

(257) Древняя Росс. Вивліюника , ч. VI.

(258) Московскій Наблюдатель, Іюль, 1836, стр. 66. Опъ Скамаровъ происходитъ, по мнѣнію Шаффарика, Славян. *скомрахъ* и Руское *скоморохъ* (*latro, nebulo*).

хидъ , а Россійскою Церковью *Дмитріевская суббота* въ Октябрь , безъ сомнѣнія , имѣли цѣлю и замѣщеніе древнихъ языческихъ обрядовъ. Въ Гжатскъ и вообще въ Смоленской Г. у просполоудиновъ въ родипельскія собираются родственники на свои кладбища плакашь и пировать; а ввечеру сходяшся шуда молодцы и дѣвки свыкашся , оправдывая дѣломъ Рускую пословицу : *Начинають за упокой , а кончатъ за радость.*

Къ домашнимъ праздникамъ причисляепся также *Новоселье* , сопровождаемое особенными обрядами и примѣнами. На *Новоселье* приносятъ хозяину *хлѣбъ-соль* , какъ знаменіе спорыньи , довольства и хлѣбосольтва — Русской патриархальной добродѣтели. *Ѣздитъ на пиры , братчины и свадьбы* было въ Руской древности какою-то повинностью , ошъ коей освобождались монастырскіе крестьяне жалованными грамотами (259); въ нихъ запрещаетъ „намѣспничимъ людямъ и воло- „спельнымъ и помѣщиковымъ незваннымъ ѣз- „дипъ на свадьбы , пиры и брашчины“

(259) Исторія Росс. Іерархіи, т. I—VII.

§ 9. Самородная поезія естъ главная стихія нравственнаго образованія народа, начинающа-
 яся съ первыми его вѣрованіями, съ первыми
 понятіями о себѣ и природѣ. Изъ вѣрованій про-
 истекають праздники и обряды съ обрядовыми
 и миѳическими пѣснями, приговорами и при-
 чипаніями. Сія гласные, самородные памяш-
 ника Словесности, не смотря на всѣ измѣ-
 ненія и обновленія въ языкѣ оныхъ, живутъ
 народнымъ безсмертіемъ, сославляють за-
 вѣщную стихію опечесственности. Бо всѣхъ
 населенныхъ странахъ міра, на всѣхъ язы-
 кахъ гласъ радости и печали превращался въ
 пѣснопѣніе. И дикія племена и образованные
 народы пѣснями выражаютъ свои моленія и
 проклятія; ибо пѣшь — для сердца человѣче-
 скаго значитъ жить. У древнихъ изкони
 пѣшы были законы, бытія племенъ, похвалы
 богамъ и богатырямъ (260). Пѣснь предше-
 ствовала письму. Всякое насшавленіе въ ре-
 лигії и мудрости, воспоминанія о важнѣй-
 шихъ событіяхъ въ народѣ передавались въ пѣ-

(260) Отъ сего *νόμος* значитъ пѣснь и законъ, так-
 же *carmen* принимается въ смыслъ пѣсни, молитвы
 и словъ закона. *Encyclopédie des gens du monde*, t. V.
 à Paris. 1835. art. chanson.

сняхъ, кои были не писаны, но переходили изъ устѣ въ уста и пѣвались съ игрою на мусикійскихъ орудіяхъ и плясками при богослужебныхъ и народныхъ торжествахъ. Изслѣдованія старинныхъ обычаевъ и народныхъ пѣсень у Нѣмцевъ и Славянъ показываютъ, что у нихъ богослужебные праздники сопровождались пѣснями, наславительными для народа (261). Въ оспашкахъ древнихъ пѣсень увѣковѣчены нѣкоторыя важнѣйшія эпохи Рускаго народа; что умалчиваетъ летопись, что иногда досказываетъ пѣсня; самая пословица Руская: *Пѣсня была*, сходная съ Нѣмецкою: *Die Sage lebt im Gesang* — свидѣтельствуетъ, что въ пѣняхъ сохранялись *былины древнихъ лѣтъ*.

Главнѣйшее словесное богатство Славянскихъ племенъ сохранилось въ пѣняхъ, которыми онѣ отличались предъ всеми другими народами свѣта: въ VI вѣкѣ онѣ слыли у Византійцевъ пѣснолюбивыми (262); Славянскіе странники брали съ собою въ путь

(261) *Dissertations sur les antiquités de Russie, par M. Guthrie, à S. Pet. 1795. въ 8. — Новое и полное собраніе Росс. пѣсень. Ч. I — 4. Москва, 1780, въ 12.*

(262) *Stritteri Memoriae populorum. t. II.*

гусли (кибары), а не оружіе. Незвѣстный пѣвецъ Игорева похода упоминаеть о *въщемъ Боянѣ, соловьѣ, пѣснитворцѣ стараго времени*, а Волынская лѣтопись о *словутномъ пѣвцѣ Митусѣ*. Когда Кн. Даниль, по переходѣ чрезъ рѣку Нарову, избавилъ многихъ Хрістіанъ: тогда, по выраженію той же лѣтописи, *пѣнь славну пояху има*. Ляхи въ XIII в. побѣду надъ К. Владиміромъ Гюриковичемъ порожествовали *древними пѣснями*. Въ сихъ завышнихъ лѣтописяхъ души и сердца заключающа бытія, мнѣны, мыслы, чувства, надежды народа. — Хотя древнее вѣрованіе не могло удержаться у Рускихъ Славянъ, при обращеніи ихъ въ Хрістіанскую вѣру; но существенная часть онаго для поэзіи, внутренняя сила поетическая проникнула нѣкоторыя старинныя народныя пѣсни и приговоры, какъ опклики древняго времени, повторяемые въ настоящемъ (263). Народная пѣсня находится во внутренней связи съ чувственною жизнію сказанія. Богослуженіе у Славянъ Рускихъ не могло обойтись безъ пѣснопѣній: въ чемъ удостовѣряють насъ свидѣльства лѣтописцевъ и остатки старинныхъ хороводныхъ пѣсень, миѣическихъ думъ и сказаній

(263) Карамзина И. Г. Р. ш. IV и X.

Сколько время ихъ ни искажало; однако не могло совершенно изгладить кореннаго ихъ свойства, которое оставило свои слѣды при всѣхъ новѣйшихъ измѣненіяхъ и прикрасахъ (264).

Однѣ изъ старыхъ Рускихъ пѣсеньносятъ на себѣ миѣческой цвѣтъ; другія, намекающія на древніе богослужебные обряды и жертвоприношенія, принадлежатъ къ обрядовымъ пѣснямъ, къ коимъ относятся причитанія и приговоры пѣсенные. Въ оспашкахъ немногихъ миѣческихъ пѣсень и припѣвовъ упоминающа древнія божества и рѣки, въ честь коихъ онѣ были пѣны, на пр: *Ладо, Дидилаго, Купало, Туръ, Ярило, Таусень, или Авсень — Дунай, Донъ*. Нерѣдко въ нихъ смѣшиваются языческія вѣрованія съ хрістіанскими понятіями, на пр. въ Тульской г. въ Троицынъ день поютъ:

Благослови, Троица,
 Богородица,
 Намъ въ лѣсъ пойми,
 Вѣнокъ сплести,
 Ой дидъ Ладо (265)! —

(264) Исторія Рускаго народа, соч. *Н. Полеваго*, ч. II, М., 1830. 8.

(265) Путешествіе отъ Триеста до С. Петербурга, изд. *В. Броневскаго*, 2 ч. Москва, 1828, въ 8.

Пѣснями поселяне привѣтсплуютъ въ Россіи *солнце* на Пешровъ день, подобно какъ въ Липовскомъ Секминѣ. См. стр. 30. Пѣснями поселяне встрѣчаютъ первый весенній *дождикъ* и *закликаютъ красную весну*. Пѣсни, какія пѣвались въ сѣверныхъ странахъ среди веселыхъ хороводовъ и плешней вокругъ Майскихъ деревьевъ, опносятся къ языческимъ обрядамъ, выражаютъ союзъ между обоими полами, между небомъ и землею (266).

По опношенію пѣсень къ народнымъ праздникамъ въ разныя времена года, ихъ раздѣлить можно на *святочные* (подблюдныя), *колядскія*, *весеннія*, *семицкія* и *троицкія*, или *русальныя*, *купальскія*, или *ладовыя*, по названію Карпато - Россовъ, которые празднуютъ Ладу въ день Купала и пр. Почти всѣ сіи роды пѣсень мѣологическихъ, нашихъ сагъ, имѣютъ характеръ хороводныхъ и примѣненіе къ особливымъ обрядамъ (267), на пр: А мы просо сѣяли—Заплешися плешень и пр. Въ разныхъ краяхъ Великой Россіи онѣ представляють мѣспныя опмѣны по своему содержанию и выраженію, достойныя изслѣдованія;

(266) Edda Saemundina, t. III. in 4.

(267) Умозрительныя и опытыныя основанія Словесности, соч. А. Глаголева. Спб. 1834. въ 8.

что онѣ упростили въ одномъ мѣспѣ, по сохраняющъ въ другомъ. Такимъ образомъ, одно дополняясь и объясняясь другимъ, составляетъ цѣлое, стройное проявленіе духа народнаго въ живущихъ, гласныхъ памятникахъ.

Рускія заклинательныя пѣсни, какія извѣстны въ Бѣлоруссіи, Липвѣ, Польшѣ и Швеціи, вѣроятно суть оспашки древней восточной жизни, переходившей черезъ всѣ народы и достигшей до нашихъ временъ. У Финновъ чародѣйныя пѣсни (Lugut) древнѣе всѣхъ прочихъ самородныхъ стихопвореній; на Англосакскомъ онѣ называются Runstafas (268). У Липовцевъ загадочныя пѣсни извѣстны подъ именемъ Misles. Сюда же можно отнести, (269), собранныя И. П. Сахаровымъ пѣсни *русалокъ, вѣдьмъ и солнцевыхъ дѣвъ*.

„Безспорно, говоритъ ученый Тредьяковскій, во всѣхъ человѣческихъ обществвахъ „богослужители были первенствующими стихопворцами. Стихами не только прославляли „они божество; но и достоинство свое опмѣняли симъ родомъ рѣчи оспѣ общаго и про-

(268) Соревнователь просвѣщенія и благошворенія, СПБ. 1820, No III.

(269) Catholique, à Paris. 1826, t. I. No 3.

„стаго слова. Почему и наши языческіе жре-
 „цы, безъ сомнѣнія, такое жъ равно преиму-
 „щество имѣли, и были главные и лучшіе,
 „въ нашихъ обществахъ, слагатели стиховъ.
 „И такъ, способъ, бывшій у нихъ обыкновен-
 „нымъ въ составленіи стиха, долженъ спривести
 „быть самое древнее стихотвореніе наше.
 „Неподозрительными и живыми свидѣтелями
 „простонародныя пѣсни наши сіе почно свой-
 „ство имѣютъ въ стихосложеніи своемъ. На-
 „родный составъ стиховъ есть подлинный
 „списокъ съ богослужительскаго. Возрѣмъ те-
 „перь на начало нашего Хрістіанства: ви-
 „димъ мысленно сущую нужду его, токмо то
 „изпробитъ у насъ, что непосредственно
 „касалось до богослуженія ложнаго: на народ-
 „ныя, гражданскія и дружескія употребленія
 „не съ толкимъ съ начала ревнованіемъ оно
 „взирало. — И такъ, многодѣльное тогда
 „первое наше Хрістіанство, хоща искоренило
 „всѣ многобожныя служенія и пѣсенныя про-
 „славленія богамъ и богинямъ; однако, съ
 „пренебреженія, или за упражненіями,
 „не коснулось къ простонароднымъ обыкно-
 „веніямъ: оставило ему забаву общихъ уве-
 „селительныхъ пѣсень, а съ ними способъ
 „сложенія стиховъ. Сіе почно и есть перво-
 „родное и природное наше стихосложеніе,

„пребывающее и до днесь въ проstonарод-
 „ныхъ молодецкихъ и другихъ содержаній пѣ-
 „сняхъ живо и цѣло. Начавшееся у насъ Хри-
 „стіанство, испребившее всѣ идольскія бо-
 „гослуженія и уничижившее вконецъ спле-
 „пенныя пѣсни спихами въ похвалу идоламъ,
 „лишило насъ безъ мала на 600 лѣтъ богочти-
 „пельнаго спихопворенія. Пребывало деюю-
 „родное родство его шокмо, чѣтобъ, шакъ
 „сказашъ, какъ въ залогъ у самаго онаго про-
 „стаго народа въ подлыхъ пѣсняхъ; и пре-
 „ходило отъ вѣка въ вѣкъ не безъ преста-
 „рѣнія“ (270).

Изъ Исторіи Саксоніи и Польши из-
 вѣстно, съ какимъ спараніемъ испреблялись
 тамъ языческія пѣсни въ XI вѣкѣ, кои замѣня-
 емы были хрістіанскими пѣснопѣніями (271).

Духовные наши писатели, изъ ревности
 къ Православію и изъ презрѣнія къ суевѣрію,
 называютъ спаринныя пѣсни, какія пѣва-
 лись о праздникахъ проstonародныхъ, *сатанин-*
скими, бѣсовскими, отъ бѣса замышленнымъ
дѣломъ. Объ нихъ упоминають Номоканоны и

(270) Въ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ, въ Спб. 1755,
 Апрель.

(271) *Miscellanea Cracoviensia*, an. 1806. fasc. II.

Споглавъ. Препод. Памфилъ , при описаніи Купальскаго праздника , въ посланіи своемъ къ Намѣспнику Псковскому , говоритъ , что погда „егда не весь градъ возмяпешся и въ „сельхъ возбѣсяшся въ бубны и сопѣли и гу- „деніемъ спруннымъ, и всякими неподобными „играми сапанинскими , плесканіемъ и пля- „саніемъ, женамъ же и дѣвамъ, и главами кива- „ніемъ, и успнами ихъ непріязненъ кличь, всѣ- „скверныя пѣсни, и хребпомъ ихъ вихляніе и „ногамъ ихъ скаканіе и топшаніе“ (272).

Въ *свадебныхъ пѣсняхъ* , нашихъ еписпа- ламахъ, споль обильныхъ и разнообразныхъ въ Россіи, проявляются еще непрспывшіе слѣды обрядовъ древняго вѣрованія, живая карпина нравовъ и обычаевъ народныхъ. Онѣ нерѣдко проникнуты бывають глубокими и умиль- ными чувспвоаніями. Едва ли еспь народъ , кромѣ Рускихъ , особливо Малороссіанъ , у коего можно бѣ было собрать цѣлую книгу свадебныхъ пѣсень. Малороссійскія пѣсни со всѣми обрядами наспоящая опера-водевиль и едва ли гдѣ она имѣла споль еспеспвенное происхожденіе.

(272) *Карамз. И. Г. Р. ш. I.*

Похороны и поминки сопровождаются причитаніями или голошеньемъ, въ коихъ плачевнымъ речитативомъ вычисляются достоинства покойника и жалобы осиротѣвшихъ. Мы сравнивали сіи причитанія съ Греческими *ἰαλμοί*, съ Римскими *laudes funebres*, паеніас и Липовскими заупокѣйными пѣснями. По свидѣтельству Кельхена (273), Финны и Лашыши Балпійскіе, въ XIII вѣкѣ, совершая тайно свои языческіе обряды во глубинѣ лѣсовъ, плакали надъ умершими, которымъ клали въ могилы пищу, питье, попоръ и нѣскольکو денегъ съ слѣдующими причитаніями: „Спулай, бѣднякъ, въ лучшій міръ, „гдѣ не побою Нѣмцы, но ты Нѣмцами будешь повелѣванъ! Вошь шебъ на дорогу запасъ, оружіе и деньги.“ — Сарницкій говоритъ: „на Руси пѣвались елегіи въ память двухъ храбрыхъ братьевъ Спрусевъ, павшихъ 1506 г. въ битвѣ съ Варягами. „Елегіи сіи назывались у Рускихъ думами.“ „Соглашая заунывный голосъ и пѣлюдвиженія со словами, они иногда сопровождаютъ пѣніе, оныхъ печальными звуками свирѣли (274).“ Въ нашихъ лѣпописяхъ, умильныхъ повѣ-

(273) *Diefländische Historia*. Rudolfstadt. 1695. 4.

(274) *Annales regni Polonisi*. II.

спяхъ , сказаніяхъ и въ иносѣранныхъ писателяхъ о Россіи сохранились оспашки такихъ причитаній , кои и доселѣ употребляются между просполоудинами и спаровѣрами. *Пѣсни дьявольскія* (*carmina diabolica*) , какія простой народъ имѣлъ обыкновеніе пѣть ночью надъ усопшими , запрещающа паспырскимъ посланіемъ къ пресвиѣрамаъ Епископа Веронскаго Раѣерія (275).

Напѣвы старинныхъ обрядовыхъ пѣсень почти всѣ заунывные и часто шоржественные: они опзываются не звуками рабства Тапартскаго, какъ думаютъ иносѣранные писатели; но какимъ-то благоговѣйнымъ тономъ, шоскливостію о прошедшемъ и будущемъ , какъ шайнственныя отголоски умиленной души. Если всѣ онѣ будущъ собраны и изданы опчешливо : тогда только съ достоверностію можно вывести изъ нихъ заключенія о духѣ самородной поэзіи Руской.

Что касается до игръ , говоритъ О. Миллеръ (276) , то „надобно допустить такое время въ древней Испоріи народовъ , когда

(275) *Glossarium manuale ad scriptores mediae et infimae Latinitatis. t. II. Halae, 1773. В. v. vox carmen.*

(276) *Die Estruffer von D. Müller. Breslau, 1828. 8.*

всякая игра, всякая пляска бывала въ честь боговъ, пакъ какъ всякое большое пиршество, на коемъ съѣдались мяса, было жершвенною прапезой. По крайней мѣрѣ, историческое преданіе вездѣ объясняетъ намъ сію загадку и постепенное отдѣленіе. Также въ эпо раннее время искусства соединялись въ одно искусство: праздничное дѣйствіе, музыка, борьба — все составляешь съ капищемъ и кумиромъ одно цѣлое, коего части, когда стали отдѣляться или входилъ въ кругъ обыкновенной жизни, мало по малу ошпадали отъ своего цѣлага. “Всѣ праздники у Грековъ сопровождались танцами, играми и пирами. У Римлянъ въ Древности *ludi* составляли часть богослуженія. То же почти можно сказать о древнихъ народныхъ праздникахъ Рускаго міра.

О значеніи и происхожденіи слова *игра* мы сказали выше; здѣсь прибавимъ только, что *Гура́* (*ὄρχησις*), описанная Ксенофонтомъ, была родъ военной пляски, заимствованной Греками отъ Персовъ (277). Степенная книга, Сприковскій и Герберштейнъ свидѣтельствуютъ, что въ Новгородѣ была *игра палицами* на мосту въ память того, что Перунъ, брошенный

(277) *Xenophon Κύρου παιδείας*, I. VIII.

въ Волховъ , кинулъ Новгородцамъ на мостѣ палицу съ слѣдующими словами : *Храните ее, гражданае, въ память мою !* (278). О подобной игрѣ говорится въ правилахъ Кирилла Митрополита Рускаго , какъ о *бъсовскомъ позорѣ* *треклятыхъ Еллинъ* , и въ договорѣ Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новгородцами въ XII в. , гдѣ сказано, что „неисповая забава , въ коей „люди бьются дрекольемъ, не должна быть „перпима на улицѣ между дворами Нѣмецкими , чпобы Россіане и госпи не имѣли „повода къ ссорамъ.“ — Выше упомянутое *битье бочекъ* Новгородцами ; по мнѣнію М. Я. Діева, похоже на Самоѣдскій Пендеръ, описанный Бруиномъ въ путешествіи. — Чпожь касается до *игрушекъ*, или *игръ*: по онѣ были родъ бѣгапырскихъ попѣхъ, или шурнировъ, о какихъ говорится въ лѣпописяхъ. Волынская лѣпопись свидѣтельствуетъ, что когда Князь Ростиславъ въ XIII вѣкѣ споялъ у Ярославля ; *сотвори игру* предъ градомъ. Кіевская лѣпопись говоритъ , что „Угри на фарѣхъ и на „скокохъ играаху на Ярославлемъ дворѣ (279).“

(278) М. Евгения разговоры о древностяхъ Великаго Новгорода. Москва. 1803. 4.

(279) Исторія Рускаго народа, соч. Н. Полеваго , т. II, прим. 456 и т. IV, прим. 146.

Въ 1390 г. „въ Коломнѣ была игрушка, на коей смертельно уязвленъ былъ сынъ Великокняжескаго пѣспуна, Осей“ (280). — Къ древнимъ попѣхамъ также принадлежатъ *колыски*, или *качели*, кои Сприковскій и сочинитель Синописа называютъ *дьявольскою стѣтїю* (281). Изъ лѣтописей, Номоканона и Пролога видно, что въ святки и другіе праздники Рускіе надѣвали на себя маски, личины, или *наличники*, кои также называются *скуратами* отъ Лапинскаго *scurra* шумъ. Въ харашейной Кормчей XIII в. маскированье святочное называется: „*обличья игрецъ и ликъсшвеникъ*.“ Въ Паперикъ Печерскомъ упоминается о *лудѣ на бѣсть въ образъ Ляха* (282): отсюда и *Москолюдство*, сосполщее, по мнѣнію Р. Тимковскаго, изъ словъ *маска* и *лудѣ*. Въ харашейномъ Прологѣ 1432, въ списѣ, хранящемся въ Императорской Публ. Библиотекѣ, говорится въ житіи Преп. Нифонта, что „въ церковные празд-

(280) Карамз. И. Г. Р. т. V, прим. 251.

(281) I. Раича Исторія разныхъ Славянскихъ народовъ. Спб. 1795. въ 4.

(282) см. Was bedeutet das in den russ. Chroniken unter dem J. 1024 vorkommende Wort *luda*? eine antiquarische Abhandlung von A. J. Sjögren. S. Petersburg. 1834. 4.

„ники ови бяху в бубны, друзи же въ ко-
 „зиць и в сопѣли сопяху, инииже възложив-
 „ше на лица скурашы, идяху на глумленье
 „человѣкомъ, и мнози оставивше церковь на
 „позоръ печаху, и нарекоша игры шѣ Ру-
 „салья.“ Русальные сіи хороводы въ харашей-
 номъ спискѣ Нестора названы *Русальче*, по
 изъясненію Карамзина, и грище (283). Кромѣ
 кулачнаго бою, мы приводили выше *Жмурки*,
 или *Слѣпа баба*, извѣстныя въ Кіевской Г.
 подъ названіемъ *Жельзной бабы*, *Горѣлки*, *Гу-
 лочки* и проч. Описаніе игръ Рускаго народа
 сослужитъ особенный опдѣлъ, занимапель-
 ный по своему содержанію и немаловажный
 въ отношеніи къ духу народному. Сочиненія
 Гг. Голембовскаго, Нарбуша, Гюпри и И. П.
 Сахарова могутъ быть руководствами въ епомъ
 предметѣ народности.

При обзорѣни Рускихъ проспонародныхъ
 праздниковъ вмѣстѣ съ суевѣрными обрядами
 открываешся, что большая часть оныхъ оп-
 носится къ Славяно-Руской Мифологіи, копо-
 рая образовалась въ шу эпоху челоѣческой
 мысли, когда неопредѣленность оной равняетъ:

(283) *Карамз.* И. Г. Р. ш. II, прим. 113.

ся ея смѣлоспи и когда собственная Исторія народа смѣшивается съ его богоученіемъ и богослуженіемъ. Опечеспвенныя божества народа соотвѣтствовали образу его жизни и мѣспности; священные обряды и праздники — его вѣрованіямъ и мифамъ. Какъ въ отношеніи одного вѣрованія къ другому открываепся отношеніе между народами единоплеменными и соплеменными: по и въ праздникахъ и обрядахъ у Славянъ, разсѣянныхъ по Европѣ подъ разными именами, проявляетсѣ сходство въ главныхъ черпахъ, а различіе въ частныхъ. Такое родовое сходство въ характеристическихъ черпахъ, основываясь, по большей части, на единствѣ происхожденія и духѣ сихъ племенъ, составляетъ личность народную. Но какъ еспь коренныя понятія въ человѣчествѣ, кои развиваются въ свойственныхъ имъ формахъ: по у всѣхъ почти извѣстныхъ народовъ встрѣчаются общія вѣрованія и происшедшіе изъ нихъ обряды, сходные по сущности и различные по внѣшности; ибо онѣ, уклоняясь отъ своего истока и прошекая, сквозь мѣръ и человѣчество, заимствуютъ отъ мѣспности, климата и духа народовъ различные образы. Какъ сѣмена растѣній часто заносятся въпромъ на чуждую имъ землю, такъ и по-

вѣрья путемъ преданій переходятъ изъ одной страны въ другую, и тамъ перераждаюъ, принимаютъ особенные виды и цвѣты.

Исслѣдованіе общаго и родоваго сходства въ вѣрованіяхъ, въ обрядахъ и праздникахъ полезно и важно для познанія челоуѣчества и народности, коимъ споль же сродно вѣрованіе и богопочтеніе, какъ самопознаніе и самосохраненіе. Оно открываетъ коренныя черты общей жизни челоуѣчества и отличительныя черты народности въ завѣсныхъ ея сферахъ: однѣ объясняются другими.

Различіе же въ прослонародныхъ Рускихъ повѣрьяхъ и праздникахъ происходитъ отъ различія сферъ народности, какія входили въ оныя, въ предъиспорическія времена, путями мало еще изслѣдованными. Славяно-Русскія преобладающія сферы миѣческаго міра *Восточная, Греческая и Скандинавская* проявляются въ прехъ главныхъ средопочіяхъ, или уздахъ Россіи: Кіевъ, Новгородъ и Московщинъ, гдѣ расселялись Задунайскіе и Балтійскіе выходцы. Какъ иноземныя сферы народности нерѣдко у Рускихъ Славянъ перелицовывались на свой ладъ: по отъ слиянія оныхъ вѣроуочно происпекали новыя повѣрья и суевѣрные обряды, какіе бывали у шарожиловъ и

насельниковъ Рускаго Сѣверо-Востока ; слѣды
 рныхъ оспались въ шѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ жи-
 ли Финны, Меря, Мурома и прочіе народцы, ис-
 численные у лѣпописцевъ нашихъ. Самыя сказ-
 ки наши намекають о появленіи *Руѣи* въ шѣхъ
 мѣстахъ, гдѣ *Рускаго духа слыхомъ не слыхано,*
и видомъ не видано. Хопя, при поспепенномъ
 переходѣ Рускихъ Славянъ ошъ опечеспвен-
 наго Язычеспва къ Хріспіанспву, живыя нѣ-
 когда вѣрованія и суевѣрные обряды время
 ошъ времени испреблялись , или замѣняемы
 были другими вновь введенными обычаями ;
 однако они , какъ завѣшныя спихіи древней
 народности , обращались въ игру жизни , и
 подъ видомъ привычныхъ и срочныхъ по-
 пѣхъ и увеселеній , сквозь ряды вѣковъ и
 перевороповъ, достигли нашихъ Временъ, до-
 пускались , скажемъ словами Пепра Великаго,
для народнаго полмированія. Просполюдины, жи-
 вушце болѣе по опеческимъ преданіямъ и не пе-
 ремѣняющіе своего древняго быта, не хопѣли и
 не могли распапьясь съ оными и замѣнипъ
 спарые обычай другими новыми , имъ чуж-
 дыми. Они шѣмъ болѣе спарались удержашъ
 древнія опечеспвенныя празднеспва, чпо онѣ
 соединены были съ различными играми и уве-
 селеніями , чпо онѣ соспавляли спихію его
 жизни общеспвенной и семейной.

Доказательствъ же о происхожденіи народныхъ Рускихъ праздниковъ и обрядовъ изъ Славяно-Рускаго Язычества находящіяся :

1) Въ свидѣтельствѣ нашихъ лѣтописцевъ и Церковныхъ писателей, копорые сами называютъ сіи праздники *языческими, еллинскими, погаными, идольскими требами* и п. д.

2) Въ мѣстныхъ и обрядовыхъ пѣсняхъ народныхъ и сказкахъ, въ коихъ нерѣдко упоминаются имена древнихъ божествъ, также *красное солнце, свѣтель мѣсяць, мать земля* и суевѣрные обряды. см. стр. 223.

3) Въ обычаѣ дѣлать чучелы и болваны при нѣкоторыхъ народныхъ праздникахъ, какъ то : при изгнаніи зимы и при встрѣчѣ весны, въ Дожинки и Обжинки ; въ предспавленіи избранными опъ міра лицами *Ярилы (284), Тура (285), Костромы, Масляницы,*

(284) На праздниствѣ Ярилы въ Костромѣ, по свидѣтельству старожилъ, въ Всесвятское заговѣнье одинъ мужикъ нашивалъ изображеніе мущины, украшеннаго леншамы съ большимъ дѣпороднымъ удомъ, въ ящикъ; вокругъ его ходили женщины съ пѣснями, потомъ съ плчевными причѣсами зарывали въ землю. Это похоже на поклоненіе Фаллу и Лингаму.

(285) Прошлаго года найденные въ селѣ Туровскѣ близъ Галича, мѣдные маленькіе идолы доставлены въ Истор. Моск. Обществу. *Туръ* вѣроятно поше же *Ярило*.

Пятницы и ш. д. Сюда же отнести должно особенное въ народъ благоговѣніе (воспочнаго происхожденія) къ нѣкопорымъ огромнымъ камнямъ, къ спарымъ дуплистымъ деревьямъ и ш. д. Въ помъ и другомъ случаѣ Славяно-Руская Мифологія предспавляетъ въ себѣ соединеніе Антропоморфизма съ Фетишизмомъ, пакъ равно дуализмъ въ Бѣлбогъ и Чернобогъ, въ Купаль и Купальницъ, Дидъ и Ладъ, Царьогнь и Цариць-водиць и ш. д.

4) Въ благоговѣніи къ первенспвующимъ, царственнымъ спихіямъ, огню и водъ, олицепворяемымъ по *Перуномъ*, по *Зничемъ*, по *Купалою*, по *Купальницею*, священными рѣками и озерами, кои боогпворимы были собспвенно не для нихъ самихъ, но для духовъ, по мнѣнію народному, въ нихъ живущихъ, или ими владѣющихъ. Чпожъ касается до перескакиванія черезъ огонь и омовенія или обливанія, то овѣ не сполько произошли изъ обогпворенія рѣкъ и огня, сколько изъ идеи очищенія, какую находимъ въ вѣрованіяхъ у Грековъ и Римлянъ подъ разными образами. По свидѣтельспву Плато-Карпина, очищеніе огнемъ и водою употреблялось у Татаръ при Башыѣ.

5) Въ разныхъ суевѣрныхъ примѣпахъ и предзнаменованіяхъ, гаданіяхъ, чародѣйспвахъ и заговариваніяхъ, съ какими особенно соеди-

нены *Святки* и *Семики*. см. *Сказанія Рускаго народа о семейной жизни своихъ предковъ*, изд. *И. Сахарова*. Спб. 1836. ч. 1.

Вѣроятно, что нѣкопорыя кощунства и примѣпы возникли во время борьбы Хрістіанства съ Язычествомъ, такъ на пр: встрѣча съ монахомъ и попомъ (286) и пр.

Самыя позорища празднествъ и игрищъ народныхъ, по большей части, тѣ же, какія бывали въ Язычествѣ: *берега рѣкъ и озеръ*, проводниковъ народонаселенія на Сѣверъ и мѣста богослужебныхъ обрядовъ идолю служенія — *горы и курганы*, сіи колыбели и могилы (287) челоуѣчества, сдѣлавшіяся для него алтарями — *дубравы*, первые его приюты и кущи языческихъ пребищъ. Когда же развилась общественная и семейная жизнь въ селеніяхъ: тогда и праздники народа вышли *на улицу*, тогда само-

(286) Изъ ругательствъ воиновъ *Роспиславовыхъ* на *Григорія Чудотворца* видно, что встрѣча съ монахомъ почиталась и въ древности Руской предзнаменованіемъ бѣдствія. см. *Патерикъ Печерскій*. *Владиміръ Мономахъ* въ духовной поже говоритъ. *Въ Потребникѣ*, М. 1639, упоминается: *о вѣрованіи въ чохъ и встрѣчу*.

(287) Многія старинныя кладбища и жальники на горахъ: въ *Ярославлѣ* и въ *Коспромской Г.* *Туговыя горы* ошь слова *туга* — *тужить*.

Бытность и общежительность высказались въ пословицѣ: *На нашей улицѣ праздникъ.*

Впрочемъ не всѣ народные праздники и повѣрья родились въ эпоху языческую Славяно-Руссовъ; нѣкоторыя изъ нихъ, особливо относящіяся къ житейскимъ потребностямъ, образовались въ первые вѣка Рускаго Христіанства и подчинялись идеѣ онаго; когда еще оно имѣло черезполосное владѣніе съ древнимъ закоренѣлымъ вѣрованіемъ; шло съ нимъ рука объ руку, и когда еще первое не могло сдѣлаться повсемѣстнымъ; остатки послѣдняго испреблялись поспешенно въ городахъ, но еще удерживались въ селахъ и погоспахъ; какъ завѣщныя, опеческіе обычаи; освященные правомъ незапамятной давности. Въ эту эпоху языческіе обряды и народные обычаи нерѣдко примѣшивались къ христіанскимъ, коль скоро не пропозорѣчили онымъ въ нѣкоторыхъ частяхъ.

Христіанство и Язычество иногда почерпало символы изъ общаго источника оныхъ — природы; только съ различнымъ знаменованіемъ и съ различною цѣлью. Первое возводило опъ чувственнаго къ духовному, другое напрошивъ того низводило опъ духовнаго къ чувственному; одно спремилось къ единству, другое къ многообразію и многочасности,

какія проявились въ мѣтахъ физическихъ и
 религіозныхъ; одно было чисто нравственное,
 другое, обращаясь въ кругу жизни чувствен-
 ной, поклонялось и стихіямъ міра и спра-
 шьямъ своимъ, представляло божественное
 въ сліяніи съ силами природы. Мысль о перво-
 образномъ, священномъ въ символѣ имѣешь
 своимъ источникомъ древнее народное вѣро-
 ваніе, которое одушевляя весь міръ, его
 силы и явленія, сближаетъ человѣка съ духов-
 ными, сверхъ-естественными силами, ему
 содѣйствующими или противодѣйствующи-
 ми, кои обращаются въ предметы его благо-
 говѣнія. Если бы въ символахъ не было испо-
 рического, нравственного и священнаго зна-
 менованія: то они не возбуждали бы одина-
 кихъ чувствованій, одинакихъ религіозныхъ
 понятій, не были бы повсемѣстными. Боль-
 шая часть оныхъ проспы и разрѣшаются
 на три составныя начала, соотвѣтствующія
 тремъ стихійнымъ цвѣтамъ: землю, воду и
 огонь. По такой общности символовъ, грубое
 суевѣріе нерѣдко облакало въ свои пелены
 чистѣйшія Хрістіанскія понятія: опъ сего
 удержались въ юномъ мірѣ Рускаго Хрістіан-
 ства *Волосы*, *Купалы*, *Купальницы*, *Коледы*
 и пр. Простонародныя прозванія Святыхъ,
 празднуемыхъ Церковію, заимствованныя опъ

годовыхъ временъ , ошь сельскихъ работъ и житейскихъ потребностей , превратились въ какія - то знаменія , имѣющія цвѣтъ миѣической , напр: *Льтопроводецъ* (св. Симеонъ) , *Солоноворотъ* (св. Спиридонъ) , *Запрягальникъ* (св. Іеремія) , *Заревница* (св. Фекла) , *Колосяница* (св. Феодосія) , *Гречишница* (св. Акилина) и п. д.

Первые проповѣдники св. Вѣры , чшобы отвлечь проспой народъ ошь языческихъ празднествъ , прошивопоставляли имъ благочестивыя учрежденія во дни оныхъ , напр: въ день Семика обычай погребашъ и поминашъ убогихъ собрашій на убогихъ домахъ , или опечеспвленныхъ скудельницахъ и п. д. Такъ въ Римскихъ обласпяхъ проповѣдники Евангелія при Конспантинѣ Великомъ иногда снисходили шѣмъ языческимъ обычаямъ , съ коими не могъ или не хотѣлъ расшатъся народъ , закоснѣвшій въ опеческихъ повѣрьяхъ , если они не предспавляли явнаго нечеспія и разврата (288). Тамъ , вмѣсто нѣкопрыхъ суевѣрныхъ обрядовъ , успановлялись креспныя хожденія .

Папріархъ Вальсамонъ въ XII в. шакъ описываетъ Греческіе обряды , совершенно

(288) Обзоріе Кормчей книги въ истор. видѣ , соч. Барона Розенкампа . М. 1829 , въ 8 .

сходные съ Рускими купальскими и свя-
тошными: „Язычники въ 23 день Іюня;
„ввечеру, собирались на берегахъ рѣкъ, и въ
„нѣкопорохъ домахъ мужи и жены укра-
„шали перворожденную дѣву на подобіе не-
„вѣспы. Припомѣ пировали и плясали, кру-
„жились, совершая предпразднество въ честь
„богини Веспы. Между пѣмъ бросали разныя
„вещи въ сосудъ, наполненный водою. Наря-
„женная дѣвица, по вынущіи каждой вещи,
„предсказывала будущее шому, кто клалъ
„оную. На другой день, съ музыкою и пля-
„скою всѣ выходили за водою и кропили оною
„свои дома, а попомѣ во всю ночь прыга-
„ли чрезъ зажженные костры. Церковные
„учители, поспѣшенно опклоняя новыхъ Хри-
„стіанъ отъ языческихъ обычаевъ, почли за
„нужное при водоосвященіи сочинить для
„онаго пѣсни въ честь Пресвятой Дѣвы Ма-
„ріи“ (289). Папа Иннокентій III писалъ слѣ-
дующее о позорищахъ въ Рождественскихъ свя-
ткахъ къ Гнѣзненскому Архіепископу Генриху:
„Въ церквахъ совершаются позорища и не поль-
„ко вводятся для попѣхи чудовищныя личины;

(289) Новая Скрижаль, или пополнительное объясне-
ніе о церкви, о литургіи и пр., сочин. *Архіепи-
скаго Веніаміна*. Москва. 4 ч. 1803 и 6. въ 4.

„но даже въ нѣкопрыхъ праздникахъ участвуютъ сами діаконы и пресвиперы. “ Таковы были въ Римской церкви *праздники ослій, дураковъ, пьяныхъ дяконовъ* и п. п. Св. Григорій Великій въ письмѣ своемъ къ Аббату Меллипу замѣчаетъ слѣдующее объ Англосаксонскомъ идолопоклонствѣ (въ VI вѣкѣ), сходномъ во многомъ съ Скандинавскимъ и Славянскимъ: „Долго я размышлялъ о томъ, чшо у Англовъ опнюдъ не должно испреблять капища, но только уничтожать находящіеся въ нихъ идолы и, по окропленіи св. водою, сооружать въ нихъ св. алтари. Такимъ средствомъ надобно обращать народъ отъ служенія демонамъ къ поклоненію истинному Богу въ томъ самомъ мѣстѣ, куда онъ издавна привыкъ спекаться. А какъ при жертвоприношеніи демонамъ обыкновенно убивали многихъ быковъ; то и сіе пиршество должно такъ же измѣниться: пусть въ праздники церковные дѣлаются шалаши изъ древесныхъ вѣшвей вокругъ св. храмовъ, обращенныхъ изъ капищъ, и тамъ празднуютъ дни сіи благоговѣйнымъ пиршествомъ, снѣдая мясо животныхъ во славу Божию и за насыщеніе принося благодареніе Подателю благъ.“

Такія пиршества въ храмовые праздники имѣли связь съ шоргами или ярмарками,

пакъ чпо промышленность и торговля издревле шли по слѣдамъ религіи и вмѣстѣ съ нею соединяли людей въ города и селенія. Такъ у Еллиновъ *ауора* значило собраніе и мѣсто онаго, сборъ въ смыслѣ торгова, а *панууриг* торжественное собраніе для празднованія. И въ Славянской древности *торжки* и *торги* учреждались при капищахъ во время празднествъ въ честь божествъ : въ Корелии при храмѣ Золотой Бабы, на Ругевѣ при капищѣ Святювида, въ Росповѣ *сборъ* вѣроятно бывалъ въ праздникъ Мерянскаго Волоса, пакъ какъ въ Переяславль-Залѣскомъ ярмарка *Купальница* въ память Купальницы. По древнему обычаю, въ Россіи въ храмовые праздники обыкновенно собираются торги и ярмарки и извѣстные *десять торговыхъ пятницъ* (290). Мы выше замѣтили, чпо на торгахъ бывали судъ и расправа: слѣды епюго оспались въ мірской сходкѣ.

Нигдѣ сполькѣ не обнаруживается духъ и характеръ народа въ полнопѣ и свободѣ, какъ въ праздникахъ его, кои имѣютъ особенную характериспику, измѣняемую, какъ мы сказали, мѣстностию. Рускіе народныя

(290) Академическія извѣстія на 1781 г. ч. VII. Спб. въ 8. сп. *О ярмаркахъ въ Россіи.*

праздники, подобно Греческимъ, опличаясь своею веселостію и игривостію, превышающъ ихъ своею разгульностію, какой предаются просполоудинъ во дни своего покоя и свободы опъ прудовъ. Онъ ждепъ праздника какъ дня жизненной опрады, и являясь на ономъ въ праздничномъ кафпанѣ, веселился съ упоеніемъ, оправдывая свою опечеспвенную пословицу: *Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ*. Въ его понятіи праздникъ еспъ льгота и веселье, въ коихъ онъ почерпаешъ новыл силы къ пятоспнымъ прудамъ и къ борбѣ съ суровою своею природой. Такъ праздники народа, поезія его жизни, имѣющъ пѣсную связь съ его семейнымъ быпомъ и нравспвенностію, съ его прошедшимъ и наспоющимъ.

Исторія всякаго извѣспнаго народа обыкновенно начинаешъ темными временами, событіями чудными и занимательными, но и сомнипельными. Оспорожная крипика не опвергаешъ однако еспихъ древнихъ сказаній изъ предъиспорическихъ временъ, находя въ нихъ часто сѣмена истины, такъ что нерѣдко невозможное дѣлаешъ вѣроятнымъ, а вѣроятное несомнипельнымъ. Съ такимъ намѣреніемъ народныя повѣрья, обряды, праздники и оспашки Язычества подвергались

внимательному испытанію Философа, Историка и Филолога, служили имъ средствами къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, кои могутъ открыть разныя черты характеристическія, составляющія фізіогномію древней народности. Предметы сія всегда подстрекають ученое любопытство постигнуть древность народа, его переселенія, связи съ другими племенами, открываютъ отдаленные памятники Мифологии и языка, необходимые для его Исторіи, и такимъ образомъ распространяють кругъ историческихъ и филологическихъ познаній. Что же не входитъ въ составъ Исторіи, тѣмъ пользуется народная поэзія, которая обогащается изъ епического источника. По такому-то отношенію Руской Етнологіи къ Археологіи, Исторіи и Филологіи опечеспвленной, изслѣдованіе Рускихъ простонародныхъ праздниковъ не только можетъ быть любопытнымъ, но и важнымъ для познанія завѣстныхъ спихій жизни народной, развившихся въ разныя ея эпохи и въ разныхъ мѣстахъ.

Прибавленія и поправки.

Слово *Московицина* употреблено мною пошому, что я въ такомъ значеніи встрѣчалъ его въ древнихъ грамошахъ, а *Новгородѣ* въ Супрасльской рукописи, изданной Княземъ М. А. Оболенскимъ. М. 1836. въ 4.

Къ стр. 67. Въ спрапахъ *Латинскихъ* означаетъ исповѣдывающихъ Латинскую вѣру, преимущественно въ Италіи и Германіи. Римскіе карнавалы, сопровождаемые народными маскарадами, вездѣ, безъ сомнѣнія, были предметами для подражанія. *Vál* въ *Галдерзоновомъ* Исланд. Словарѣ означаетъ также *strues lignorum, rogos, руга*.

Къ стр. 73. Sankt Н. А. Св. Иоанна вечеръ.

На 78 стран. стр. 13 : вм. *der* читай *den*.

Къ стран. 85. стр. 14. *Sialudagr*, по Исланд. : *Sáladagr*, а по Датски *Sjæledag*.

Въ Скандинавскій вѣкъ различался *Vruga-old* вѣкъ сожженія и *Naug-old* вѣкъ погребенія. Пошомъ употреблялись оба сіи способа по произволу. Замѣчаніе *Сума*, сочинителя Исторіи Даніи, Норвегіи и Голштейна Шлезв., Лейпц. 1797.

Къ стран. 61. 'Аг по Исланд. *annus, annona*.

Къ стран. 87. Така есть старинное Исландское слово. Кофобъ Анкеръ въ объясненіи Юпландскаго права говоритъ : *tak cautio fideiussoria*, порука, поручитель.

Къ стран. 91. *Мага* по Исландски *incubus, erihaltis, Kobold, ковалос*. *Мара* по Малоросс. призракъ; по Польски по же; по Нижнесаксонски: *Mahr*; ошного *Mährchen*. Польск. пословица: *Sen maga, bóg*

wiaga, сонъ — мечпа , а вѣришь должно Богу. Сюда же принадлежишь Магзана, кошорую Кромеръ сравниваетъ съ Церерою.

На сгран. 93, в.м. подь именемъ Жмуди, чишай: подь симъ именемъ и Жмуди.

Къ сгран. 93. У Каполиковъ с. Спешану празднуешся 26 Дек.

На сгран. 173, на сгр. 10 в.м. Орловской чишай: Въ Орловской.

На сгр. 218, въ концѣ слова *сказаній* посшавишь почку.